Обозрение

языческих обрядов,

суеверий

А 237/85

А 2/37
85.

Священникъ Іоаннъ Васильевъ.

ОБОЗРѢНІЕ
ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБРЯДОВЪ, СУЕВѢРІЙ
И
ВѢРОВАНІЙ ВОТЯКОВЪ

Казанской и Вятской губерній.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1906.

А 237
85.

Священникъ Іоаннъ Васильевъ.

ОБОЗРѢНІЕ
ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБРЯДОВЪ, СУЕВѢРІЙ
И
ВѢРОВАНІЙ ВОТЯКОВЪ

Казанской и Вятской губерній.

КАЗАНЬ.
-литографія Императорскаго Университета.
1906.

Публичная библиотека

Печатано по опредѣленію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь *К. Харламповичъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ XXII и XXIII томовъ, «Извѣстій Общества Арх., Истор. и Эти.».

2007096148

Предисловіе.

О вотякахъ въ литературѣ много уже сказано, но о вѣрованіяхъ вотяковъ доселѣ часто писалось довольно поверхностно, безъ углубленія въ смыслъ ихъ и съ грубыми ошибками. Такимъ образомъ не легко получить вполнѣ точное и ясное понятіе о вотякахъ и ихъ религіозномъ міровоззрѣніи Такъ напримѣръ: *буздым ин-ву* признается богомъ дождя. Ин-ву собственно значитъ небесная вода. Эту небесную воду въ правѣ низводить съ неба единственно одни шаманы (усто туно) для пророканія достойнаго кандидата въ жрецы, или при опредѣленіе ихъ на должность жреца (о чемъ ниже). Изъ этого видно, что нѣтъ основанія переводить слово *ин-ву* богъ дождя. по смыслу ин-ву есть даръ пророчества, необходимый при дѣйствіяхъ шамановъ, богъ и покровитель каждаго рода. Этотъ даръ пророчества, дается родовымъ богомъ шаману по благоволенію къ роду. Въ виду вышеизложеннаго мы, предпринимая настоящій трудъ, имѣли цѣлью выяснить темное въ сочиненіяхъ и статьяхъ по этнографіи вотяковъ, исправить ошибочное и дополнить сказанное остающимися въ неизвѣстности обрядами и вѣрованіями этого народа, изложивъ все въ болѣе строгой системѣ. Изученіе обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ намъ представляется весьма необходимымъ въ особенности для духовенства въ вотскихъ приходахъ, въ интересахъ укрѣпленія христіанства и успѣховъ въ ихъ противоязыческой полемикѣ.

1. Религія вотяковъ.

Религія вотяковъ не только некрещенныхъ, но и крещенныхъ состоитъ въ языческомъ вѣрованіи и поклоненіи силамъ природы. По ихъ вѣрованію существуетъ множество боговъ, для умилостивленія которыхъ они приносятъ въ жертву разныхъ животныхъ, птицъ и даже рыбъ. Жертвы богамъ приносятся иныя по обычаю, а иныя по указанію главнаго руководителя ихъ въ религіозномъ дѣлѣ, такъ называемаго *усто-тупо*—«ворожца», а иныя по собственному обѣщанію. Обѣщанія эти дѣлаются по разнымъ обстоятельствамъ, какъ то: по причинѣ неурожая, бездѣтства, болѣзней, падежа скота и вообще разныхъ недуговъ и несчастій. Жертвы эти приносятся или отдѣльнымъ какимъ либо семействомъ, или цѣлымъ обществомъ какого либо селенія или же, наконецъ, обществомъ нѣсколькихъ селеній. По мѣсту своего совершенія моленія и жертвы могутъ быть на полосѣ, на гуминѣ, въ подпольѣ, во дворѣ, въ шалашѣ, на рѣчкѣ, въ стаѣ [1]) и въ комнатѣ. Общія же моленія совершаются на полѣ, въ особенныхъ мольбищахъ. Мольбища эти бываютъ на трехъ поляхъ и кромѣ того еще бываетъ такъ называемый *лудъ* (кереметь). Мольбища состоятъ изъ густого лѣса и находятся гдѣ нибудь около рѣчки, потому что при жертвоприношеніяхъ для варева требуется много воды. Если же не бываетъ въ полѣ рѣчки, тогда воду возятъ въ кадкахъ. Лѣсъ всѣхъ мольбищъ считается навсегда неприкосновеннымъ и огораживается прясломъ, какъ чтимое и святое мѣсто. Моленія бываютъ на поляхъ: осенью на озимомъ, весною—на яровомъ, лѣтомъ опять на озимомъ, предъ Ильинымъ днемъ и предъ сѣнокосомъ въ лудѣ или керемети. Моленія вообще состоятъ: а) изъ подготовительныхъ дѣйствій, б) изъ освященія жертвеннаго животнаго, в) изъ закланія животнаго г) изъ варенія его, д) изъ моленія, е) изъ поклоненія, ж) изъ куренія жертвы з) яденія и раздаянія частицъ. Куреніемъ называется сжиганіе части жертвы приносящимъ

---

[1]) Такъ называется скотный дворъ.

лицемъ,—это въ частныхъ случаяхъ; въ общихъ же моленіяхъ, совершаются на мольбищахъ, дѣйствующими лицами бываютъ особы, избираемыя по метанію жребія, а именно: а) жрецъ-*вэсясь*, б) предсѣдатель *торе* в) куритель-*тылась*, г) заклатель-*парнась*, д) прислужники-*кодокъ*, е) котельщикъ-*пурты пулдысь*. Время общаго моленія рѣшается на сходкѣ; ко времени моленія назначается особый денежный сборъ съ души, на собранныя деньги покупаютъ потребныхъ жертвенныхъ животныхъ, потомъ назначаютъ съ каждаго дома, сообразуясь съ количествомъ душъ, другіе сборы, какъ то: крупы, соли и. т. п Затѣмъ являются на мѣсто моленія жрецы; къ вечеру собирается народъ—мужчины, женщины, дѣвки и парни, всѣ въ праздничной одеждѣ и наканунѣ омывшись въ банѣ.

Моленія вотяковъ вообще можно подраздѣлить на слѣдующіе разряды: а) моленія общественныя постоянныя, б) моленія общественныя случайныя в) моленія семейныя постоянныя г) моленія семейныя случайныя, д) моленія постоянныя родовыя, е) моленія случайныя родовыя, и ж) моленія бабъ-вотячекъ.

Божествами у вотяковъ являются: а) *воршудъ* или *вож-шуд-мудоръ*, богъ счастья, б) *инву*, небесная вода, в) *му кылчинь*, ангелъ земли, г) *кылчинь Пимаръ*, Богъ, д) *пудо пери*, нечистая сила, наказывающая домашнихъ животныхъ, е) *музъйем мумы*, мать земли, ж) *шунды мумы*, мать солнца, з) *гудыри мумы*, мать грома, и) *луд асаба*, вождь-начальникъ луда, кереметь, к) *кулэмъёс*-мертвые, л) *ву вылъ пери*, надводная нечистая сила, м) *пинал мыдор*,—молодой богъ н) *тэл выл булык пери*, воздушная корчащая нечистая сила, о) *пужы чача мумы*, мать оспы, п) *съэд пери*, черная нечистая сила, р) *говыл пери*, наджитная нечистая сила, с) *кыль дэй асаба*,—начальникъ болѣзни, (тифа) т) *мынысь ветлысь пери*,—ходящая нечистая сила, у) *корки кузё*,—домовой, ф) *вукузё*,—водяной, х) *луд-пери*, кереметная нечистая сила, ц) *ин вожо*, комета, метеоръ, солнце, падающая звѣзда, огненный змѣй. *Воршудъ инву* олицетворяется вотяками въ видѣ русскаго человѣка, *луд асаба*,—въ видѣ татарина въ тебетейкѣ. Послѣдній есть самый злой богъ. *Ин вожо* легаетъ по рѣчкамъ, свирѣпый, строгій, особенно, когда ему дается полная власть управлять міромъ, именно въ теченіе двухъ лѣтнихъ жаркихъ мѣсяцевъ. Тогда нельзя переѣзжать на тѣлегѣ черезъ воду, если у телѣги на колесахъ есть шины; равнымъ образомъ нельзя желѣзной лопаткой, или деревянной лопаткой касаться воды особенно ключевой, не позволяется тогда также казать солнцу снѣгъ, Въ тѣ дни въ обѣдъ, т. е. въ 12 часовъ дня, строго запрещается шумѣть, кричать, работать и купаться, иначе ин вожо накажетъ градомъ, или убьетъ громомъ или дождь не соразмѣрный пошлетъ. Такимъ образомъ боги у вотяковъ являются въ разныхъ видахъ и съ разными свойствами.

2. Понятіе о Богѣ.

Какое вообще понятіе о Богѣ у вотяковъ, это видно изъ слѣдующихъ разсказовъ, которые мнѣ доводилось слышать въ бытность мою учителемъ

въ вотскомъ селѣ. Однажды я спросилъ у вотяка: «можно ли видѣть Бога?» Онъ мнѣ отвѣтилъ, что достойные люди видятъ Его въ предзнаменованіи будущихъ благъ, ибо только одинъ чортъ видится человѣку предъ какимъ нибудь несчастіемъ. Моя мать, говорилъ онъ, видѣла (въ керемети) татарина, который говорилъ ей, что у нихъ дѣвки моются изъ 7 коромыслъ, т. е. 14 ведеръ воды, и далъ ей знать, чтобъ и вотячки мылись почище; на нее онъ возложилъ обязанность объявить о семъ всѣмъ деревенскимъ жителямъ». «Значитъ, добавилъ разказчикъ, Богъ чистоту любитъ». Кромѣ того мнѣ доводилось слышать отъ многихъ вотяковъ, что какъ въ лудѣ, такъ и въ другихъ мольбищахъ, дорога, по которой ходитъ Богъ, бываетъ гладкая.

Иногда вотяки видятъ Бога въ видѣ бѣлки или медвѣдя и вообще звѣрей, да иногда и людей. Къ Штурминскому (русскому) крестьянину, однажды, когда онъ пахалъ сабаномъ (плугомъ), пришли три человѣка и сказали ему, чтобы онъ имъ не пахалъ. Почему? спросилъ мужикъ. Они отвѣтили, что урожая не будетъ, градомъ выбьетъ хлѣба, и велѣли, чтобы послѣдній объявилъ объ этомъ своимъ односельчанамъ. Штурминскій мужикъ, повинуясь приказаніямъ таинственныхъ-прорицателей вотяковъ отправился домой, собралъ сходку и объявилъ всѣмъ бывшимъ на сходкѣ, чтобы они не пахали сабаномъ, объяснивъ, что ему приказано дать знать людямъ въ видѣніи трехъ лицъ о неумѣстномъ употребленіи плуга. Но получившіе о семъ вѣсть на сходкѣ не послушались его и сказали ему: «кто можетъ такъ говорить, развѣ во снѣ приснилось тебѣ». А онъ объявилъ имъ, что, если они не послушаютъ его, потерпятъ наказаніе, потому что одинъ изъ трехъ сказалъ ему: «если вы не оставите сабаны, градомъ выбью хлѣба». Объявивши о семъ своимъ односельчанамъ, онъ опять пошелъ на мѣсто пашни. Тѣ три лица оказались опять тутъ же, они спросили его: «ну, что сказали тебѣ?» Онъ отвѣтилъ, что не слушаются его, не вѣрятъ—«развѣ во снѣ приснилось», говорятъ. На это одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «ну ладно, пусть не слушаются, а ты самъ то хотя паши сохой съ двумя сошниками, а не сабаномъ». Такъ и сдѣлалъ онъ, а всѣ остальные пахали сабаномъ. Тѣ три лица послѣ того тутъ же стали невидимыми. Годъ былъ урожайный. Когда поспѣла рожь, все градомъ выбило, только у того мужика рожь осталась невредимою.

Подшиваловскій вотякъ когда то пахалъ; къ нему пришелъ нищій съ двумя собаками и сказалъ: «нѣтъ ли у тебя, сынокъ, моимъ собакамъ хлѣба»?—«Есть», отвѣтилъ ему вотякъ и далъ хлѣба, но собаки не стали ѣсть. Нищій вынулъ изъ своего кошеля бѣлаго хлѣба (булку), и отдалъ собакамъ, собаки стали ѣсть. Тогда нищій сказалъ: «твоя лошадь долго не проживетъ, падетъ. У тебя, сказывается, есть тетка (старшая сестра)» (при этомъ онъ указалъ, гдѣ она живетъ и перечислилъ всѣхъ его родственниковъ), «тетка твоя несчастна тѣмъ, что скотина у нея не заводится, хотя дѣти и живутъ». Послѣ этого онъ (нищій) велѣлъ ему (вотяку) оглянуться назадъ, и сталъ невидимъ.

А вотъ еще искаженный разсказъ, въ которомъ можно видѣть искаженную исторію изъ жизни святого Петра мытаря.

Одинъ купецъ жилъ весьма богато. Къ нему ходило много нищихъ, но онъ ничего не подавалъ имъ, ни хлѣба, ни денегъ. Нищіе стали жаловаться Богу. Богъ на это отвѣтилъ имъ, что онъ самъ придетъ къ купцу въ видѣ нищаго. Послѣ того Богъ пришелъ къ нему нищимъ просить подаянія. Когда онъ входилъ, жена того купца какъ разъ несла въ комнату коровай хлѣба. Увидавши нищаго, она разсердилась и прямо бросила въ него короваемъ. Богъ, взявши коровай хлѣба, отправился къ нищимъ и сказалъ имъ, что ему подали, при чемъ показалъ имъ коровай хлѣба, полученный отъ купчихи. На это нищіе сказали: «какъ же они ничего никогда не подавали намъ». На другой день и тѣ нищіе обѣщались сходить къ тому купцу, говоря: «авось и намъ что нибудь дастъ». Ночью Богъ женѣ купца, которая бросила въ Бога короваемъ хлѣба, сталъ представлять во снѣ, что у нея грѣхи немного тяжелѣе коровая хлѣба, и ихъ стало бы еще меньше, если бы она еще подала нищимъ. Утромъ на другой день, когда купчиха проснулась, она сказала мужу: «Охъ, если бы мы стали подавать нищимъ, тогда бы уменьшились мои грѣхи, и стали бы легче коровая хлѣба, ну, съ этого времени всегда уже буду подавать нищимъ». Купчиха усѣлась у окна, слѣдя глазами, не придутъ ли нищіе, и когда нищіе, которые обѣщались Богу сходить къ купцу, пришли, она сама вышла на улицу и подала всѣмъ по короваю хлѣба. Съ тѣхъ поръ купчиха дѣйствительно, какъ сама хотѣла, всегда подавала нищимъ.

Вотъ еще разсказъ, въ которомъ тоже видно библейское вліяніе на религіозныя воззрѣніе вотяковъ.—Іисусъ Христосъ, Инмар, и ангел однажды ходили по землѣ и увидали у рѣчки надъ мостомъ дѣвушку, которая хоронила незаконнаго ребенка. Богъ сказалъ той дѣвушкѣ: «Богъ помощь!» Затѣмъ увидали нищаго, но когда проходили мимо него, богъ ничего не сказалъ, потомъ І. Христосъ и ангелъ спросили у бога, почему онъ сказалъ дѣвушкѣ: «Богъ помощь?» Богъ сказалъ: «она срамитъ воду;» потомъ спросили: «почему нищему ничего не сказалъ?» Богъ отвѣтилъ на это имъ: «поднте, посмотрите, сколько у него подъ полой денегъ». Когда посмотрѣли у нищаго оказался цѣлый мѣшокъ денегъ.

3. Космогоническія воззрѣнія.

Космогоническія понятія вотяковъ вообще скудныя.

а) Р а д у г а по вотяцки называется ву-юись, что значитъ пьющій воду, ибо она пьетъ, вбираетъ въ себя воду. Концы радуги бываютъ, по мнѣнію, вотяковъ на рѣкахъ, на моряхъ: на концахъ радуги, гдѣ она пьетъ воду, находятся, будто бы, золотыя вещи, а именно: золотая ложка, золотой ковшъ, золотая чаша и золотая колотушка. Если кто захочетъ сходить туда, обязательно должно тому человѣку быть въ праздничной одеждѣ, предварительно омывшись въ банѣ. Того человѣка, который дерзнетъ туда сходить не въ чистомъ одѣяніи, радуга ударитъ колотушкой и тутъ же убьетъ. А того человѣка, который придетъ въ приличномъ одѣяніи и чистотѣ, пред-

варительно омывшись въ банѣ, спроситъ: «зачѣмъ пришелъ и если на это отвѣтитъ: «за золотымъ ковшиковъ, за золотой ложкой, за золотой чашей», она дастъ ему упомянутыя волотыя вещи.

б) Какъ представляютъ вотяки м ѣ с я ц ъ, видно изъ слѣдующаго разсказа. Одна круглая сиротка-дѣвушка, не имѣя отца и матери, принуждена была жить вмѣстѣ съ братьями и снохами въ крайнемъ притѣсненіи. Однажды она вся въ слезахъ пошла на рѣчку за водой съ коромысломъ и двумя ведрами и здѣсь на рѣчкѣ, выйдя изъ терпѣнія вслѣдствіе притѣсненія братьевъ и снохъ, сказала Богу: «Господи, чѣмъ мнѣ въ такомъ притѣсненіи жить и мучиться, лучше бы ты поднялъ меня на небо». Послѣ такихъ словъ ея съ неба со звономъ, съ бряцаніемъ спущена была цѣпь, верхній конецъ которой придерживался невидимой силой. Послѣ этого услышанъ былъ голосъ съ неба: «держись за эту цѣпь!» Она ухватилась за цѣпь и такимъ образомъ вознесена была на небо вмѣстѣ съ коромысломъ и двумя ведрами; её то и видно на лунѣ съ коромысломъ и двумя ведрами (предполагается, что она была черемиска).

в) Какъ представляютъ вотяки с о л н ц е, видно изъ слѣдующаго разсказа. У одной причетницы умеръ мужъ, у нея былъ сынъ. Пошли они отыскивать себѣ мѣсто, хотя бы въ прислуги, и когда дошли до хорошаго сада, то въ немъ увидали хорошее перышко. Сынъ говоритъ: «возьму перышко», но мать ему не велитъ брать. Онъ однако взялъ перо и когда пошли дальше. мать стала заставлять сына бросить перышко. На это сынъ сказалъ матери, что оно очень красиво, жалко бросить, и не бросилъ. Мать сказала: «имѣя это перо, мы должны будемъ идти до конца края земли». Однако сынъ не согласился и не бросилъ пёрышка. Въ концѣ концовъ дошли они до царя, и мать стала проситься къ царю въ стряпухи. Царь принялъ ихъ. У царя было 7 семь конюховъ, которые кормили 7 царскихъ лошадей. Мать поступила къ царю въ кухарки, а сыну царь велѣлъ кормить маленькую, самую худую клячу, жеребца, хвостъ котораго былъ замаранъ каломъ. онъ корму давалъ жеребцу очень мало, но лошадь наѣдалась досыта при этомъ, когда она ѣла, мальчикъ гладилъ ее перышкомъ по спинѣ. Впослѣдствіи лошадь сдѣлалась очень жирною. Однажды царь, когда мальчикъ кормилъ лошадь, велѣлъ слѣдить за нимъ своимъ работникамъ, слугамъ, какъ онъ кормитъ, и они увидали, что онъ гладилъ лошадь перышкомъ во время кормленія ея. Послѣ того царь призвалъ мальчика и спросилъ: «чѣмъ ты кормишь лошадь?» Онъ сказалъ и при этомъ показалъ перышко, которымъ онъ гладилъ лошадь по спинѣ во время кормленія. Когда царь увидалъ перышко, велѣлъ найдти ему птицу, отъ которой найдено было перышко. Мальчикъ по совѣту матери велѣлъ царю купить 5 пуд. шелку, канатъ въ 15 пуд., цѣпь въ 25 пуд., и когда все было готово, онъ на своей лошади отправился къ тому саду, гдѣ найдено было перышко. Предъ отъѣздомъ царь выдалъ ему опьянительнаго свойства пищу: эту то пищу поставилъ онъ въ садъ, а самъ отошелъ подальше. Въ отсутствіи мальчика птица наѣлась пищи, опьянѣла и стала недвижима. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ связалъ ее веревками и цѣпью и положилъ ее на телѣгу. До-

рогой мальчикъ ѣхалъ, птица встрепенулась и всѣ веревки порвались, опять встрепенулась,—осталась только въ три ряда цѣпь. Довезъ ее до царя. Царь спросилъ: «привезъ-ли?» Онъ отвѣтилъ: «привезъ», и сдалъ царю. Птица потребовала, чтобы привели хозяина ея. Государь по просьбѣ мальчика опять купилъ 15 пуд шолку, 25 пуд. канату, въ 25 пуд. цѣпь и далъ опьяняющаго корму. Доѣхавши до того же сада, мальчикъ поставилъ кормъ, а самъ отошелъ подальше. Хозяинъ птицы, наѣвшись, опьянѣлъ; тогда мальчикъ связалъ его веревками и цѣпью и повезъ къ царю. Дорогой онъ встрепенулся и порвалъ всѣ веревки, осталась только цѣпь въ нѣсколько рядовъ. Довезъ до царя. Царь спросилъ. «привезъ ли?» Онъ отвѣтилъ; «привезъ», и доставилъ царю Хозяинъ птицы потребовалъ, чтобы ему привели кобылу съ 7 жеребятами, кобыла эта доила 7 ведеръ молока Все это дѣлалось по наущенію матери мальчика, она была знахарка. Тогда лошадь мальчика, сказала ему: «когда ты отойдешь отъ кобылы, я буду ржать, на мое ржаніе придетъ кобыла съ жеребятами, ты тогда ихъ поймаешь»... Такъ и случилось. Мальчикъ поймалъ и связалъ лошадь съ жеребятами и представилъ царю. Хозяинъ птицы сказалъ, что у него на днѣ моря золотая шкатулка, и велѣлъ эту шкатулку представить ему. Тогда лошадь мальчикова сказала ему: «Я спущусь на дно моря и когда буду выходить обратно, въ знаменіе тебѣ появится на морѣ звѣзда, если же не появится, значитъ я погибла». Такъ и сдѣлалось: предъ самымъ выходомъ изъ моря лошади, на морѣ появилась звѣзда и лошадь вынесла шкатулку. Мальчикъ былъ въ восторгѣ. Представились къ царю; царь спросилъ ихъ: «ну, что, привезъ ли шкатулку?» Мальчикъ отвѣтилъ: «привезъ», и отдалъ царю. Потомъ мальчику задано было рѣшить задачу. почему не видно было солнца 3 года 3 мѣсяца 3 дня и 3 часа. Мальчикъ по наставленію матери отправился въ путь, по небольшой дорожкѣ. Такимъ образомъ мальчикъ дошелъ до мѣднаго дома; въ томъ мѣдномъ домѣ сидѣла дѣвушка и пряла мѣднымъ веретеномъ и мѣдной прялкой. Эта дѣвушка была сестра солнца Мальчикъ спросилъ ее: «дома ли у тебя твой старый отецъ?» Она сказала ему: «поди скорѣе запечку.— тамъ она закрыла его до шеи землей. Тогда солнце пришло въ тотъ домъ и спросило у сестры «почему у тебя здѣсь человѣкомъ пахнетъ?» Она сказала: «никто не бывалъ, кажется». Дѣвушка стала угощать брата и сказала ему: «любезный братъ, если я что спрошу у тебя, скажешь ли ты мнѣ?» Отчего не сказать!»—«Почему ты. спросила дѣвушка, невидимъ былъ 3 года 3 мѣсяца 3 дня и 3 часа?». Тогда солнце, ничего не говоря, живо вышло изъ дома. Мальчикъ спросилъ: «сказало ли солнце что?»—Нѣтъ», сказала дѣвушка, «поди ты теперь въ серебряный домъ, оно туда придетъ?». Мальчикъ такъ и сдѣлалъ, вошелъ въ серебряный домъ. Тутъ сидѣла дѣвушка съ серебрянымъ веретеномъ и серебряной прялкой. Мальчикъ спросилъ. «скоро ли придетъ старый твой братъ?» «Скоро придетъ», сказала дѣвушка и также спрятала его и сказала: «слушай, что будетъ говорить». Солнце, когда пришло, спросило у дѣвушки: «почему у тебя человѣкомъ пахнетъ»? Она сказала: «кажется, никто не бывалъ». Дѣвушка стала угощать солнце

и спросила его: «любезный братъ! Скажешь ли, что я тебя спрошу?»—«Отчего не сказать». «Почему», спросила дѣвушка, «не видать было тебя 3 года 3 мѣсяца 3 дня и 3 часа?»—«Почему ты это спрашиваешь, спросила бы что нибудь другое»,—сказало солнце и живо ушло. Мальчикъ спросилъ: «сказало ли что солнце?» Дѣвушка отвѣтила. «нѣтъ, поди ты въ золотой домъ, туда придетъ солнце». Мальчикъ пошелъ въ 3-й домъ золотой. Тутъ сидѣла дѣвушка и пряла золотымъ веретеномъ на золотой прялкѣ. «Дома ли старый братъ твой» спросилъ мальчикъ у дѣвушки. «Скоро придетъ, сказала дѣвушка и спрятала его за печку, въ землю до шеи. Солнце, придя, спросило у дѣвушки: «почему у тебя человѣкомъ пахнетъ?»—«Никто, кажется, не бывалъ», отвѣтила дѣвушка и стала угощать брата. Между прочимъ она спросила: «любезный братъ! если я что спрошу у тебя, скажешь ли ты мнѣ?»—«Почему не сказать»?—сказало солнце.—«Почему тебя не было видно 3 года 3 мѣс. 3 дня и 3 часа?»—«Зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь»? спросило солнце у дѣвушки.—«Хочу знать», отвѣтила дѣвушка. «Когда я переходилъ», сказало солнце, «черезъ море, встрѣтился съ парнемъ, который плавалъ на морѣ въ золотой лодкѣ съ золотымъ весломъ, онъ меня ударилъ, и я упалъ на дно моря, гдѣ лѣчился 3 года 3 мѣсяца 3 недѣли 3 дня и 3 часа». Солнце скоро ушло. Мальчикъ спросилъ дѣвушку, какъ сказало солнце. Дѣвушка отвѣтила. Пришедши домой, мальчикъ представился царю. Царь спросилъ: «ну, что узналъ ли?»—Узналъ», сказалъ мальчикъ и объяснилъ ему, отчего не было солнца 3 года 3 мѣсяца 3 недѣли 3 дня и 3 часа. Послѣ того хозяйка птицы, дѣвица вскипятила 7 ведеръ молока, окунулась и сдѣлалась красавицею, потомъ приказала царю въ немъ же окунуться, чтобы сдѣлаться красавцемъ. Царь не вытерпѣлъ, обжегся, и померъ, тогда дѣвушка вышла замужъ за мальчика, обвѣнчались и мальчикъ сдѣлался царемъ. Изъ этого можно заключить, что у солнца есть сестры, а названіе божества *шунды мумы*, что значитъ мать солнца, даетъ понять, что у солнца есть мать.

г) Звѣзда по вотяцки называется *кизили*.—Появленіе новыхъ звѣздъ означаетъ рожденіе человѣка, падающія же означаютъ кончину и смерть человѣка.

д. Млечный путь называется *кыр дзядзеі сюрсе*, дорога дикихъ гусей.

е) Небо. Подъ небомъ разумѣются облака. Вотяки говорятъ, что облака прежде были ниже, чуть повыше крыши дома. У одной женщины были дѣти; эта женщина однажды положила замаранныя пеленки сушить между облаками, вслѣдствіе чего богъ, говоря, что его сдѣлали сушиломъ замараныхъ пеленокъ, поднялся выше.

ж) Пѣтухъ. Про пѣтуховъ говорятъ, что они очень чутки и что наши пѣтухи поютъ не раньше подземныхъ пѣтуховъ. Они слышатъ, какъ поютъ подземные пѣтухи и, подражая имъ, начинаютъ пѣть. Вотяки говорятъ, что пѣтуховъ боятся вѣдьмы и нечистыя силы, посему послѣ пѣнія пѣтуховъ безъ всякаго страха смѣло можно выходить на улицу. Въ полночь (*Уй шоръ дырья*) страшатся,—говорятъ, что богъ всѣхъ бѣсовъ отпускаетъ въ

то время на волю и не препятствуетъ имъ дѣлать что угодно. У счастливыхъ людей пѣтухи несутся; изъ яйца пѣтуха, если парить человѣку подъ мышкой, выйдетъ змѣй, онъ будетъ жить при домѣ, будетъ таскать деньги изъ чужихъ сундуковъ и обогащать того человѣка.

з) К у к у ш к а, говорятъ, кукуетъ: *карїан карт, карїан тыл*. Это значитъ—милый огонь, милый мужъ. Кукушка образовалась изъ желудка бѣдной несчастной дѣвушки. По кукованію ея можно узнать, кому сколько лѣтъ жить, если считать кукованіе ея весною при первой встрѣчѣ. Если доведется слышать кукованіе въ первый разъ съ задней стороны, это къ несчастію, а кукованіе съ передней стороны предвѣщаетъ счастье.

и) В о л к ъ образовался изъ русскаго человѣка. Когда то была русская свадьба. Колдунья, чѣмъ то необиженная, разсердилась на свадебщанъ и превратила ихъ въ волковъ. Какъ хищные волки нападаютъ на скотъ, такъ и русскіе притѣсняютъ вотяковъ.

і) М е д в ѣ д ь. Женщина-вотячка блинами подгирала себѣ задъ и клала на облако, когда оно было низко. Богъ наказалъ ее тѣмъ, что превратилъ дѣтей ея въ медвѣдя, въ лѣшака и т. п.

к) Р о ж ь изобрѣтена въ первый разъ собакой, потому человѣкъ обязанъ ежегодно по 12 пуд. хлѣба давать собакамъ въ пищу.

л) Г о р о х ъ, пріобрѣтенъ голубемъ, потому:

м) Г о л у б ь уважается у вотяковъ; голубей они не бьютъ, любятъ, чтобы голуби жили около ихъ двора; это предвѣщаетъ будущіе счастливые дни.

н) О в о д ъ. Одинъ человѣкъ, часто отпускалъ лошадь на волю, и каждый разъ съ трудомъ находилъ ее. Однажды онъ, выйдя изъ терпѣнія, сказалъ богу: «Господи, хотя бы ты нашелъ какое нибудь средство, заставляющее ходить лошадь мою домой». Богъ услышалъ молитву его и сотворилъ оводовъ, отгоняющихъ домой скотину.

о) М о л н і я. Молнія у вотяковъ назыв. *чашьем*. Богъ бросаетъ въ чертей камнемъ съ неба. Одинъ вотякъ вскорѣ послѣ вывозки хлѣбовъ на гумно зачѣмъ то пошелъ къ кладямъ и увидалъ тамъ маленькихъ мальчиковъ. Онъ сказалъ имъ: «зачѣмъ въ такую погоду бѣгаете? подите домой»; они не послушались и ничего не говорили. Послѣ того онъ вскорѣ ушелъ домой, а на гумнѣ сдѣлался пожаръ отъ молніи, клади сгорѣли; это, значитъ, богъ хотѣлъ убить чертей, черти, слѣд. спрятались въ клади. Одинъ солдатъ пришелъ на побывку домой на родину съ ружьемъ. Однажды онъ пошелъ на охоту съ этимъ ружьемъ и когда дошелъ до каменной горы, увидалъ въ горѣ отверстіе, въ которомъ спрятался чортъ. Этотъ чортъ то входилъ, то выходилъ изъ него, однажды онъ заголивши себѣ задъ, сталъ хлопать въ ладоши, какъ бы дразня бога. Солдатъ, смекнувши дѣло, выстрѣлилъ въ него и прямо угодилъ въ задъ; чортъ оттого померъ, а солдата богъ за услугу взялъ къ себѣ. Молніей богъ убиваетъ шайтана, а отъ огня пылаетъ кровь его и онъ погибаетъ такимъ образомъ.

п) О чертяхъ существуетъ такой разсказъ. І. Христосъ раздалъ чертенятамъ яйца, а чертенята стали говорить: «Христосъ воскресе!» цѣлуя другъ друга, и играть катая яйца по землѣ. Старые черти узнавъ объ этомъ строго запретили чертенятамъ, чтобы они впредь такъ не дѣлали, «ибо», говорили они, «мы Его убили, а вы Его поминаете».

Одна старушка, продырявила яйцо, вынула внутренность, а скорлупу выбросила на улицу во время грома. Чортъ, увидавши это, влѣзъ туда. Чортъ этотъ то входилъ, то выходилъ оттуда и дразнилъ бога, а когда богъ думалъ поймать его, то онъ прятался въ скорлупу. Женщина увидавши это раздавила ту скорлупу. Богъ тогда, сходя съ неба, сказалъ ей: «зачѣмъ ты такъ бросаешь скорлупы; моя слава была раньше въ яйцахъ, а теперь ничего не могу сдѣлать.

Лѣшакъ. Какъ вотяки представляютъ лѣшаго, видно будетъ изъ слѣдующаго разсказа: Одного пьянаго русскаго мужика водилъ лѣшакъ. Какъ самъ лѣшакъ невидимъ, то и мужика сдѣлалъ невидимымъ. Русакъ этимъ случаемъ воспользовался и наворовалъ много денегъ. Они ходили вдвоемъ даже и въ церковь. Манеры и хитрость лѣшака, при помощи которыхъ онъ можетъ дѣлаться невидимымъ, изучаютъ и усто туно, поэтому и усто туно можетъ быть невидимымъ. Такъ что знающій хитрости лѣшака, если захочетъ кого нибудь бить, то онъ сдѣлавшись невидимымъ, смѣло можетъ учинять побои кому хочетъ, потому что самого его, какъ невидимаго, нѣтъ возможности бить или ударять Сего русскаго мужика лѣшакъ не отпустилъ бы отъ себя, если бы Яганские усто туны, увидавши его не оставили. Усто туно можетъ переспорить лѣшака. Также водили лѣшаки и Егоровскаго мужика. Говорятъ, Егоровскій вотякъ ходилъ въ Можгу къ наговорщику лѣчиться (должно быть самъ или семенные его хворали). Когда онъ шелъ обратно домой, дорогой уснулъ на землѣ. У этого вотяка на шеѣ небыло креста, да и уснулъ то онъ не благословясь. Вотъ пришли къ нему 2 лѣшака, унесли его въ Сарапулъ, тамъ въ чьемъ-то домѣ ночевали и всѣ трое были невидимы для народа. Оттуда ушли въ Елабугу, потомъ въ Егорово поспѣли, потомъ опять пришли въ Можгу, Яганъ, Якшуръ Бодью, Шаркапъ, доходили до Сибири, были и въ Вяткѣ, оттуда опять обратно пришли въ Яганъ, были въ Смоленкѣ, въ Егоровѣ, такимъ образомъ на родинѣ были раза три. Путешествіе ихъ продолжалось до 1½ года. Когда они были въ Чэжгуртѣ, во время праздника ѣли, пировали вмѣстѣ съ народомъ, конечно, народъ ихъ не видалъ; а гдѣ играли молодые, тамъ и они плясали, били въ ладоши, хлопали. Это они дѣлали въ такомъ домѣ, гдѣ было въ обыкновеніи затворять и отворять двери безъ благословенія и вообще тамъ, гдѣ вовсе не поминается имя Божіе. Къ одному человѣку вошли въ домъ въ то самое время, когда хозяйка того дома пекла шаньги. Дѣтей у той хозяйки было много. Когда дѣти хотѣли брать шаньги еще немазаныя масломъ, мать ихъ стала ругать, говоря при этомъ: «чтобы васъ лѣшіе увели!». Лѣшаки, воспользовавшись руганью хозяйки, задумали было ихъ увести; но къ счастію въ то самое время, когда лѣшаки хотѣли уже совсѣмъ ихъ увести, хозяйка дома стала поминать имя Божіе, почему и оставили лѣшаки ребятъ. Послѣ того усто туны увидали

Егоровскаго вотяка, похищеннаго лѣшаками, и благодаря дару познанія лѣшаковыхъ хитростей, отняли у лѣшаковъ.

4. Вотяцкіе жрецы.

а) Ворожецъ, у вотяковъ называющійся *усто туно*. О немъ мнѣ разсказывали такъ: «его учатъ боги и ангелы. Динтемскій вотякъ выучился на Балтачинскомъ полѣ. Боги заставляютъ ходить по проволокѣ черезъ пѣчку и запрещаютъ падать, упавшаго съ проволоки бьютъ. На поляхъ дѣлаются моря, или большія рѣки Заставляютъ также скакать по вершинамъ березъ, входить въ змѣя, дышущаго огнемъ. Съ тѣмъ Диньтемскимъ мужикомъ учились четыре человѣка. Изъ нихъ Бурановскій вотякъ не доучился, онъ помрачился умомъ вслѣдствіе того, что сталъ говорить людямъ о своемъ ученіи. Однако и онъ проявлялъ большія спосебности. Онъ у насъ ворожилъ; говорилъ: «полъ холода, полъ жара», иначе сказать—«счастливо и несчастливо; скотный дворъ несчастливый, виденъ гробъ, на немъ будутъ пѣть пѣтухи, и дѣти ваши, вслѣдствіе этого, боятся и страшатся стаи». Такъ оно и есть: мы, дѣйствительно, боимся почему то стаи (онъ какъ то это узналъ и угадалъ). Этотъ вотякъ говорилъ намъ, что усто туно (ворожецъ) усто туяны (ворожбѣ) учитъ. Ворожецъ этотъ серебряную монету кладетъ на палецъ и смотритъ на монету, по ней узнаетъ все. Монета эта ему дается для ворожбы тѣмъ лицомъ, которое заставляетъ его ворожить, и жертвуется ворожцу за труды. Монета эта не падаетъ у него на полъ съ пальца и при опусканіи къ низу. Курсъ ученія усто туно продолжается годъ и больше. Народъ тѣхъ людей, которые учатся, подмѣчаетъ, потому что такой человѣкъ часто отлучается изъ дома, неизвѣстно куда, и по возвращеніи въ домъ ничего не говоритъ о томъ, гдѣ онъ былъ, какъ своимъ домашнимъ, такъ и чужимъ Такой человѣкъ часто выказываетъ себя глупымъ, сходитъ по временамъ съ ума, дерется, кричитъ и т. п. По окончаніи курса ученія въ знакъ памяти или права получаетъ, будто бы, кто золотой шарикъ, величиною съ горошинку, (это высшій курсъ), а кто серебряный шарикъ, такой же величины, а иной золотое и серебряное кольцо. Усто туно не можетъ горѣть и въ огнѣ, усто туно знаетъ человѣка насквозь —какой онъ есть, можетъ запрещать и колдунамъ и лѣшакамъ, потому что онъ этому учился и получаетъ тебетейку (такъю) отъ лѣшаковъ. Однажды Бурановскій вотякъ привозилъ къ себѣ Лудзинскаго вотяка—усто туно для того, чтобы тотъ отвелъ ему стаю. Этотъ усто туно говорилъ, что его недавно возили въ Пургу (село), чтобы снабдить больную женщину наговореннымъ питьемъ, въ качествѣ лѣкарства. Но ему должно быть мало дали денегъ и онъ, чтобы отомстить больной пообѣщалъ богу отъ имени ея мужа жеребенка, «и доведется имъ, передавалъ онъ, когда нибудь исполнить это мое обѣщаніе». Ворожецъ объ этомъ не объявилъ Пургинскому вотяку; это онъ дѣлалъ на зло вотяку, чтобы его замучить разными болѣзнями, что и заставитъ ходить по ворожцамъ, которые выяснятъ причину и укажутъ на необходимость дать жере-

бенка. Значитъ, тѣ деньги, которыя онъ не дополучилъ, рано ли поздно ли у того вотяка выйдутъ; тотъ богъ, которому сулилъ ворожецъ жеребенка будетъ наводить на семейство вотяка разныя болѣзни. Если не самому вотяку доведется молить жеребенка, то по крайней мѣрѣ дѣтямъ его доведется, если не дѣтямъ, то внукамъ и т. д. Усто туно все можетъ сдѣлать и испортить, и вылѣчить, и колдовать. У Пургинскаго вотяка, у котораго ворожецъ этотъ былъ, сноха родами мучится, «я ее», говоритъ усто туно, «наладилъ къ смерти, она умретъ, долго не проживетъ». Самый главный усто туно имѣетъ право 12 разъ выбирать на должность луд утись и будзымъ куа утись, т. е. 12 разъ призывать небесную воду (благословеніе свыше), можетъ и болѣе, такой законъ ихъ. «Мнѣ же, говорилъ на мои вопросъ мой знакомый, дано право», выбирать луд утись и будзым куа утись 9 разъ, а я отступая отъ правила иду 10-й разъ. Если вы счастливы и имѣете особое благоволеніе Божіе, съумѣю, а если нѣтъ, то только напрасно помаюсь изъ-за васъ и ничего толковаго не сдѣлаю. Начальница наша, дѣвушка, самому младшему длетъ право 7 разъ выбирать. Она же получаетъ разные дары познанія отъ самого Бога, «Инмар кылчинь Усто туно знаетъ имена каждому человѣку. Разъ къ намъ привозили казымскаго вотяка усто туно; когда ему нужно было знать имена Луд утись и будзымъ куа утись, онъ началъ распрашивать у нашихъ же вотяковъ. Изъ этого заключили, что онъ ничего не понимаетъ; хотѣли было его за обманъ бить, но не посмѣли, потому что если узнаютъ другіе ворожцы,—станутъ опасаться насъ, не станутъ къ намъ ѣздить,—и отвезли назадъ. Многіе ворожцы пляшутъ со стаканомъ, наполненнымъ водою, положивъ его на голову, и при этомъ вода изъ стакана нисколько не плещется. Усто туно вотяки привозятъ издалека, чтобы онъ никого не зналъ Его возятъ изъ одной деревни въ другую по мѣрѣ надобности. Когда онъ отъѣзжаетъ изъ своего дома, то требуетъ приговоръ того селенія, куда его приглашаютъ. Приговоръ этотъ заключается въ тамгахъ: на палочкѣ каждый домохозяинъ вырѣзываетъ тамгу свою. Этотъ приговоръ ворожецъ оставляетъ дома у хозяйки, чтобы она съ его помощью могла требовать отъ нихъ возврата ворожца, въ случаѣ пропажи его; а когда изъ того селенія везутъ ворожца дальше, въ другое селеніе, опять требуется подобный приговоръ, уже не имъ самимъ, а тѣми жителями, которые дали таковой приговоръ, чтобы при требованіи хозяйки ворожца, могли представить оный въ оправданіе себя, что его увезли въ другое селеніе.

Одного человѣка сѣдыя существа, на подобіе боговъ, заставляли скакать съ вершины бѣлой березы на огонь, съ вершины ивы на вершину другой ивы, заставляли вить песокъ и мякину и ходить по водѣ; но онъ не сталъ дѣлать того, что его заставляли, убоялся, сталъ каждый разъ заявлять о томъ родителямъ. Тогда его не стали учить ворожбѣ, отступились отъ него. Поэтому нельзя разсказывать родителямъ, если кто желаетъ учиться ворожить.

Одному человѣку пришлось идти къ ворожцу по случаю болѣзни. Ворожецъ сказалъ, что усадьба, земля подъ домомъ, несчастливая, нужно пе-

ремѣнить ее, домъ переставить на другое мѣсто. Тогда тотъ же вотякъ почему то принужденъ былъ сходить къ другому ворожцу и тотъ увѣрялъ вотяка, что мѣсто болѣзнямъ не причина, что не слѣдуетъ переставлять домъ, иначе, говорилъ послѣдній, будешь несчастенъ. Вотякъ не зналъ чего и дѣлать Къ одному ворожцу пришелъ русскій мужикъ, узнать, куда потерялся у него теленокъ. Ворожецъ выворожилъ, что теленка продали дѣти его (сыновья) на базарѣ тайно отъ него. Мужикъ заплатилъ деньги и ушелъ домой. Когда онъ сталъ подходить къ воротамъ своего дома, увидалъ не подалеку своего теленка. Мужикъ разсердился на вотяка и сталъ требовать обратно деньги, но ворожецъ сказалъ, что деньги онъ назадъ никогда не возвращаетъ. Къ тому же ворожцу въ прошломъ году пришелъ Юскинскій вотякъ. Вотякъ этотъ укралъ у своего брата или какого то родственника четырнадцать рублей денегъ; совѣсть стала его укорять и онъ не зналъ, что дѣлать съ деньгами, и надумалъ сходить къ ворожцу, узнать отъ него, не будетъ ли что ему за эти деньги, однимъ словомъ, чтобы успокоить свою совѣсть. Ворожецъ потребовалъ себѣ изъ украденныхъ денегъ 1 рубль и сказалъ ему, что ничего изъ того быть не можетъ. Такимъ образомъ успокоивши самъ себя, онъ ушелъ домои. Вскорѣ послѣ того пришелъ къ ворожцу и тотъ вотякъ, у котораго потерялись деньги. Ему ворожецъ выворожилъ, что у него потерялись деньги, потому что тотъ вотякъ, который укралъ деньги, подробно объяснилъ ворожцу, у кого онъ укралъ.

Усто туно имѣетъ большое вліяніе въ народѣ; его взглядъ признается священнымъ и не опровержимымъ въ дѣлѣ языческой религіи. Онъ главнымъ образомъ дѣйствуетъ на нравственность жрецовъ и приверженцевъ язычества, а они проповѣдуютъ о сохранившихся преданіяхъ между народомъ, для болѣе прочнаго утвержденія народа въ язычествѣ. Такъ наприм.: говорятъ, что когда то русскій царь въ военное время желалъ, чтобы было перемиріе и для этого заставилъ своихъ солдатъ молиться Богу, чтобы Господь послалъ миръ и прекратить войну. Молились русскіе, татары, черемисы и чуваши каждый по своему, но молитвы ихъ не были услышаны; а когда собрались вотяки и стали молить, т. е. приносить въ жертву, жеребенка, молитву ихъ услышалъ Господь и тотчасъ послѣдовало перемиріе По мнѣнію ихъ, язычество не простая выдумка, оно учреждено не безъ основанія.

Говорятъ, что въ древнее время у вотяковъ были свои книги, которыми они руководствовались при языческихъ богослуженіяхъ, но ихъ когда то съѣла корова. Говорятъ, что и теперь изъ нихъ которая то существуетъ, но русскіе ее почему то вотякамъ не кажутъ. А чтобы ихъ чтимыя молельни, по ихъ мнѣнію священныя мѣста, были и въ послѣдующее время чтимы, между ними существуютъ слѣдующія правила и преданія: вотяки говорятъ, что мольбища, стоячій густой лѣсъ, должны оставаться навсегда неприкосновенными, равнымъ образомъ и предметы, принадлежащіе къ нимъ, какъ то: прясло, грибы и пр. Приводятъ нѣкоторые примѣры потерпѣвшихъ наказаніе за непочтеніе и оскорбленіе ихъ. Бурановскій крестьянинъ-солдатъ, сознавшій на службѣ сусту язычества, держалъ пари съ вотяками, что онъ изъ луда вывезетъ весь лѣсъ на бревна и что ему за то ничего не будетъ.

Когда же вывезъ и сталъ тесать, онъ разрубилъ себѣ ногу топоромъ, а лошадь, на которой онъ возилъ, пропала. Также говорятъ, что Бурановскій причетникъ вошелъ въ лудъ, чтобы набрать оттуда грибовъ, а когда набралъ и хотѣлъ уже выйдти, вдругъ невидимая сила удержала его, онъ тотчасъ же оставилъ собранные грибы и вышелъ изъ луда невредимъ. Разсказываютъ о какомъ то діаконѣ и священникѣ, будто бы они принесли луду въ жертву жеребенка и сами ѣли, по наставленію усто туно, для исцѣленія отъ болѣзни, постигшей ихъ за непочтеніе луда.—Однажды я, когда былъ сельскимъ учителемъ, сталъ распрашивать своихъ учениковъ о лудѣ. Григорій Поликарповъ на это разсказалъ мнѣ слѣдующее. Однажды его мать въ лѣтнее время легла спать на мѣстѣ бывшаго нѣкогда луда, нынѣ уже брошеннаго. Во снѣ ей явился кто то и говоритъ: я тебѣ носъ выдерну, а голову твою промежъ ногъ тебѣ положу. Ты женщина, имѣешь ли право ложиться въ лудѣ? (въ лудъ женскій полъ не допускается). Послѣ того его мать проснулась и ушла домой. Переносить же лудъ съ одного мѣста на другое имѣетъ право только усто туно, и то по какимъ нибудь уважительнымъ причинамъ, какъ, напр., при неудобствѣ мѣстоположенія или сообщенія. Въ Бурановѣ нужно было мѣнять лудъ. Привезли усто туно, кажется, Кечевскаго; но ему въ томъ стали препятствовать бѣсы, просили его, чтобы онъ не мѣнялъ; въ противномъ случаѣ они обѣщались убить его. На это усто-туно отвѣчалъ бѣсамъ, что онъ перемѣнитъ лудъ и что бѣсы ему за это ничего не могутъ сдѣлать, ибо, говорилъ усто туно, здѣсь народу много и народъ его не дастъ имъ въ обиду. Тѣмъ временемъ слуги бѣса успѣли привести выростка (лошадь) и посадивши усто туно увезли въ лѣсъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, сталъ лудъ, а самого его бѣсы повѣсили на дерево собственнымъ его поясомъ и задавили. Въ томъ лудѣ и теперь, говорятъ, чудится кикимора

б) Вѣдунъ (колдунъ, еретникъ, колдунья). Вѣдуны портятъ людей изъ-за злости своей. Для этого многіе вѣдуны выходятъ вечеромъ въ великій четвергъ, обращаясь въ разныя животныя, то въ свинью, то въ кошку, то въ собаку; они достаютъ изъ утробы матерей младенцевъ еще до рожденія, а вмѣсто младенца въ утробу матери кладутъ головяшку (головню); они любятъ ѣсть младенцевъ,—вкусно, дескать. А учатся вѣдуны такъ. Въ полночь желающій научиться сему искусству идетъ съ короваемъ хлѣба въ рукахъ въ баню, а въ банѣ безъ огня садится на пары, наступаетъ ногой на каравай, потомъ снимаетъ съ шеи крестъ, кладетъ подъ другую ногу, говоря при этомъ, «я въ Бога не вѣрую». Послѣ того въ баню входятъ бѣсы и начинаютъ учить его, какъ нужно портить людей. Вѣдуны и послѣ смерти ходятъ домой. Въ такомъ случаѣ, чтобы они не ходили домой, поступаютъ такимъ образомъ: идутъ на могилу, чтобы удостовѣриться, точно-ли подозрѣваемый человѣкъ ходитъ. Если на могилѣ есть какое либо отверстіе, какой бы то ни было величины, то значитъ, что онъ ходитъ; тогда въ отверстіе вколачиваютъ осиновый колъ, чтобы онъ болѣе не могъ ходить домой или въ деревню.

5. Дѣйствующія лица при моленіяхъ.

А) Священныя лица при общихъ, или общественныхъ, напольныхъ моленіяхъ.

При общихъ напольныхъ моленіяхъ дѣйствующія лица, о которыхъ уже было говорено, считаются священными лицами. Такія лица выбираются а) обществомъ, или б) родомъ, или в) передаются права изъ рода въ родъ по старшинству г) или же наконецъ выбираетъ усто-туно, т. е главный ворожецъ (шаманъ), пользующійся извѣстностью въ нѣсколькихъ уѣздахъ.

Выборъ ихъ. Общество прежде всего выбираетъ кандидатовъ изъ болѣе достойныхъ людей, каковыми считаются люди набожные, кроткаго права, соблюдающіе приличія въ одѣяніи. А затѣмъ уже мечутъ жребій. Жребіи дѣлаются изъ лутошекъ, на нихъ каждый ставитъ свой значекъ или тамгу. Такимъ образомъ сперва выбираются: а) жрецъ (попъ, иначе *алясь*), потомъ б) первенствующій начальникъ надъ всѣми (*тэре*), далѣе в) одинъ діаконъ *(тылась)*, г) два причетника *(парчась)*, д) два прислужника. Подобный выборъ бываетъ два раза въ годъ, т. е. при каждомъ моленіи на полѣ.

Права и обязанности ихъ. а) Заклатели *(парчась)* должны заколоть животнаго, снять кожу, рубить на куски жертвуемое животное, а когда сварится—крошить мясо и раздавать *кашу* народу.

б) Куритель *(тылась)* обязанъ наливать попу пива, кумышки [1]). Онъ же наливаетъ бульонъ, кладетъ кашу, голову животнаго, рѣжетъ на ломтики принесенные народомъ хлѣбы въ посудѣ, и все это подноситъ попу для моленія.

в) Начальникъ *(тэре)* долженъ сидѣть всегда даже и во время моленія въ шапкѣ, а сидѣть полагается ему за столомъ на нарахъ, а послѣ всего моленія, какъ бы въ награду за труды настоятель долженъ дать попу чашку кумышки для питья, а попъ передаетъ своимъ сослуживцамъ, которые должны сдать обратно попу, а онъ возвращаетъ чашку настоятелю.

г) Попъ, или жрецъ—*(алясь)*, долженъ только молить, какъ выражаются вотяки, т. е. принимать отъ тылася все готовое и произносить молитвословія.

---

[1]) Кумышкой у нихъ называется хлѣбный національный напитокъ, замѣняющій русскую водку Кумышку варятъ къ празднику, впрочемъ и въ будни каждый зажиточный домохозяинъ имѣетъ кумышку на случай прибытія нежданнаго гостя. Праздники ихъ обыкновенно бываютъ четыре раза въ годъ, весною, лѣтомъ, осенью и зимою. Тогда они пируютъ, чрезмѣрно напиваясь кумышки и предаваясь необузданному разврату. Для выкуриванія кумышки, назначаемой для моленія, вода должна быть непремѣнно рѣчная. Самое приготовленіе нужнаго для моленія должно дѣлаться въ чистотѣ.

Б) Священныя лица въ общественныхъ моленіяхъ въ кереметяхъ (въ лудѣ).

Лудъ или, какъ говорятъ русскіе, кереметь значитъ злой духъ. Иногда русскіе говорятъ, обзывая кого нибудь въ сердцѣ: «кереметь ты этакой», т. е. бѣсъ, грѣховодникъ; такое значеніе придано слову кереметь. Кереметь состоитъ изъ стоячаго лѣса. Въ кереметяхъ вообще дѣйствующими лицами являются: а) *луда утись*, т. е. настоятель луда (керемети), вмѣсто попа, б) *тэре*, начальникъ (переводой), в) *парчась*, заклатель.

а) Лудъ утись (настоятель) является здѣсь главнымъ лицомъ; его дѣло приготовить для моленія все потребное, какъ то: наливать въ чашки кумышку, пиво, класть по чашкамъ кашу, мясо, и передавать тэре и—молить; б) тэре содѣйствуетъ утисю, главное его дѣло въ томъ, чтобы предсѣдательствовать; в) парчась главнымъ образомъ долженъ закалывать животныхъ, снимать кожу. Чистятъ, варятъ, молятъ *трос*, для моленія приносимыхъ жертвъ каждый для себя имѣетъ особую чашку и ложку.

Нужно помнить, что утись и тэре при моленіи держатъ такъ называемый *шачы-кнэр*, т. е. кнутъ, состоящій изъ вицы и мочала съ прикрѣпленнымъ на послѣднемъ серебрянымъ перстнемъ. При каждомъ моленіи вицу, замѣняющую кнутовище, держитъ утись, а мочало тэре; при этомъ между вицами прикрѣпляются части приносимаго животнаго, какъ то: сердце, печень, часть головы и т. д. Бываетъ это моленіе два раза въ годъ.

В) Священныя лица родового молснія въ шалашахъ.

Въ родовомъ моленіи дѣйствующими лицами являютса: а) *будзым куа утись (асаба)*, или *вэлэсь*, настоятель шалаша, б) *тэре*, начальникъ, передовой, и в) *тылась*, куритель.

Утись съ женою тэре варятъ кашу съ мясомъ; тэре готовитъ столъ, накрываетъ скатерть и кладетъ на стѣну полотенце вмѣстѣ съ курителемъ, его дѣло сидѣть во время моленія; тылась подаетъ все нужное утисю.

Г) Священныя лица посемейнаго моленія.

При посемейныхъ моленіяхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является всегда самъ хозяинъ, главной помощницей ему бываетъ жена и второстепенными, пріучающимися, являются дѣти.

6. Общія моленія постоянныя.

Напольныя. Общимъ напольнымъ моленіе навывается тогда, когда оно совершается всей деревней, или даже нѣсколькими, если поля ихъ сошлись въ одномъ мѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ пользуются одной общей молельней и моленіе называется общественнымъ. Мѣста для молелснъ избираются около рѣкъ, но такъ какъ не всегда представляется возможнымъ имѣть рѣку на каждомъ полѣ, то моленіе совершаютъ не на всѣхъ поляхъ

той или другой деревни, а на одномъ или двухъ. Если рѣчки далеко, воду возятъ въ бочкахъ. Моленія совершаются по веснамъ на ржаномъ полѣ, когда рожь начинаетъ колоситься. Предъ наступленіемъ времени моленія на сходкѣ предлагаютъ назначить день моленія, сдѣлать сборъ денегъ съ души или дома для покупки жертвеннаго животнаго. Но такъ какъ не всегда можно добыть на мѣстѣ животныхъ извѣстной масти, то въ такомъ случаѣ командируются нѣсколько человѣкъ для отыскиванія и покупки таковыхъ. Покупать разрѣшается хоть у кого, у татарина или у русскаго,—это совершенно безразлично; цѣну платятъ всегда хорошую, даже иногда превышая стоимость. Для жертвоприношенія требуется черный быкъ, красная нетель и жеребенокъ подростокъ рыжаго или чалаго или саврасаго цвѣта. Черный цвѣтъ требуется для Бога земли *(му кылчинь)* или еще иначе богу хлѣбовъ *(юкылчинь)*, чтобы не было червей, поѣдающихъ хлѣбъ. Красный цвѣтъ требуется богу ангелу *(кылчинь Инмар)*, что бы не было холода, чтобы было тепло. Жеребенокъ требуется богу грома и молніи (подразумѣваютъ Илью пророка), чтобы не было вреднаго града и излишняго дождя. Изъ этого можно полагать, что вотяки нѣкогда молились солнцу (богу тепла), грому и молніи (богу матери градовъ и дождя), землѣ (богу земли)[1]). Затѣмъ, когда все приготовлено, мечутъ жребій со значками и безъ значковъ. Первому нумеру быть *вэсясь*, т. е. молитвенникомъ, второму воскурителемъ, третьему парчась—сдирать кожу, четвертому тоже, пятому и шестому—разсыльными, седьмому распоряжаться съ котломъ. Сперва молятъ быка, его ведутъ избранные выше лица на мѣсто закланія. Въ тоже время съ каждаго дома требуется по одному яровому хлѣбу, сверху хлѣба полагается лепешка изъ яицъ, а на ней масло, и рядомъ съ нимъ бутылка кумышки. Все это несетъ кто нибудь изъ мужчинъ въ деревянной чашкѣ, свернувъ въ бѣлую скатерть. Избранныя лица разводятъ огонь. Затѣмъ молители развертываютъ скатерти стелютъ ихъ въ рядъ, образуя какъ бы одну скатерть и укладываютъ все принесенное по порядку. Подъ скатерть кладутся сучки хвойнаго лѣса, если дѣло происходитъ осенью, или же лиственнаго лѣса, если весною. Потомъ вэсясь отливаетъ изъ каждой бутылки нѣкоторую часть въ особую чарку. Затѣмъ всѣ, снявъ шапки, встаютъ на колѣни, вэсясь молитъ громко хлѣбы и передаетъ тылась, тылась же, принявъ отъ него хлѣбы, черезъ сучокъ хвойнаго или лиственнаго дерева крошитъ часть каждаго хлѣба въ особую яму, приготовленную въ землѣ, послѣ чего каждый изъ нихъ отвѣдываетъ часть своего хлѣба. Также поступаетъ и съ кумышкой, отлитой въ чашу изъ каждой бутылки. Послѣ сего народъ расходится опять по разнымъ мѣстамъ, молодежь играетъ: кто въ орлянку, кто въ карты, кто вьется около дѣвокъ, кто около торгаша (лавочника), торгующаго тамъ пряниками и конфектами или же около игроковъ на гармоникѣ или гусляхъ. Игры могутъ быть различны. Женщины угощаютъ другъ друга и также мужчинъ своей кумышкой. Вэ-

[1]) Земля и въ настоящее время чтится ими. Набожные вотяки по сіе время, ступая по утрамъ на землю въ первый разъ, говорятъ: «Остэ»—Господи, благослови!

сясь и парчаси начинаютъ въ то же время омывать жертвеннаго быка. Водаллется на него изъ ковша черезъ хвойный сучекъ какого либо дерева. Хорошимъ признакомъ служитъ, если животное встрепенется. При этомъ, снявъ шапку, говорятъ «Остэ»—Господи, благослови! Омывъ его, связываютъ ему ноги веревками или лыкомъ и парчась закалываетъ, причемъ въ чашку собираютъ кровь, которая тоже варится. Быка вѣшаютъ на сукъ какого либо ближайшаго дерева, снимаютъ кожу, разрубаютъ на части, вэсясь приготовляетъ къ варкѣ все потребное, варитъ бульонъ съ кровью и мясомъ. А когда все это поспѣетъ, бульонъ наливаетъ изъ котла въ чашку, равнымъ образомъ вынимаетъ и мясо. Народу дается знать, чтобы опять собрались для возношенія молитвы и вэсясь, взявъ бульонъ въ чашкѣ, начинаетъ громко молиться, и послѣ молитвы передаетъ его тылаю. Тылась же три ложки бульона выливаетъ черезъ прутикъ какого либо дерева въ вышеупомянутую яму. Образъ моленія такой же, какъ сказано выше. Дѣвки и бабы всегда бываютъ позади. Народъ опять расходится. Вэсясь спускаетъ въ бульонъ крупу, оставшуюся для каши. Вэсяси тѣмъ временемъ пьютъ кумышку и ѣдятъ моленный бульонъ. Вскорѣ поспѣваетъ и каша. Опять дается знать, чтобы всѣ собрались на молитву, опять молятъ, и каша также чрезъ прутикъ бросается въ яму. Молодежь опять расходится. Старшіе начинаютъ дѣлить кашу и мясо каждому домохозяину сообразно взносу денегъ Раздѣливши все, садятся ѣсть. Кости кладутъ въ яму и засыпаютъ. Эта яма замѣняетъ собой сожженіе или куреніе. Поклонившись послѣ всего безъ шапки на колѣняхъ и возблагодаривши Бога, расходятся по домамъ до слѣдующаго дня. На другой день молятъ телку Богу ангелу или Богу Творцу *(кылчинъ Инмарлы)*. Жрецы ночуютъ тутъ же въ лѣсу. Подъ скатерть также стелютъ листья какого нибудь дерева. Образъ моленія уже извѣстенъ, разница только въ томъ, что части животнаго, приносимыя въ жертву, черезъ прутикъ какого нибудь дерева, бросаются уже не въ яму, а въ огонь; также поступаютъ съ хлѣбомъ и кумышкой и яичницей и масломъ, принесенными въ этотъ день, и всѣ эти припасы должны быть свѣжіе, т. е. наканунѣ моленныя уже недолжны приноситься. Въ этотъ разъ молятся всѣ въ шапкахъ и безъ колѣнопреклоненія, однако передъ концемъ молитвы, снявъ шляпы, должно дѣлать малый поклонъ, меньше поясного. Подобный же поклонъ дѣлается и подъ березой. Вколачиваютъ въ землю четыре сучка, верхніе концы которыхъ должны быть вилообразные. На нихъ кладутъ перекладины, на перекладины кладутся прутики, такимъ образомъ получается видъ стола, который называется сюлыкомъ, головнымъ покрываломъ вотскихъ молодушекъ. На него полагается и хлѣбъ и на немъ вареное мясо; когда сварится бульонъ, опять молятъ по извѣстному уже порядку. Далѣе когда поспѣетъ каша, тоже въ чашкѣ кладется на столъ. Это называется вылэ мичон. Тутъ же кладется въ одной чаркѣ мелкая мука и въ другой чаркѣ медъ и толокно въ разведенномъ видѣ. Хлѣбы и кумышка, принесенные отъ лица каждаго семейства, также молятся, какъ это было наканунѣ и молодежь также занимается играми. Въ свое время народъ опять созывается на молитву. Часть каждаго предмета сжигается. Снимаются съ сюлыка хлѣбы, мясо, каша и бульонъ и молятъ ихъ такъ же, какъ и прочее и также часть ихъ сжигаютъ. Потомъ дѣлятъ, и раздаютъ каждому

домохозяину сообразно взносу его кашу и мясо. Кашу и мясо ѣдятъ тутъ же, но и оставляютъ для домашнихъ. Потомъ свидѣтельствуютъ поверхность муки, нѣтъ ли какихъ признаковъ слѣда, если замѣтятъ слѣды птицъ, или мышей, или кого либо, то это признакъ урожая и благоугодности Богу молитвъ. Кости уносятъ тылась и парчась нѣсколько въ сторону и вмѣстѣ съ листьями хоронятъ въ землю. При этомъ говорятъ *кіад пыдад кутъ*, т. е. пріими въ руки и ноги, т. е пріими жертву нашу и услышь молитву нашу. Потомъ тутъ пьютъ сколько нибудь кумышки. Вскорѣ возвращаются съ пѣснями. Пѣсня эта заключаетъ въ себѣ отвѣтъ лицамъ, оставшимся на мѣстѣ молельни, что богъ обѣщался принять и услышать ихъ молитву. А жрецы на это отвѣчаютъ: «пусть уже приметъ». Потомъ благодарятъ бога, какъ сказано выше. На третій день молятъ жеребенка богу матери грома и молніи. Обряды тѣ же. Хлѣбы, яичницы, кумышка при этомъ на *сюлык* не кладутся, части приносимыхъ жертвъ сжигаются также черезъ прутъ въ огнѣ. Обрядъ закланія тотъ же, какъ сказано выше, т. е. омываютъ первоначально водой троекратно, и, потомъ, снявъ шапку, произносятъ краткую молитву, чтобы Богъ принялъ жертву сію; при этомъ на головѣ лошади надѣтъ бываетъ недоуздокъ, переднія ноги опутываются путами, заднія связываютъ веревками и валятъ жеребенка на землю. Кости также хоронятъ въ землю, недалеко отъ молельни. Пришедши къ *вэсясь* безъ пѣсенъ, передаютъ, что богъ хотѣлъ принять ихъ жертву. *Вэсясь* на это отвѣчаетъ: «пусть ужъ приметъ и дастъ тепла» (*Киаз пыдаз мед кутоз ини, шунытсэ мед сётоз*).

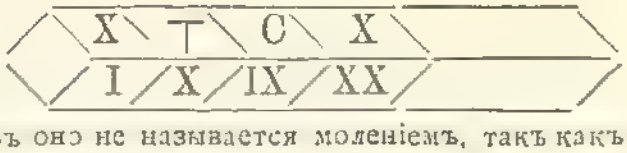
Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ колютъ еще гуся или гусыню. Бываютъ иногда случаи, что достаютъ лебедя для моленія, его не колютъ, а по омовеніи молятъ живого и отпускаютъ. Это бываетъ тамъ, гдѣ моленіе доставляетъ большой доходъ, и есть возможность достать его. Это бываетъ тамъ, куда по обѣтамъ и по указанію ворожцовъ стекается народъ не только изъ нѣсколькихъ окрестныхъ селеній, но даже и уѣздовъ. Такъ напр. въ мамадышкомъ уѣздѣ, казанской губерніи, на мольбищѣ въ полѣ села Нырьи число жертвенныхъ животныхъ доходитъ до 80 и болѣе коровъ вмѣстѣ съ быками, такого же почти количества лошадей и такого же мелкаго скота. Шкура съ нихъ обращается въ доходъ этого моленія. Въ томъ мольбищѣ, между прочимъ, есть дерево, кажется, липа съ дупломъ. Въ это дупло нѣкоторые изъ посѣтителей и участвующихъ лицъ спускаютъ свою посильную лепту въ честь боговъ, и этотъ обычай остается съ древнихъ поръ и доселѣ.

Въ лудѣ (лудэ пыронъ). Лудъ бываетъ одинъ, однако ихъ можетъ быть и два въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно, когда пришедшіе или новопоселенные находятъ возможность молиться отдѣльно и когда это удобно. Объ удобствахъ, какія требуются для моленія, уже сказано было выше. Моленіе это бываетъ предъ сѣнокосомъ—лѣтомъ, бываетъ оно и осенью. Лѣтомъ въ жертву приносится черный баранъ, осенью гусь. Наканунѣ назначеннаго дня приносятъ къ женѣ хранителя луда муку, масло, яйца; она изъ нихъ готовитъ блины и яичницу. Въ самый же назначенный день всѣ идутъ въ кереметь, кромѣ женщинъ, которымъ не полагается даже входить въ лудъ. Мужчины несутъ пиво, кумышку, крупу, соль; но такъ какъ невсегда бываетъ удобно нести все это одному, то сыновья въ этомъ случаѣ

являются помощниками. Хлѣбовъ на этотъ разъ не полагается. Сборъ денегъ на покупку барана дѣлается обыкновенно раньше съ души столько, сколько слѣдуетъ по раскладкѣ, согласно постановленію на сходкѣ, и это поручается произвести болѣе опытному или же очередному лицу. Деньги полученныя отъ продажи кожи, берегутся у хранителя луда до слѣдующаго года на предметъ покупки потребнаго для жертвоприношенія животнаго. Сборъ денегъ производится всегда по тамгамъ или знакамъ, служащимъ вмѣсто печати и росписки. Эти знаки отмѣчаются по полученіи денегъ отъ кого либо на лутошкѣ. Вырѣзываютъ ножемъ сверху вмѣсто имени тамгу или число душъ даннаго человѣка по порядку домовъ, а снизу подъ сей тамгой сумму полученныхъ денегъ римскими цифрами [1]). Сначала въ лудѣ разводятъ огонь, запасаются прутомъ березовымъ для подстилки подъ скатерть. На скатерть кладутъ блины, помазанные сверху масломъ. Сюда почти что никто не ходитъ, кромѣ нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ, ибо лудъ какъ страшный богъ сердитъ и страшно его оскорблять. Образъ закланія такой же, какъ уже объяснено, только здѣсь при закланіи, кромѣ того, что окатываютъ водой, зажигаютъ иногда восковыя самодѣльныя свѣчи. Части жертвенныхъ животныхъ сжигаются въ огнѣ. Когда мясо сварится, часть мяса, лепешку изъ яицъ, блины поднимаютъ на *вылэ мычон*. (Вылэ мычон значитъ возношеніе). Для возношенія мѣсто назначается при главномъ деревѣ, тутъ устрояется родъ стола изъ толстыхъ прутьевъ и накрывается скатертью. Тутъ же зажигаютъ восковую свѣчку. Вотяки вылэ мычон сопоставляютъ съ церковнымъ престоломъ. Потомъ въ бульонъ спускается крупа, а когда сварится каша, молятъ ее, часть ея бросается черезъ прутикъ въ огонь. Молятъ также мясо, часть мяса также кладутъ въ огонь. Потомъ снимаютъ съ вылэ мычон и по моленіи часть кладется въ огонь. Потомъ изъ нихъ человѣкъ 10 садятся ѣсть кашу и мясо, послѣ чего, оставшіяся кости сжигаютъ. Молятся здѣсь безъ шапки и на колѣняхъ. Такимъ же образомъ дѣлается и благодареніе, въ заключеніе всего. Остатки каши и мяса несутъ въ домъ хранителя луда. Это уже бываетъ вечеромъ. Къ нему собираются всѣ деревенскіе жители, мужчины, женщины и дѣвки. Женщины обыкновенно приходятъ съ кумышкой. Жрецы, пришедши домой, начинаютъ пить кумышку и пѣть пѣсни, говоря: Богъ-лудъ-асаба пожелалъ мира и послалъ благословеніе. Далѣе начинаютъ дѣлить каждому домохозяину по надлежащей части блиновъ, каши, мяса и т. д. Съ этого времени пируютъ дня два и три.

Моленіе за умершихъ [2]). Это моленіе бываетъ осенью на озимовомъ полѣ. Обыкновенно жертвуютъ старую кобылу или старую коро-

---

[1]) Тамги: 

[2]) У вотяковъ оно не называется моленіемъ, такъ какъ моленіемъ принято называть возношеніе молитвы съ хлѣбомъ, или кашей. Вотяки по своему зовутъ чекан, т. е. упокоеніе.

ву краснаго цвѣта, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ колютъ и мерина. По назначеніи дня жертвоприношенія и количества сбора на сходкѣ, вэсяси начинаютъ приготовлять все потребное для моленія,—варятъ кумышку, пекутъ хлѣбы. При жертвоприношеніи участвуютъ мужчины, женщины и дѣти. На мѣстѣ его по обычномъ омовеніи и закланіи животнаго разводится огонь. Тѣмъ временемъ вэсяси начинаютъ приготовлять восковыя свѣчи, затѣмъ прилѣпляютъ на чемъ либо нѣсколько свѣчъ въ рядъ и начинаютъ отщипывать мелкія части хлѣба. Также отливаютъ часть пива и кумышки, называя при этомъ имена извѣстныхъ усопшихъ рабовъ. Кусочки хлѣба кладутся на кору дерева, имѣющую видъ корыта, а когда сварится мясо, то часть бульона и мяса также бросаютъ на ту же кору, такимъ же порядкомъ. Тѣмъ временемъ товарищи жрецовъ спускаютъ крупу въ котелъ, чтобы получить кашу, а когда сварится каша такимъ же образомъ поступаютъ и съ кашей. Все это, что только клалось на кору, остается неприкосновеннымъ, на томъ же мѣстѣ, для покойниковъ, а кашу и мясо, оставшіяся отъ покойниковъ, дѣлятъ по числу душъ, и каждый получаетъ въ свою чашку извѣстное количество мяса и каши. Все это съѣдается на мѣстѣ, уносить же домой не позволяется. Кости бросаютъ тутъ же въ груду, нѣсколько въ сторону отъ мѣста моленія. Послѣ всего старшіе пьютъ кумышку и поютъ въ честь усопшихъ, чтобы они приняли ихъ жертву.

Поминки умершихъ. Эти поминки дѣлаются два раза въ годъ, именно осенью и весною, когда пируютъ не болѣе, какъ два или три дня. Къ извѣстному дню въ каждомъ домѣ выкуриваютъ кумышку и варятъ пиво, пекутъ блины, картофельныя шаньги. Вечеромъ въ назначенный день каждый *бэляк* (околодокъ) даннаго рода сходится въ одинъ домъ по обыкновенію на который нибудь конецъ бэляка. Старшій изъ нихъ накидываетъ на себя какой нибудь старый кафтанъ и начинаетъ приготовлять восковыя свѣчи. Когда надѣлаетъ потребное количество свѣчъ, прилѣпляетъ ихъ на приступокъ, по которому поднимаются на печь, и начинаютъ поминать усопшихъ родственниковъ домохозяина. Для каждаго онъ отщипываетъ часть хлѣба и часть шаньги, отливаетъ часть кумышки и пива и кладетъ ложку каши и бульона въ нарочно для того приготовленное корыто. Ему подражаютъ и всѣ прочіе, у которыхъ родители умерли; если же родители ихъ живы, то они сами и исполняютъ этотъ обрядъ. Изъ корыта послѣ отдаютъ собакамъ; при этомъ замѣчаютъ,—если собаки ѣдятъ мирно, то и покойники живутъ согласно, и наоборотъ. Затѣмъ садятся всѣ за столъ вкушать трапезу, за столомъ же пируютъ и поютъ. На другой день утромъ опохмѣливаютъ покойниковъ и самихъ себя, варятъ курицу. Поступаютъ такъ же, какъ наканунѣ, но ужь потчуютъ ихъ послѣдній разъ на провожаніе, говоря: ѣшьте, пѣйте, да ступайте домой, къ товарищамъ, живите мирно, будьте къ намъ милостивы, дѣтей нашихъ храните, хлѣба наши, животныхъ и птицъ берегите. Затѣмъ опять пируютъ по обыкновенію, предаваясь всякимъ непристойностямъ. Женщины бываютъ въ это время повоздержнѣе относительно питья. Послѣ же всего начинаютъ пировать и женщины, но ужъ безъ всякой чинности, ибо покойники уже ушли домой къ товарищамъ и воздержи-

ваться не для кого. Тѣмъ временемъ пользуются и мужики, ибо на кумышку тогда бабы бываютъ щедры и не жалѣютъ ея. Ѣда во время поминокъ или другого какого празднества у женщинъ бываетъ отдѣльно отъ мужчинъ. Передній уголъ дается мужчинамъ, а противоположный ему, на противъ печки,—женщинамъ, почему онъ называется *кышно палъ*, что значитъ женская сторона.

7. Общія моленія непостоянныя.

Моленіе бѣсу надъ хлѣбами. Это моленіе у вотяковъ называется *ю выл перилы*. Оно имѣетъ цѣлью умилостивить бѣса, чтобы онъ не портилъ хлѣба, т. е. не ломалъ и не развѣивалъ зеренъ вѣтромъ. Ему жертвуютъ селезня, покупаемаго на счетъ общества. Его колютъ на озимовомъ полѣ, на чьей либо полосѣ. При этомъ подъ селезня нужно класть сучки съ хвоей какого либо дерева; сучки эти вмѣстѣ съ кровью селезня сжигаются. Изъ селезня варятъ кашу въ чьемъ либо шалашѣ. Съ кашей отправляются опять въ поле на ту же полосу и тамъ послѣ моленія жрецами часть каши, нѣсколько ложекъ бросается, чрезъ сучки въ огонь. Потомъ каждый отвѣдываетъ каши по одной ложкѣ, стоя на ногахъ, какъ освященную. Оттуда опять отправляются въ тотъ же шалашъ и съѣдаютъ всю кашу. Послѣ чего жрецы опять отправляются на ту же полосу, тамъ сжигаютъ кости и перья и тѣмъ кончается вся церемонія и народъ расходится.

Мору болѣзней [1]). Мору жертвуется черная овечка, чтобы умилостивить мора, обезопасить себя отъ болѣзней наводимыхъ имъ. Замѣчательно при этомъ моленіи то, что овечка, назначенная для жертвоприношенія, должна быть непремѣнно украденная, а не купленная. Воруютъ овечку жрецы или закалатели у кого попало, такъ что часто попадаетъ и сосѣдская, изъ той же деревни, въ которой совершается моленіе. Хозяинъ узнаетъ о томъ послѣ; искаться же онъ въ томъ не въ правѣ, да и не захочетъ никогда, потому что онъ и самъ участвовалъ при моленіи, хотя и не зная о томъ, и самъ со своимъ семействомъ ѣлъ какъ мясо, такъ и кашу. Овечку эту колютъ жрецы у рѣчи, на нижнемъ концѣ деревни, гдѣ никто не ходитъ. Предварительно молятъ хлѣбы изъ яровой муки, верхъ которыхъ мажется масломъ, а сверху хлѣбовъ обыкновенно бываетъ яичница въ видѣ лепешки. Въ этомъ случаѣ хлѣбы бываютъ только отъ жреца. Нѣкоторыя бабы также приносятъ кумышку, у кого есть. По моленіи часть ихъ кладется въ нарочно приготовленную на томъ мѣстѣ яму. По омовеніи животнаго трижды водой, колютъ надъ ямой, кровь собирается въ особую чашку, а нѣкоторыя брызги попадаютъ въ яму. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины могутъ присутствовать на моленіяхъ, кишки моютъ женщины и наполняютъ ихъ крупой, смѣшанной съ кровью; а концы кишекъ завязываютъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ это моленіе называется *беръ вось* и относится къ постояннымъ. Совершается оно послѣ общественнаго моленія на полѣ.

нитками. Кишки варятъ въ котлѣ съ бульономъ; такимъ образомъ получается родъ колбасы, называемой вотяками *виртырем*. Обыкновенно же кровь варится вмѣстѣ съ бульономъ и мясомъ, а часть сжигается, или же взамѣнъ сжиганія выливается сколько нибудь ложекъ въ яму, но въ этомъ случаѣ не полагается сжигать, а слѣдуетъ вливать въ яму, равнымъ образомъ и часть бульона по моленіи стоя въ шапкахъ вливаютъ туда же. Затѣмъ въ котель, въ оставшійся бульонъ, кладутъ крупу, чтобы сварить кашу, также поступаютъ и съ кашей, когда поспѣетъ т. е. молятся стоя въ шапкахъ и опять ложки три каши бросаютъ въ яму, потомъ садятся ѣсть, кости бросаютъ въ одно мѣсто, подлѣ ямы, а послѣ кладутъ ихъ въ яму, яма засыпается землей. Послѣ ѣды благословляютъ Бога и расходятся домой.

Богу взамѣнъ человѣка. Ему молятъ рыжаго жеребенка, соловаго, или чалаго цвѣта: эти цвѣта угодны Богу, по ихъ мнѣнію. Его молятъ въ старшемъ (родовомъ) шалашѣ, т. е. у того, у кого раньше всѣхъ поставленъ былъ онъ. И этотъ жеребенокъ приносится Богу въ жертву отъ имени всѣхъ жителей селенія, взамѣнъ человѣка или иначе—вмѣсто того человѣка, котораго бы потребовалось молить отъ имени однодеревенцевъ Это жертвоприношеніе имѣетъ цѣлью умилостивить Бога, чтобы онъ не карали дѣтей ихъ смертію и болѣзнію. Для сего потребны съ каждаго дома хлѣбы, масло, кумышка и яичница Все это несется на мѣсто моленія въ чашкѣ и въ узлѣ, въ бѣлой скатерти. Мѣсто моленія назначается жрецами во дворѣ у того же шалаша, или у рѣчки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно ограничиваться хлѣбами, масломъ и яичницей жреца. Однако чашки необходимы со скатерью, ибо на мѣстѣ моленія придется ѣсть кашу и мясо изъ своей чашки, какъ уже сказано выше. Каша и мясо дѣлятся по частямъ для каждаго семейства, кромѣ того оставшуюся часть полагается нести семейнымъ, тѣмъ, которые по домашнимъ обстоятельствамъ не могли придти на мѣсто моленія. При этомъ моленіи, послѣ моленія хлѣбовъ и сжиганія нѣкоторой части въ огнѣ, необходимо достать хвои или листьевъ какого нибудь дерева, которыя подкладываются подъ общую скатерть, кромѣ того по омовеніи животнаго колоть его на нихъ. Пока закалатели обдираютъ кожу, жрецы молятъ хлѣбы съ масломъ и яичницей, принесенные съ каждаго двора, если таковые есть. [1]) а хлѣбы жреца отъ лица всего селенія,—молятся до закланія животнаго или же пьютъ кумышку. Тѣмъ временемъ повара стараются приготовить кашу. Кашу и мясо молятъ въ шапкахъ, стоя лицемъ къ югу и часть какъ каши такъ и мяса сжигаютъ. Затѣмъ садятся ѣсть, каждое семейство изъ своей чашки; впрочемъ можетъ быть такъ, что изъ одной чашки ѣдятъ нѣсколько семействъ, что бываетъ тогда, когда дается часть для многихъ душъ, однако и при такихъ случаяхъ часть каши для домашнихъ получается послѣ ѣды. Затѣмъ слѣдуетъ принести Богу благодарность. При

---

[1]) Обыкновенно народъ собирается не вдругъ, посему и моленіе принесенныхъ хлѣбовъ бываетъ во всякое время.

этомъ стоя лицомъ къ югу же снимаютъ шапки и дѣлаютъ три небольшихъ поклона. Кости въ лукошкѣ или же въ скатерти уносятъ безъ пѣнія и шума, для этого командируются нѣсколько человѣкъ на мѣсто назначенія. По возвращеніи жрецы объявляютъ, что богъ хотѣлъ принять молитву ихъ, жрецъ высказываетъ свое желаніе: «пусть уже пріиметъ». Тѣмъ и кончается моленіе ихъ.

Лошадь умомъ и трудолюбіемъ сравнивается у вотяковъ съ человѣкомъ, поэтому считаютъ они, что взамѣнъ человѣка можно принести въ жертву лошадь. Также почему то можно молить взамѣнъ человѣка и гуся. При эпидемическихъ болѣзняхъ, особенно при холерѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоронятъ живую собаку послѣ моленія лошади или гуся. Стало быть находятъ въ нихъ какія нибудь человѣческія качества. Бываютъ случаи, когда живого человѣка одержимаго золотушной болѣзнью или англійскою болѣзнью, приносятъ также въ жертву богу и, замѣняя его моленіемъ гуся, сжигаютъ часть волосъ того больного человѣка. Это дѣлается какъ бы для возобновленія, перессозданія человѣка съ цѣлью содѣлать изъ больного здороваго человѣка. При этомъ больной отрекается отъ своего имени. Это подобно тому, какъ у русскихъ встрѣчается по мѣстамъ продажа больного ребенка, одержимаго какою нибудь хроническою болѣзнью. Мать, какъ бы продаетъ кому нибудь своего ребенка и получаетъ за это пять или десять копѣекъ отъ кого нибудь, хотя ребенокъ остается у матери навсегда, лишь бы считался проданнымъ. Иначе сказать, если у нея нѣтъ счастья на дѣтей, то по крайней мѣрѣ ребенокъ жилъ бы на счастье даннаго человѣка и, такимъ образомъ, пользовался чужимъ счастьемъ. А у вотяковъ все же не то: тамъ съ отрицаніемъ своего имени, или иначе сказать самого себя, больной какъ бы получаетъ новую жизнь подъ именемъ другого. При этомъ отрицаніе больной съ матерью должны стоять въ сѣняхъ за дверями избы жреца, а жрецъ въ избѣ спрашиваетъ: «кто тамъ»? Мать больного ребенка отвѣчаетъ: «изъ сыновей Имъес или Носка» и пр. (здѣсь называетъ имя родоначальницы). «Кто—же тамъ, Николай? (если имя больного Николай. Николай молчитъ,—мать Николая говоритъ: «нѣтъ». Потомъ жрецъ начинаетъ перебирать имена, пользующихся здоровьемъ. Тогда мать при правящемся ей имени отвѣчаетъ «да». Потомъ пускаетъ жрецъ больного съ матерью въ избу и довершаетъ обрядъ моленія. Такимъ образомъ больной долженъ жить какъ бы другимъ человѣкомъ, подъ другимъ именемъ. Этотъ обрядъ не вездѣ впрочемъ встрѣчается. А что касается до общаго моленія взамѣнъ человѣка, то оно въ прежніе времена не замѣнялось животными, а приносили въ жертву самого человѣка, какъ это дѣлалось у славянъ,—славяне послѣ войны одного плѣннаго непремѣнно приносили въ жертву богу Перуну мужчинъ и женщинъ. Древніе финикіяне, уже вышедшіе изъ совершенной дикости, приносили кровавыя человѣческія жертвы богу Молоху, предавая ихъ долгой и мучительной смерти. Эта жертва была избранная обществомъ противъ желанія приносимаго. Въ жертву приносились плѣнники и вообще враги народныхъ боговъ (см. Монаха Митрофана. Какъ живутъ наши умершіе. Т. 2-й стр. 71 и 494). Изрѣдка и до сихъ поръ бываютъ у вотяковъ даже христіанъ человѣческія жертвоприношенія, что хотя и дѣлается у нихъ чрезвычайно скрытно, однако же находятся и факты, обличающіе ихъ въ преступленіяхъ этого рода. Мнѣ привелось лично видѣть тако-

го человѣка, который былъ закалаемъ вотяками и едва избавившись былъ возвращенъ къ жизни. Это мѣщанинъ города Мензелинска, Уфимской губерніи, Петръ Игнатьевъ Рѣпинъ, въ настоящее время проживающій въ селѣ Березовкѣ, Уфимской губерніи, весь искалѣченный, вслѣдствіе поврежденія жилъ на шеѣ и на ногахъ. Онъ былъ прикащикомъ, теперь же лишенъ всякой возможности чѣмъ либо заняться, не можетъ ни читать ни писать. Онъ закалаемъ былъ 6 дек. 1884 г. крещеными вотяками Елабужскаго уѣзда, Кураковской волости, деревни Макашаевой и получилъ 23 раны, 8 ранъ ножемъ и 15 ранъ шиломъ,—такъ признали доктора, говоритъ Рѣпинъ. Лѣчился годъ и 10 мѣсяцевъ у доктора г. Уфы Виноградова отъ сумасшествія и отъ ранъ у доктора г. Елабуги Крылова. Слѣдствіе производилъ судебный слѣдователь Загибаловъ, судилъ Сарапульскій Окружный судъ въ 1885 г. 36 семействъ вотяковъ сослали въ Сибирь съ лишеніемъ правъ, а въ мѣсто ихъ поселили русскихъ (писано со словъ самого Рѣпина).

Богу взамѣнъ животныхъ. Взамѣнъ человѣка приносится въ жертву богу жеребенокъ, телка бѣлаго или краснаго цвѣта. Въ прочемъ оба эти моленія сходны.

Всѣ вышесказанныя моленія хотя и не случайныя, однако и не постоянныя, потому что они хотя и обязательныя, но могутъ быть и отложены по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Случайными же могутъ быть по указаніямъ ворожцовъ экстреннымъ образомъ, такъ напр. при холерѣ хоронятъ живую собаку въ могилу и т. д

8. Моленія общія случайныя.

Бѣсу межевому (полосы). Моленіе это производится послѣ дѣлежа земли или полосъ. Для него полагается бѣлая утка, чтобы посѣянное не путалось, чтобы жать было легко и свободно. На утиномъ бульонѣ варятъ кашу. Хлѣбъ приноситъ жрецъ отъ себя и молитъ его и кашу При этомъ употребляется хвоя. Часть бульона, каши и мяса, также и кости сжигаютъ въ огнѣ. Варятъ, молятъ и ѣдятъ на полѣ.

Мору. Это бываетъ при эпидемическихъ болѣзняхъ Заключается въ закапываніи живой собаки въ могилу. Болѣзни у вотяковъ олицетворяются и представляются въ видѣ человѣка или же иногда въ видѣ собаки. *Примѣчаніе.* Могутъ быть моленія и другія подобныя этому въ непредвидѣнныхъ случаяхъ по указанію ворожцовъ.

9. Моленія родовыя постоянныя

Опредѣленіе рода (моленіе въ будзумъ-куалѣ въ старшемъ народовомъ шалашѣ).

Прежде чѣмъ говорить о моленіяхъ родовыхъ, необходимо предварительно знать, что такое родъ (по вотяцки *быжем*). Въ каждомъ селеніи первоначальные насельники преобладаютъ надъ новыми. Послѣдніе зовутся пріемными, поэтому всегда и во всемъ должны уступать первымъ насельникамъ; такъ оно и бываетъ. По роду или племени селенія вотяковъ можно

раздѣлить на два вида: селеніе состоящее изъ нѣсколькихъ семействъ, происшедшихъ отъ одной родоначальницы, и селеніе состоящее изъ нѣсколькихъ семействъ, происшедшихъ отъ нѣсколькихъ родоначальницъ. Въ первомъ случаѣ *будум куи* строится только одинъ, въ силу родственнаго чувства и для единенія духа, а во второмъ случаѣ—по количеству племенъ и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ родѣ болѣе пяти—шести семействъ (дворовъ), въ противномъ случаѣ малосемейное поколѣніе принуждено бываетъ присоединиться и ходить въ шалаши съ чуждымъ поколѣніемъ и свою родоначальницу чтитъ совмѣстно съ тѣмъ въ общемъ шалашѣ или куалѣ. Каждое поколѣніе имя своей родоначальницы крѣпко помнитъ. Общее же названіе родоначальницы есть *будзым ин ву* (въ переводѣ на русскій языкъ—покровительница или начальница, небесная роса). Она считается покровительницею рода. Собственныхъ же именъ имъ много, у каждой свое имя, какъ то: *какся, можга, имысс, турья* и т. д. Родовой шалашъ, какъ глава всѣмъ семействамъ даннаго рода, чтится выше, хотя частные шалаши каждаго семейства, называемые *воршудъ*, Богъ счастья четы даннаго рода, тоже произошли отъ того же родоваго шалаша. Объ этомъ *воршудъ* сказано было выше Число старшихъ родовыхъ шалашей служитъ показателемъ числа родовъ или племенъ вотяковъ, населяющихъ деревню или село. Каждый родъ, состоящій изъ нѣсколькихъ дворовъ или селеній, считающійся происшедшимъ отъ одной родоначальницы, знаетъ приблизительно, откуда онъ переселился и по какому случаю и душевно почитаетъ свою старину, т. е. ту мѣстность, откуда переселились его родители или прародители, ибо названіе рода всегда сохраняется. Воздаяніе чести одной и тойже родоначальницѣ какъ переселившимися такъ и оставшимися на старинѣ, ихъ духовно соединяетъ и внушаетъ имъ особенную взаимную любовь. Одинъ родъ, какъ видно, обнимаетъ собою лицъ, считающихся происходящими въ женской линіи отъ общей всѣмъ имъ миѳической родоначальницы (Максимъ Ковалевскій. Первобытное право, 1-й вып. III гл. Материнскій родъ). Посему можно полагать, что по имени сей то родоначальницы и называли покровителя воршуда. Даже можно думать, что подъ видомъ воршудовъ и будзым ин ву—покровителей прежніе вотяки молились этимъ когда то счастливымъ родоначальницамъ.

Въ древнее время вотяки назывались не по отечеству, а по имени матери, или родоначальницы, ибо въ первобытное время, когда имѣть множество мужей не считалось порокомъ, не было возможности опредѣлить отца. Въ настоящее же время дѣти опредѣляются по отцу и матери. Положимъ, что на улицѣ стоятъ двѣ женщины, проходитъ мимо ихъ мужчина, женщины одна другую спрашиваютъ: «кто это идетъ?» и та отвѣчаетъ: *чолы мурт*, т. е. человѣкъ изъ рода чолы-родоначальницы его отца. Кто же?» отъ Іеремія сынъ Ивановой Можги т. е отецъ Иванъ, а мать Можга, т. е. жена Ивана зовется по имени родоначальницы ея. Это послѣднее показываетъ, что отецъ матери Іеремія рода Можги, а отецъ Іереміи изъ рода Чолы. Изъ сего видно, что родоначальница мужской линіи, равно и женской, сохраняется навсегда въ родѣ отца. Сынъ и дочь называются по

родоначальницѣ отца, но никакъ не по родоначальницѣ матери. Дѣвушка, пока она въ дѣвкахъ, называется по имени, а по замужествѣ уже ее люди называютъ по имени родоначальницы отца ея. Хранителями рода всегда являются мужчины, а не женщины, ибо замужняя женщина, пока она живетъ, носитъ имя отцовой родоначальницы, и дѣти ея носятъ имя отцовой родоначальницы а не имя родоначальницы матери или отца ея. Со смертію ея прекращается имя ея родоначальницы. А когда рождается у дѣвушки сынъ или дочь, пока она въ дѣвкахъ, въ такомъ случаѣ новорожденный впослѣдствіи времени долженъ именоваться по родоначальницѣ дѣда. Родовые шалаши устрояются для одного рода мужчинъ, а не женщинъ, женщина свою родоначальницу чтитъ въ отцовомъ шалашѣ.

Избраніе служащихъ въ куалѣ. Въ родовомъ шалашѣ дѣйствующія лица избираются опытнымъ старшимъ ворожцемъ, *усто туно. Утись и тоже* отказываются большею частію, сознавая свое недостоинство, т. е. тогда, когда по какому нибудь случаю не будетъ хорошаго платья, или когда сами или семейные заболѣютъ, какъ бы въ наказаніе за грѣхи за недостойное отношеніе къ своей обязанности. Выборъ также можетъ послѣдовать за смертію служащихъ. Въ такихъ случаяхъ созывается экстренный совѣтъ. По рѣшеніи дѣла совѣтомъ о необходимости избранія кого либо въ дѣйствующія лица, командируются болѣе опытныя лица къ главному ворожцу, болѣе славящемуся, какъ имѣющему даръ свыше и мудрость въ выборѣ достойныхъ на должность лицъ къ богослуженію, чтобы выборъ состоялся какъ бы дѣйствительно по указанію самого дѣйствующаго черезъ достойнаго ворожца. Большею частію въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ усто-туно такому, который почти никого не знаетъ въ данномъ селеніи. Однако еще до прибытія ворожца, вотяки по своему усмотрѣнію приблизительно, или даже иногда точно, опредѣляютъ кандидатовъ, но въ этомъ случаѣ они желаютъ видѣть подтвержденіе своего мнѣнія, для вящшей авторитетности избираемаго. Могли бы они метать жребій, но этого никогда не дѣлаютъ. Но и ворожцы въ этомъ случаѣ плутуютъ: подкупаютъ кого либо, чтобы узнать имена кандидатовъ, имѣющихся въ виду, но скрытыхъ отъ ворожца. Къ тому времени утись заказываетъ своей женѣ сварить кумышку, назначая ее собственно для предстоящей церемоніи. При этомъ соблюдаются особыя тщательность и аккуратность. Самый приступъ къ куренію кумышки дѣлается не раньше, какъ предварительно вымывшись въ банѣ.

Впрочемъ у вотяковъ существуетъ обыкновеніе посвящать кумышку на счастье кого нибудь, предполагая, что данный человѣкъ можетъ быть счастливъ, авось на его счастье и удастся. Это дѣлается въ видѣ опыта. Если окажется удача, то значитъ, богъ благоволитъ тому человѣку, ибо во имя его удастся кумышка; если это случится, то имя того посвящаемаго человѣка никогда не перемѣняется, ему всегда воздается честь, такъ что послѣ курительницы онъ первый начинаетъ угощаться.

Примѣчаніе. Въ семейномъ положеніи такое посвященіе бываетъ довольно часто. Какъ только родится, отъ скотины кто нибудь, тотчасъ-же обѣщаютъ его сыну или дочери, тоже въ видѣ опыта, дабы Богъ его счастье охранялъ во имя своего питомца. Но если такого рода обѣщанія не оправдаются, въ такомъ случаѣ перестаютъ посвящать тому лицу, какъ несчастливцу, и посвящаютъ тому, кто болѣе оказался счастливымъ; это называется по вотски *имань*.

Мѣстомъ для выбора назначается будзым куа, или же камната утися. Призываютъ игрока на гусляхъ, на которыхъ онъ въ присутствіи усто туно играетъ на установленный мотивъ приноровительно къ данной церемоніи. Это есть священный тонъ или мотивъ, точно также священнымъ и благоугоднымъ Богу музыкальнымъ орудіемъ признаются только единственно гусли, прочіе же инструменты признаются запрещенными Богомъ. Въ комнатѣ ставится столъ съ бѣлой скатертью, на немъ три коравая хлѣба изъ яровой муки; хлѣбы обыкновенно мажутся масломъ, на хлѣбы кладется лепешка изъ яицъ; ставятъ тутъ же въ жбанѣ пиво и по полной бутылкѣ кумышки изъ каждаго двора. Кумышка для моленія употребляется изъ начальнаго перваго куренія—она признается священной и называется *тыр выл*. Жена утися варитъ кромѣ того въ назначенный день кашу и печетъ хлѣбы, варитъ пиво, потребное на столъ къ тому времени; для этого жертвуютъ муки, соли, крупы и пр., у кого чего есть, дабы принять участіе всѣмъ. Выбираютъ утися на 12 лѣтъ. Обрядъ шествія за водой на рѣку для куренія кумышки совершается послѣ бани въ полномъ нарядѣ непремѣнно женщинами въ благоговѣйномъ настроеніи духа; иную воду кромѣ рѣчной употреблять не дозволяется. Когда всѣ окажутся въ сборѣ мужчины и женщины, усто туно одѣвается въ бѣлое, обувается въ валенки, опоясываютъ его полотенцемъ, надѣваютъ на голову долгій остроконечный бѣлый чехолъ. (Надо имѣть въ виду, что выборъ бываетъ обыкновенно лѣтомъ, когда *ин ву* находится на цвѣтахъ растеній. Осенью или зимой не выбираютъ, тогда въ крайнемъ скучаѣ допускается исправлять должность утись). Все это дѣлается обыкновенно въ домѣ старшаго утися. Начинается въ тоже время и игра на гусляхъ на данный мотивъ. Утись кладетъ старую серебряную монету на столъ. Затѣмъ начинаетъ разсматривать бутылки, принесенныя изъ каждаго двора, годна или негодна въ нихъ кумышка, при этомъ случается, что иную бутылку онъ возвращаетъ хозяину, какъ неблагоугодную Богу. Заключаетъ же онъ это изъ того, что будто въ годныхъ онъ видитъ горящую восковую свѣчу, а въ негодныхъ головешку, причемъ причину этой разницы видитъ въ нечистоплотности, колдовствѣ и пр. Послѣднее по мнѣнію его есть недостатокъ или порокъ, не смотря на то, что каждый усто туно долженъ быть свѣдущъ въ колдовствѣ, и это считается не отъемлемой принадлежностью его. Потомъ усто-туно беретъ вмѣсто не допускаемой при моленіяхъ рюмки деревянную чашку самаго малаго формата, употребляемую вотяками при моленіяхъ и по вотски называемую «чарка», наливаетъ въ нее кумышки изъ бутылки жены утися, опускаетъ въ нее серебряную монету и ворожитъ, сидя за столомъ. Съ нимъ рядомъ сидитъ тоpе, около стола

на стулѣ утись,—при этомъ глаза его наводятся то на монету, которая въ чаркѣ, то на небо. Далѣе усто-туно начинаетъ плясать на тактъ, который выигрывается игрокомъ на гусляхъ. Въ правую руку беретъ нагайку (по вотски *урыс*), черенъ которой долженъ быть изъ таволжки для разогнанія нечистыхъ духовъ, ибо таволожка имѣетъ такую силу, что имѣющій ее въ рукахъ не можетъ испытать на себѣ никакихъ діавольскихъ козней и внушеній. Въ лѣвую же руку онъ беретъ саблю, при этомъ всѣ стоятъ, только одинъ торе сидитъ безъ шапки. Саблю при пляскѣ усто туно бросаетъ въ дверь, такъ чтобы сабля воткнулась въ нее, не задѣвая присутствующихъ. Это составляетъ его ловкость и опытность. Самъ же послѣ того валится на полъ, народъ при этомъ встаетъ на колѣни, усто-туно начинаетъ выкликивать или по ихъ мнѣнію пророкать имена, которые должны быть дѣйствующими лицами при моленіяхъ въ шалашѣ. Если не окажется лицъ съ такими именами, то его поднимаютъ утись и тöре: самъ онъ не въ состояніи встать, такъ какъ онъ сильно затянутъ бываетъ опояской. Усто-туно снова продолжаетъ плясать и опять падаетъ на полъ; это можетъ повторяться до трехъ разъ. Случается, что онъ падаетъ, говорятъ, на разведенный огонь и тогда онъ не жжется; при паденіи усто туно иногда испускаетъ изорта пѣну. Выборъ иногда не можетъ состояться вслѣдствіе не опытности усто-туно, или по ихъ мнѣнію, его грѣховности. Въ такомъ случаѣ народъ сильно негодуетъ противъ такого самозванца и отправляетъ его на мѣсто жительства безъ всякой чести, но однако на лошадяхъ, ибо о всякомъ безчестіи станетъ по всюду извѣстно и вслѣдствіе этого могутъ отказаться ѣхать къ нимъ и прочіе усто-туно. Если же выборъ состоится, усто-туно, когда поднимутъ его, садится около чарки, заставляетъ избраннаго вставать на колѣни и потомъ ударятъ по нему 12 разъ нагайкой, обозначая этимъ, что онъ избирается на 12 лѣтъ. Однако онъ, зная напередъ, нарушитъ ли избираемый или соблюдетъ дисциплину требуемую его службой, можетъ уменьшить годы прохожденія должности. При нанесеніи ударовъ усто-туно говоритъ: «соблюдай чистоту, не будь безчестнымъ, избѣгай блудодѣяній». Потомъ заставляетъ жену избираемаго въ утиси стать на колѣни, и ей тоже самое говоритъ, что и мужу ея.

Примѣчаніе. Остальныхъ должностныхъ лицъ можно избирать безъ всякихъ церемоній, или же избираются въ одно и тоже время съ утисемъ. На должность утися нельзя выбирать холостаго и вдоваго, но непремѣнно женатаго; остальные могутъ быть и вдовые, но не холостые.

Потомъ, отвѣдавъ изъ чарки, усто-туно передаетъ ее вновь избираемымъ. Пока сабля съ дверей не снята, входъ и выходъ запрещается, потомъ снимаетъ саблю и отправляются въ будзым квала, а народъ расходится подъ звуки все время не прекращавшейся игры на гусляхъ. Путь къ куалу усто-туно соворшаетъ пѣшкомъ, приплясывая подъ тактъ гуслямъ. Утись старый съ женой, новый утись съ женой, тöре съ женой и усто-туно въ куалѣ садятся такъ же, какъ сидѣли въ домѣ при избраніи новаго утися, и такъ же совершается моленіе, какъ обыкновенно въ шалашѣ. Туно вливаетъ въ чарку кумышку изъ трехъ бутылокъ—тöре стараго утися и новаго, въ дру-

гую чарку также изъ трехъ бутылокъ пива и ставитъ на столъ. Женщины достаютъ изъ котла кашу, утку и гуся и кладутъ въ разныхъ чашкахъ передаетъ—жена стараго утися передаетъ ихъ своему мужу, вмѣстѣ съ двумя яровыми хлѣбами. Все это кладется на столъ, потомъ старый утись начинаетъ молить, сперва хлѣбы, потомъ кашу, кумышку и пиво, при этомъ послѣ каждаго моленія часть ихъ бросается въ огонь въ жертву, остальное ставится на столъ съ словомъ берекет, т. е. благодать. Потомъ утись молитъ мясо, но часть ихъ не кладется въ огонь. Въ это время всѣ стоятъ, кромѣ торе, онъ сидитъ. Дальше тóре беретъ кумышку, говоря: *Остэ*, т. е. Господи благослови и передаетъ утисю утись беретъ съ тѣмъ же восклицаніемъ и передаетъ усто-туно, потомъ женщинамъ, при этомъ каждый пьетъ понемногу, какъ священное. Послѣ этого всё, что было, приготовлено, вносится въ избу стараго утися. Новый утись при этомъ наблюдаетъ за всѣми пріемами, хотя и раньше ему не разъ доводилось видѣть, но теперь онъ слѣдитъ въ силу необходимости. Въ избѣ у утися туно начинаетъ плясать, послѣ себя заставляя плясать и утися стараго: потомъ пляшутъ жена этого утися, потомъ торе, за нимъ жена тóре, дальше новый утись, за нимъ жена его, дальше повара, за ними жены ихъ. Остальныя присутствующія женщины угощаютъ другъ дружку кумышкой, должностныхъ лицъ и прочихъ мужчинъ и ѣдятъ то, что поставлено на столъ, т. е. кашу, хлѣбъ. Затѣмъ усто-тоно поетъ и со словомъ: «такъ пойте», заставляетъ послѣ себя пѣть старыхъ должностныхъ лицъ, потомъ и вновь избранныхъ. Здѣсь уже новички садятся за столъ вмѣсто старыхъ. Потомъ 6 человѣкъ, упомянутыя уже лица, встаютъ на колѣни и туно беретъ чарку съ серебряною монетою, которая оставалась въ избѣ стараго утися во время отлучки его въ куалу, передаетъ тому, кто спустилъ монету, обыкновенно которому нибудь изъ утисей. Эта монета становится священнымъ предметомъ. Вотяки это священнодѣйствіе сравниваютъ съ молебномъ. Сказавъ при этомъ: *дзень мед уломы инъ* («благослови, небесная вода или благодать, жить въ благополучіи»), отвѣдываетъ каждый, какъ сказано выше, соблюдая при передачѣ одного другому старшинство. Отъ стараго утися ѣдутъ съ колоколами къ новому, оттуда къ старому и новому тóре а также къ повару, и съ собой берутъ игрока на гусляхъ. Здѣсь порядокъ соблюдается тотъ же, что и у стараго утися— пьютъ кумышку, пляшутъ, поютъ и т. д.

Рѣдко доводится избирать много должностныхъ лицъ, а большею частію одного или двухъ и для одного какого либо рода, но однако иногда участіе въ томъ принимаетъ вся деревня. Въ с. Бурановѣ Сарапул. уѣзда, Вятской губерніи подобный выборъ состоялся не особенно давно. Вотъ разсказъ крестьянина того села М. С. «Когда я былъ луд утись, или иначе луд асаба, т. е. начальникомъ луда, или какъ говорятъ керемети [1]), то вмѣстѣ

---

[1]) *Примѣчаніе.* Кереметью называется стоячій на полѣ густой лѣсъ, въ которомъ совершается моленіе или жертвоприношеніе луду. Но этотъ лѣсъ

съ своими товарищами тӧре и порчась надумали получить отставку, поэтому мы отправились въ Учу къ усто-туно, какъ болѣе славящемуся лицу, но по справкамъ онъ оказался въ отлучкѣ,—онъ избиралъ таковыхъ же служащихъ, какъ и мы, въ дер. Малой Бодьѣ. Здѣсь мы справлялись у крестьянина о его опытности и даровитости,—оказался подходящимъ. Когда мы зашли къ нему на квартиру, я предложилъ серебренную двадцатикопѣечную монету (*тезь*, т. е. святыня или даръ); онъ принялъ, монета пристал къ концу безымяннаго пальца его съ нижней стороны [1]).

Посмотрѣвъ на монету, онъ воскликнулъ, «О, ты, асаба» (начальственное лицо) и сталъ плясать отъ радости, потомъ спросилъ: «чему же ты начальникъ?» я сказалъ: узнай самъ. Онъ отвѣтилъ: «ты начальникъ луда». Я, взволнованный, не вытерпѣлъ и прослезился. Товарищъ мой тоже предложилъ такую же монету, положивъ на столъ, усто туно, касаясь пальцемъ предложенной ему монеты, трижды пытался также зацѣпить объ палецъ, но не успѣшно; возвративъ монету по принадлежности, потребовалъ отъ него другую монету: послѣдняя оказалась подходящей. Посмотрѣвъ на нее или, сказать иначе, поворожив на ней, сказалъ ему: «ты не подходящъ къ своей обязанности, несчастливъ ты, неподходящъ потому, что жена твоя,—дочь будзым куа утися, тебѣ нельзя быть тӧре». Потомъ велѣлъ привезти тамгу, въ видѣ приговора, о которомъ было объяснено на своемъ мѣстѣ, и пріѣхать за нимъ въ село Учу. Заручившись на сходѣ этимъ приговоромъ, мы на другой же день отправились къ нему. Я опять предложилъ югезь, потомъ предложилъ и тӧре, спрашивая о годности или негодности товарища своего парчась. Онъ посмотрѣлъ на югезь (ею можетъ быть и мѣдная монета) и отвѣтилъ: «какъ звѣзда этотъ человѣкъ, есть у него одинъ бѣлокурый сынъ, до его совершеннолѣтія пусть исправляетъ свою обязанность» (слѣдовательно сынъ его пріятенъ Богу), и еще добавилъ: «у васъ два ин ву» (т. е. старшихъ шалаша). Въ лудѣ, т. е. керемети, у васъ есть береза, она уже упала, лежитъ на землѣ, свинья изгрызла ее луд былъ загороженъ, но теперь заброшенъ, нужно загородить, есть и подростающій лѣсъ, есть и лиственный стоячій лѣсъ, сзади есть и сосна». Выѣхали на дорогу. «Если вы счастливы, все сдѣлаю, если же нѣтъ у васъ счастья, я не въ силахъ все устроить; мнѣ велѣно только 9 ин ву искать, а я теперь превысилъ, у насъ только старшій усто-туно можетъ искать 12 ин ву и не болѣе». Истопили баню, его переодѣли въ бѣлую одежду, все это взялъ онъ отъ тӧре, какъ то рубашку, штаны, лапти и портянки, *шотдырем* (верхній бѣлый кафтанъ), потомъ отъ меня, какъ отъ луд утися, взялъ полотенце, которымъ опоясали его два человѣка туго-на-туго, и 8

не слѣдуетъ смѣшивать съ молельнями на поляхъ, ибо молельни тоже иногда состоятъ изъ стоячаго густаго лѣса, и непремѣнно на каждомъ полѣ, но лудъ или кереметь бываетъ только на одномъ полѣ.

[1]) *Примѣчаніе.* Это считается чудомъ; иногда усто-туно съ этой югезью вертитъ рукой кругомъ головы, прежде чѣмъ начинаетъ ворожить.

аршинъ бѣлаго тонкаго холста, которымъ обвилъ голову, но безъ шапки. Тѣмъ временемъ и народъ собрался, женщинъ не было. На столѣ были приготовлены бутылки съ кумышкой и чарка отъ луд утись. Затѣмъ усто-туно сталъ изъ бутылокъ лить кумышку въ чарку понемногу, но изъ одной бутылки отказался брать кумышку, сказавъ, что не годится. Хозяинъ бутылки возразилъ: «почему не годится? вѣдь у насъ никто колдовствомъ не занимается, и кумышка чиста»—«Не оттого, что нечисто, отвѣтилъ усто-туно: и не оттого, что сила вражія есть, но не знаю, отчего горитъ свѣча, если бы въ васъ была сила вражія, то вмѣсто свѣчки бы горѣла головяшка». Потомъ когда кончилъ лить кумышку въ чарку, вышли всѣ во дворъ молиться, чарку самъ молилъ, прося успѣха во имя бурановскихъ людей. Потомъ опять вошли въ избу и самъ внесъ чарку, выпивъ нѣсколько, передалъ мнѣ, я попивъ немного передалъ тӧре, а тоpe парчасю и т. д.; такимъ образомъ выпили всѣ. Изъ этой бутылки, въ которой горѣла свѣча по словамъ усто-туно, велѣлъ мнѣ налить въ чарку и молить во дворѣ особо; насъ вышло три человѣка. А изъ бутылки той велѣлъ намъ все выпить, равно и изъ чарки. Саблю свою усто-туно однимъ концемъ поставилъ на голову, такъ что другой конецъ чуть не касался потолка, уронилъ на полъ намѣренно и сабля воткнулась въ полъ. Повторялось это до двухъ разъ Въ правой рукѣ у него въ это время была нагайка, черенъ которой составленъ изъ таволожника на страхъ врагамъ. Потомъ велѣлъ играть на гусляхъ, а самъ сталъ плясать, во время пляски онъ вдругъ упалъ, такъ что пѣна пошла изо рта. Затѣмъ, находясь въ такомъ положеніи, крикнулъ «Митрофанъ»! Народъ спросилъ: «который?—у насъ ихъ два». Онъ отвѣтилъ: «тотъ, который 12—13 лѣтъ»! а другой былъ моложе еще. Потомъ сказалъ: «Тоpe Асаба (т. е. начальникъ тӧре), киме палале, значитъ выпрямьте мои руки. Руки у него въ то время окоченѣли. Мы подняли, онъ сказалъ: «иногда изъ люльки ребенокъ попадается и тогда замѣняетъ его отецъ»; при этомъ сказалъ народу: «Тӧре Асабу не стегайте: хлѣба ваши Богъ градомъ побьетъ». Потомъ велѣлъ народу встать на колѣни для возношенія благодарности усто-туну и намъ. Мы сидѣли, и когда встали на колѣни всѣ сказали: тау. т. е. благодарю. До избранія народъ просилъ усто-туно, чтобы онъ поступалъ добросовѣстно, т. е. чтобы не подкупалъ кого нибудь для своей выгоды. За труды усто-туну выдали 5 руб. отъ общества. Далѣе онъ ходилъ по домамъ угошаться—къ служащимъ Луду и т. д.

Моленіе въ родовомъ шалашѣ (куалѣ) Послѣ каждаго моленія въ частномъ шалашѣ, т. е. куалѣ, что бываетъ наканунѣ праздника вечеромъ,—ходятъ въ старшій шалашъ, въ бузым ин ву (небесная вода). Утромъ въ самый праздникъ, пекутъ лепешки, блины, мажутъ ихъ масломъ, кладутъ на тарелку, на столъ стелютъ бѣлую скатерть, на которую ставится тарелка съ лепешками. Хозяинъ посидѣвъ выходитъ съ блинами во дворъ и молится на югъ (поэтому къ заутрени вотяки не любятъ ходить въ церковь; а ходятъ къ обѣднѣ, когда наѣдятся блиновъ табанен).

Предъ сборами въ будзым куала жены будзым куа утись и тӧре варятъ кашу съ масломъ; а мужья готовятъ столъ, настилаютъ бѣлую скатерть, на стѣну вѣшаютъ полотенце. Утись кладетъ на столъ два хлѣба изъ яровой муки, намазанныхъ сверху масломъ на хлѣбъ, также кладется масло, рядомъ кумышка и пиво; также поступаетъ и тӧре, каждый распоряжается своимъ, иногда бываютъ и яйца. Изъ хлѣбовъ одинъ полагается на полку, гдѣ вмѣстилище будзымъ ин ву, отъ имени утися и тӧре съ молитвой. Этотъ одинъ хлѣбъ собственно полагается отъ имени двухъ женщинъ и отъ имени двухъ мужчинъ. Затѣмъ одинъ хлѣбъ отъ утися и одинъ хлѣбъ отъ тӧре полагаются въ общую деревянную чашку, а на верхъ ихъ масло. Если это совершается зимой, то подъ скатерть кладутся сучки хвойнаго дерева, если же лѣтомъ, то лиственнаго. Кашу утись кладетъ въ свою чашку, приходящіе несутъ кумышку въ полуштофѣ, утись ставитъ ихъ всѣ на столъ. Предъ молитвой утись вливаетъ изъ каждой бутылки въ свою маленькую деревянную чашку. Потомъ утись начинаетъ молиться, всѣ стоятъ въ шапкахъ, женщины стоятъ на правой сторонѣ, одинъ тӧре сидитъ въ переднемъ углу за столомъ лицемъ къ мужчинамъ, тоже въ шапкѣ, и жена его въ другомъ углу за столомъ. Когда кланяются молящіеся стоя на ногахъ, кланяются и тӧре съ женой. Сперва молятъ хлѣбъ съ масломъ и мясо, потомъ кашу, затѣмъ пиво и кумышку, послѣ всего часть моленныхъ яствъ кладется въ огонь, чтобы дымъ ихъ вознесся къ Богу. Потомъ начинаютъ оставшееся по немногу пить и ѣсть, чтобы каждому достало. Изъ полуштофовъ даетъ каждая женщина въ своей чаркѣ утисю тӧре и прочимъ, потомъ другъ другу. Послѣ этого поютъ: «старшая небесная вода, тебя вспоминаетъ, просимъ и молимъ, покланяемся тебѣ во имя твое, не прогнѣвайся на насъ». Потомъ предъ самымъ уходомъ снимаютъ шапки, и дѣлаютъ одинъ поклонъ стоя и расходятся по домамъ.

10. Моленія родовыя непостоянныя.

Моленія эти непостоянныя по, и не случайныя. Къ случайнымъ могутъ отнестись только такія моленія, когда моленіе совершается по указанію ворожца, а не по обыкновенію. Однакоже эти моленія и непостоянныя, ибо ихъ можно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и отлагать.

Моленіе черной овечки. Кромѣ того, что въ будзым куалѣ бываетъ моленіе передъ каждымъ праздникомъ, бываетъ еще моленіе подъ осень, когда скотъ поправится, именно жертвоприношеніе черной украденной овечки такимъ же образомъ и съ тою же цѣлью, какъ это бываетъ при жертвоприношеніи такой же овечки всей деревней, только здѣсь все совершается въ шалашѣ. (см. выше).

Моленіе жеребенка.

О благосостояніи цѣлаго рода приносится въ жертву саврасый жеребенокъ. Такъ какъ жеребенокъ не воровски достается, то и моленіе совершается съ надлежащемъ приготовленіемъ: къ назначенному дню пекутъ ярушники,

варятъ пиво и кумышку. Два хлѣба, бутылка кумышки и въ жбанѣ пиво несутъ въ куалу; хлѣбы, какъ и всегда, несутъ въ деревянной чашкѣ завернутые въ узелъ скатертью. Кромѣ того жрецу несутъ изъ каждаго дома на предметъ приготовленія жертвы съѣстные припасы,—крупу, соль и т. д.

До закланія приносятъ хвою, часть ея стелется подъ скатерть, часть на мѣсто закланія подъ жеребенка и часть для обливанія водой чрезъ нее животнаго. Жеребенка окачиваютъ водой трижды. Переднія ноги опутываютъ путами, а заднія связываютъ веревками, на голову надѣвается недоуздокъ. Затѣмъ жеребенка закалаютъ. Жрецъ или вэсясь начинаетъ молить сперва свои хлѣбы, пиво и кумышку и послѣ каждаго моленія часть моленнаго бросается въ огонь. Послѣ этого кумышку изъ бутылокъ принятыхъ отъ людей отливаютъ въ одну чарку, также и пиво, потомъ снова начинаютъ молить ихъ хлѣбы, кумышку и пиво, часть также ихъ бросаютъ въ огонь. Кровь льютъ въ котелъ. Поваръ готовитъ въ томъ котлѣ бульонъ, часть котораго берется въ чашку, куда крошатъ мясо для моленія: часть бульона и мяса бросается въ огонь, затѣмъ поваръ готовитъ изъ оставшагося бульона кашу, которая опять молится и часть ея опять спускается въ огонь. Между моленіемъ хлѣбовъ, какъ сказано было выше, два немоленныхъ хлѣба поднимаютъ на полку, въ передній уголъ устланный хвоей, в о р ш у д у отъ имени мужчинъ и женщинъ. Эти хлѣбы отъ хранителя, или утися, или же жреца (его жена преимущественно предъ другими отличается чистоплотностью). По окончаніи моленія хлѣбовъ эти два хлѣба съ мясомъ снимаютъ съ воршуда и молятъ, часть ихъ бросается въ огонь, затѣмъ каждый старается принять часть моленныхъ хлѣбовъ, пива и кумышки, какъ сказано выше. Ѣсть же надлежащимъ образомъ кашу ходятъ въ избу жреца, тутъ же пьютъ кумышку, пиво. Послѣ ѣды и питья командируются проводить кости на лошадяхъ съ колколами и пѣснями; для этого кости и хвоя кладется въ лукошко и отвозятся въ поле подъ ель, тутъ же оставляются лукошки и узды. Тутъ напиваются до пьяна, и пріѣздѣ же опять начинаютъ пировать.

Дополненіемъ или заключеніемъ этого моленія служитъ моленіе гуся, если не успѣютъ его молить въ тотъ же годъ, на другой уже годъ молятъ двухъ гусей. Образъ моленія такой же. Моленіе это называется узда или по вотяцки с е р м е т ъ. Не всякое моленіе труебуетъ узду. Узда должна быть при всѣхъ тѣхъ моленіяхъ, когда приносится въ жертву кѣмъ нибудь лошадь. Какъ лошадь, такъ и гусь, у вотяковъ замѣняютъ цѣну человѣка, потому они одна отъ другой не отдѣляются при жертвоприношеніяхъ, какъ узда есть принадлежность лошади.

М о л е н і е т е л е н к а. При этомъ моленіи нѣтъ ничего особеннаго. Образъ моленія такой же. Только къ этому моленію присоединяется жеребячье мясо, чтобы какъ теленокъ такъ и жеребенокъ дошли до Бога совмѣстно. Въ этомъ случаѣ узда не полагается. Хлѣбы на полу воршуду не полагаются.

11. Моленія родовыя случайныя.

Моленія случайныя, какъ выше было сказано, бываютъ по особенному какому нибудь случаю, напр. въ родѣ, когда требуется перемѣнить шалашъ, или мѣсто для шалаша назначить другое болѣе удобное или счастливое мѣсто. Несчастливымъ мѣстомъ шалаша называется тогда, когда въ родѣ преобладаетъ какой нибудь недостатокъ, напр. болѣзни. Въ такомъ случаѣ родъ командируетъ пословъ къ ворожцу, чтобы привезти его для опредѣленія мѣста для шалаша.

12. Моленія посемейныя постоянныя.

Молеиіе въ куалѣ. Обязательныя моленія бываютъ только въ началѣ каждаго праздника. Праздниковъ такихъ у вотяковъ много. Такъ наприм., а) весною повсемѣстно празднуется Пасха.

Примѣчаніе: Послѣ Пасхи въ честь лужка у вотяковъ бываетъ еще жертвоприношеніе, такъ называемый «гуждоръ джукъ», каша въ честь лужайки. Это тоже, что и общественное моленіе на полѣ, о которомъ было уже сказано выше на своемъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гуждоръ джукъ не существуетъ, но за то существуетъ «съизѣнъ» (съизѣн вильдосъ), т. е. обѣщаніе, замѣняющее оное.

б) Лѣтомъ Петровъ день тоже должно быть празднуется вездѣ, потому что вотяки подъ словомъ *гужемъ йуон*, т.е. лѣтній праздникъ, вездѣ подразумѣваютъ, кажется, Петровъ день. Послѣ чего бываетъ моленіе въ лудѣ, передъ сѣнокосомъ, о чемъ было изложено на своемъ мѣстѣ. Троица тоже празднуется въ честь лѣсовъ, ибо послѣ нея начинаютъ снимать лубья. Вообще вотяки за работу любятъ взяться послѣ праздника.

б) Осенью въ иномъ мѣстѣ Михайловъ день, въ иномъ Покровъ, смотря потому, гдѣ какъ установлено обществомъ.

г) Зимою Крещеніе или Рождество или же новый годъ и затѣмъ масляница, повсемѣстно и обязательно. Тутъ уже отразилось вліяніе христіанства на вотяковъ.

Подготовительныя дѣйствія. Передъ каждымъ праздникомъ, который они проводятъ въ пьянствѣ и необузданномъ развратѣ, каждый вотякъ молится въ своемъ шалашѣ. До наступленія самаго праздника, предварительно запасаются всѣми потребными къ празднику предметами— мукой, мясомъ, масломъ, пивомъ и кумышкой, а наканунѣ праздника моются въ банѣ, какъ и всегда дѣлается предъ моленіемъ. Въ самый праздникъ утромъ домохозяинъ идетъ въ ближайшій лѣсъ за хвоей, а лѣтомъ за вѣтвями лиственнаго лѣса. Принесши тѣ или другія, кладетъ въ шалашѣ на покрытый бѣлою скатертью столъ, за столъ на нару кладетъ подушку, вѣшаетъ

на стѣнку полотенце. Жена тѣмъ временемъ печетъ хлѣбы и варитъ кашу съ мясомъ, лѣтомъ въ шалашѣ, зимою въ избѣ. Въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ самъ разводитъ въ шалашѣ огонь для моленія, такъ какъ часть молимаго должна сжигаться въ шалашѣ. Когда все готово въ шалашѣ, жена въ избѣ на столъ стелетъ чистую скатерть, и на столъ кладетъ все потребное для моленія, какъ то: 4 хлѣба, на верху которыхъ должно быть мясо и масло, бутылку кумышки, называемую *шир ыл*, и пиво въ деревянной посудинѣ, называемой *сарба*, по-русски буракъ или туесъ. Когда все это готово, мужъ садится и затѣмъ, вставъ съ мѣста, безъ шапки дѣлаетъ къ югу поясной поклонъ и беретъ 4 хлѣба. Если у него есть сынъ, то изъ нихъ даетъ ему одинъ или два хлѣба, чтобы онъ помогъ ему нести въ шалашъ. Жена изъ рукъ мужа беретъ кумышку и пиво; если есть дочь, то ей даетъ пиво или кумышку, и такимъ образомъ отправляются въ шалашъ: впереди хозяинъ съ сыномъ или сыновьями, потомъ жена его съ дочерью или дочерьми. Въ шалашѣ хозяинъ сперва самъ кладетъ на столъ изъ своихъ рукъ, потомъ беретъ отъ сына, кладетъ также на столъ, а потомъ беретъ отъ жены и отъ дочери и также кладетъ на столъ. Послѣ этого хозяинъ начинаетъ наливать въ двѣ маленькія деревянныя чашки кумышку и пиво. Беретъ обѣими руками два хлѣба другъ на другѣ, на хлѣбахъ яичницу и на яичницѣ мясо. Нужно замѣтить, что при этомъ во все время молитвы шапка не снимается съ головы, хотя въ шалашахъ у многихъ вотяковъ имѣются въ переднемъ углу иконы, снимается же шапка обыкновенно при поясныхъ поклонахъ, при этомъ предметъ моленія находится въ лѣвой рукѣ; здѣсь поклоны полагаются лишь въ видѣ киванья головой, но отнюдь не съ крестнымъ знаменіемъ.

Послѣ моленія 2 хлѣба кладутся въ воршудъ, изъ остальныхъ двухъ хлѣбовъ съ масломъ сверху одинъ не молятъ до другого дня и болѣе вмѣстѣ со скатертью, второй же съ масломъ молятъ. Послѣ молитвы изъ воршуда берутъ два хлѣба и молятъ снова и кладутъ часть въ огонь. Потомъ молятъ кумышку, пиво. Части хлѣба раздаются изъ-за печки женщинамъ. Потомъ хозяинъ беретъ все и идутъ во дворъ изъ *куалы*, здѣсь поминаетъ бога *Луда* и *акташ*. Дѣлаетъ поклоны богу на югъ-востокъ, луду на сѣверо-западъ, акташу на сѣверъ.

Части раздаются для вкушенія тутъ же и опять возвращаются въ куалу. Во дворъ выходятъ мужъ и жена. Въ то время, когда молятъ пиво, кумышку держитъ жена, а когда молятъ кумышку, то пиво держитъ опять жена. Также и въ куалѣ, когда хозяинъ молитъ хлѣбы, пиво и кумышку держитъ кто либо изъ семейныхъ, когда молитъ пиво, то хлѣбы и кумышку держатъ семейные и наоборотъ, когда кумышку, то пиво и хлѣбы держитъ кто нибудь изъ семенныхъ. Такимъ образомъ, когда все бываетъ уже молено, части сожигаются въ огнѣ и по части моленнаго дается для вкушенія каждому.

Предъ уходомъ изъ куалы мужъ дѣлаетъ поясной поклонъ, снимая при этомъ шапку, тоже дѣлаютъ и семейные. Чашка, ложка и все прочее,

все что только употребляется при моленіи, считается священнымъ и неприкосновеннымъ для прочихъ лицъ и на другой предметъ никогда не употребляется; тоже скатерть и полотенце (только не подушка). *Лые* (хвоя) остается до другого праздника, когда сожигается на огнѣ и замѣняется свѣжимъ, который опять остается до другого праздника, и также впослѣдствіи сжигается. Два хлѣба, воршуду данные, означаютъ мужа и жену, поэтому ихъ чужимъ никому не даютъ: женинъ хлѣбъ (внизу лежащій) она одна только и ѣстъ, а мужъ—свой, ихъ не ѣдятъ даже дѣти. Ѣсть эти хлѣбы долженъ каждый самъ, потому что иначе, если въ случаѣ болѣзни придется идти къ ворожцу, то не откроется свыше причина болѣзни.

Если же молится въ куалѣ вдовый человѣкъ, то онъ, какъ не имѣющій пары, молится съ однимъ хлѣбомъ. [1]).

При моленіяхъ въ куалѣ, какъ и при другихъ моленіяхъ, мужчины стоятъ на лѣвой сторонѣ, а женщины на правой; ихъ отдѣляетъ мѣсто котла, замѣняющее печь, гдѣ варятъ пищу.

Моленіе въ куалѣ можетъ быть по мѣстности въ различное время.

Праздники у вотяковъ хотя и совпадаютъ съ русскими христіанскими праздниками, но все же независимо отъ нихъ. У нихъ собственно были и есть свои праздники, напр.: *тулые геры* (геры шыд, гуждор джукъ), *гужем юон, сыныхъ юон*. Но все же стараются, чтобы они совпадали съ русскими христіанскими праздниками. Такъ, напр., въ с. Юскинскомъ таковыхъ праздниковъ 7: въ Пасху, въ Троицу, въ Петровъ день, въ Покровъ, въ Екатерининъ день, въ Крещеніе, въ масляницу.

Воршудъ или *вожшудъ*, богъ счастья, которому посвящается жертвенный хлѣбъ, обитаетъ въ куалѣ (шалашѣ) каждаго домохозяина-вотяка. Здѣсь его мѣстомъ считается лѣвый уголъ съ южной стороны на полицѣ; для этого и дѣлается мѣсто изъ досокъ въ видѣ скамейки. [2]). Самое поднятіе хлѣба называется: «*выло мынон*». Само собой разумѣется, мѣсто воршуда должно быть мѣстомъ чтимымъ. Воршудъ есть покровитель каждаго семейства. Онъ вотяками представляется отдѣльнымъ для каждаго домохозяина. Вожшудъ имѣетъ кромѣ общаго имени нарицательное,—по имени родоначальницы семейства по мужской линіи. Вотякъ ни за какія блага не согласится лишиться покровительства своего воршуда, пока онъ не познаетъ суету язычества, въ противномъ случаѣ это значило бы лишиться земного счастья. Это выражается слѣдующимъ образомъ. Сынъ или братъ, жившій съ малолѣтства вмѣстѣ съ отцемъ или братомъ въ одномъ домѣ, когда расходится съ нимъ, старается уйти съ его благословеніемъ. Варятъ предварительно пиво, кумышку и пекутъ хлѣбы и мужъ съ женой и, если есть, съ дочерью, омывшись въ банѣ и одѣвшись въ чистое праздничное одѣяніе, подъ вечеръ съ кумышкой въ бутылкахъ, пивомъ и хлѣбомъ, завернутымъ въ узлѣ, идутъ въ родитель-

---

[1]) Впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ кладется одинъ хлѣбъ всегда.

[2]) а въ иныхъ мѣстахъ дѣлается изъ лубковъ.

скій или прародительскій домъ, кладутъ хлѣбъ и кумышку на столъ. Потомъ изъ избы выходятъ въ шалашъ. Тамъ въ рукахъ отдѣлившагося долженъ быть бѣлый и чистый кусокъ холста. На этотъ холстъ хозяинъ, оставшійся въ старомъ домѣ, со словами «даю воршудъ», три раза кладетъ щепоткой золы изъ шалаша и затѣмъ этотъ холстъ съ золой кладетъ на столъ, накрытый скатертью, при чемъ подъ скатертью должны быть хвоя или березовые листья, если дѣло происходитъ лѣтомъ. Хозяинъ шалаша долженъ молить хлѣбъ и кумышку, такимъ же порядкомъ, какъ это бываетъ при моленіи въ шалашѣ. Часть же моленнаго должна куриться, равно раздаваться всѣмъ мужчинамъ и женщинамъ. Точно такимъ же образомъ долженъ поступать и отдѣлившійся. Послѣ того послѣдній долженъ говорить: пойдемъ, воршуд мой, на новое мѣсто,—своего воршуда уношу, отцова оставляю. Потомъ садятся и пьютъ кумышку, при этомъ поютъ духовную пѣснь воршуду извѣстнымъ напѣвомъ. Послѣ того уже всѣ отправляются съ пѣніемъ въ новый шалашъ отдѣлившагося, при этомъ все принесенное уносятъ изъ шалаша обратно съ собой, а въ новомъ шалашѣ, такъ же какъ и въ старомъ, соблюдая тотъ же порядокъ, сынъ или братъ молитъ такимъ же образомъ. Пиво, хлѣбъ, кумышка, хвоя, скатерть должны быть другіе. Послѣ моленія должно быть куреніе, а холстъ съ золой кладется въ золу, въ горнъ, гдѣ онъ и сгоритъ. Части моленнаго раздаются. Потомъ въ новомъ домѣ пируютъ. Если же раздѣлившійся отошелъ безъ благословенія и общаго согласія, то въ такомъ случаѣ доводится воровать тайно воршуд, соблюдая всѣ извѣстные обряды, только конечно по возможности избѣгая гласности, чтобы не слышно было домохозяину. Изъ этого видно, что воршудъ раздробляется по числу семействъ. Нарицательное имя остается тоже, какое прежде было въ отцовомъ домѣ, напр. въ родѣ чолы-чола. Это нарицательное имя есть не что иное, какъ имя родоначальницы того рода. Слѣдовательно, покровительство вожшуда простирается на весь родъ.

Моленіе лѣтомъ въ Троицу на полосѣ.

Омывшись наканунѣ въ банѣ, перемѣняютъ одежу; на другой день, утромъ, въ самый праздникъ, молятся на озимовомъ ржаномъ полѣ на ближней полосѣ. Для этого жена еще наканунѣ начинаетъ готовить съѣстные припасы, потребные для моленія, какъ то: три яйца, блины (табани), яичницу въ видѣ лепешки, пиво, кумышку и въ самый день кашу. Когда все это готово, жена въ избѣ на столъ стелетъ скатерть чистую и на столъ кладетъ все потребное, въ деревянную тарелку блины, на блины яичницу, въ чашкѣ кашу, бутылку кумышки и сарбу, хлѣбы завязываютъ скатертью въ узелъ, равно и каша завязывается другою скатертью также въ узелъ. Хозяинъ беретъ топоръ, ножикъ и ложку. Когда все приготовлено, хозяинъ садится на мѣсто, встаетъ, дѣлаетъ поклонъ безъ шапки и раздаетъ семейнымъ кому что достанется, и всѣ идутъ на полосу, каждое семейство на свою. Пришедши, стелютъ скатерть на рожь и хозяинъ кладетъ на скатерть все, что взято съ собою, а потомъ тутъ неподалеку роетъ яму (топоромъ) и нали-

ветъ въ маленькую деревянную чашку пива, а въ другую такую же чашку кумышки и начинаетъ молиться, послѣ молитвы частицы пищи кладутся въ яму и онъ раздаетъ по части членамъ семейства; беретъ и отвѣдываетъ самъ. Потомъ жена начинаетъ подчивать своего мужа изъ священныхъ посудъ. Послѣ всего, засыпавъ землею яму, идутъ домой. Яйца кладутся одно въ яму, одно съѣдается всѣми и одно берется домой. Передъ уходомъ домой хозяинъ снова молится и, дѣлая земной поклонъ, снимаетъ шапку. Пришедши домой, молится въ шалашѣ съ хлѣбомъ, кумышкою, пивомъ и кашей, въ особомъ котлѣ сваренной. Порядокъ моленія въ шалашѣ извѣстенъ (см. моленіе въ куалѣ).

Примѣчаніе: Въ Троицу употребляются ивовыя вѣтви при моленіи, въ Петровъ день березовыя, осенью хвоя, въ Покровъ—осока. Впрочемъ это дѣлается по мѣстному обычаю.

Моленіе на гумнѣ у кладей

Послѣ свозки ржи и послѣ свозки овса, каждый домохозяинъ старается заблаговременно къ назначенному имъ дню приготовить овсяную муки. Для этого хозяйка сушитъ извѣстное количество овса и отправляетъ хозяина своего на мельницу. Хозяинъ же въ свою очередь представляетъ хозяйкѣ овсяную муку. Изъ этой муки хозяйка должна испечь блины (*табани*). Предварительно наканунѣ дня, назначеннаго для совершенія молитвеннаго обряда, обычно воскреснаго или праздничнаго, какъ болѣе свободнаго и подходящаго, моются въ банѣ, перемѣняютъ бѣлье, равно и обувь, вообще одѣваются по возможности чище. Въ такомъ видѣ хозяйка заводитъ квашню. Въ самый же праздничный день хозяйка встаетъ пораньше, топитъ печку и въ свое время, именно въ восходъ солнца, начинаетъ печь блины. На столъ стелетъ скатерку, а на скатерку на деревянной тарелкѣ складываетъ лепешки, старшій же въ семействѣ, благословясь и говоря по вотяцки «Остэ», завертываетъ тарелку въ заранѣе приготовленную бѣлую скатерть, и идетъ на гумно къ кладямъ. Здѣсь развязываетъ узелъ, стелетъ скатерть беретъ тарелку съ блинами и начинаетъ молитвословить лицомъ къ югу, какъ и всегда. Послѣ молитвы, пришедши домой, частицы бросаетъ въ печь и начинаетъ отвѣдывать, говоря «Остэ», т. е. «Господи благослови», и ѣстъ; садятся за столъ и другіе.

Моленіе на полосѣ осенью. Это осеннее моленіе совершается на озимовомъ полѣ. Тогда каждый домохозяинъ старается на своей полосѣ принести жертву. Въ жертву должно принести быка, или телку, или утку, или овечку, или барана, вообще у кого что есть, или что кто выберетъ. Изъ жертвенныхъ животныхъ дозволяются только чернаго цвѣта и безъ роговъ, ибо жертва приносится ангелу земли, *мукылчино*, а ангелъ земли по мнѣнію вотяковъ долженъ быть черный, оттого и жертва должна состоять изъ жертвеннаго животнаго чернаго цвѣта. Предъ наступленіемъ времени жертвоприношенія каждый домохозяинъ рѣшаетъ время и день жертвоприношенія и къ этому дню долженъ готовиться. Это дѣлается не

вязъ всей деревней, а кто когда надумаетъ. Заблаговременно запасаются къ тому времени крупой, мукой, пивомъ и кумышкой, пекутъ хлѣбы на рѣчной водѣ и яичницу. Послѣ того хозяинъ завязываетъ ихъ въ скатерть, беретъ также двѣ маленькія деревянныя чашки для пива и кумышки. Остальные же предметы, какъ то: соль, пиво, кумышку, ножикъ, жертвенное животное, топоръ и сырыя хвойныя сучья берутъ семейные. Самъ же хозяинъ несетъ одинъ узелъ, въ крайнемъ случаѣ, если семейство состоитъ изъ мужа и жены, помогаетъ женѣ самъ. Такимъ образомъ благословясь выходятъ изъ избы и идутъ на назначенную полосу, каждый домохозяинъ на свою полосу. Пришедши на полосу на избранномъ мѣстѣ, хозяинъ дома роетъ топоромъ маленькую яму и стелетъ въ нее сучья съ хвоями, далѣе неподалеку отъ ямы взамѣнъ стола кладетъ на землю опять сучья съ хвоями, развязываетъ скатерть и стелетъ на хвои, снимаетъ потомъ шапку съ головы, наливаетъ пиво и кумышку въ маленькія чашки, даетъ женѣ пиво, сыну или дочери кумышку, остальные съ пустыми руками. Если же семейство состоитъ изъ мужа и жены, тогда женѣ въ правую руку даетъ пиво, а въ лѣвую кумышку, самъ послѣ тогоберетъ хлѣбъ и на хлѣбѣ яичницу, держитъ обѣими руками и, обратившись лицемъ къ югу, начинаетъ молиться, во время молитвы дѣлаетъ нѣсколько поклоновъ поясныхъ; также поступаютъ жена и дѣти. Хозяинъ молитву произноситъ вслухъ, остальные въ глубокомъ молчаніи. Послѣ окончанія молитвы, хозяинъ передаетъ свой хлѣбъ тому изъ членовъ семейства, кто держалъ пиво, а пиво беретъ къ себѣ въ руки и опять начинаетъ молиться такъ же, какъ онъ поступилъ съ хлѣбомъ, потомъ даетъ пиво тому, кто держалъ кумышку, а кумышку беретъ себѣ въ руки и снова начинаетъ молиться такимъ же образомъ. По окончаніи моленія ставитъ свою кумышку на скатерть, беретъ пиво и хлѣбъ изъ рукъ державшихъ и также кладетъ на скатерть. Потомъ отрѣзываетъ часть хлѣба и кладетъ въ вышеупомянутую яму, также кладетъ часть яичницы, льетъ часть пива и кумышки, говоря въ каждомъ случаѣ «Остэ». Все это дѣлается на колѣняхъ. Потомъ самъ отвѣдываетъ часть хлѣба, яичницы, пива и кумышки, и даетъ семейнымъ по старшинству. Все это принимается какъ священное со словомъ: «Остэ»! Далѣе хозяинъ окатываетъ холодной водой изъ ковша жертвенное животное до трехъ разъ для того, чтобы этимъ выразить ангелу земли чистоту животнаго, дабы онъ принялъ жертву ихъ. При этомъ нѣкоторые вотяки наблюдаютъ, встрепенулось ли животное или встряхнулось ли по крайней мѣрѣ хоть одинъ разъ: это для нихъ служитъ признакомъ благоволенія божія къ молящимся и доказательствомъ, что жертвенное животное пріятно богу и жертва угодна ему. Затѣмъ хозяинъ начинаетъ связывать жертвенному животному переднія ноги, потомъ заднія и сваливаетъ на землю. На землѣ подъ рогатымъ животнымъ обязательно должна быть хвоя, подъ уткой же этого не бываетъ, и ногъ ея не связываютъ, а кладутъ два крыла подъ ноги и колютъ ножемъ; кровь же всякаго жертвеннаго животнаго берутъ въ чашку. Далѣе хозяинъ снимаетъ кожу, вынимаетъ внутренности, отрѣзы-

вдетъ голову, ноги; жена начинаетъ промывать кишки и на разведенномъ мужемъ огнѣ начинаетъ палить голову и ноги. Въ кишки кладутъ кровь смѣшанную съ крупой, а концы кишекъ завязываютъ ниткой, варятъ и получается видъ колбасы, называемой вотяками *вир тырем*. 4 ноги, кишки, голова, ребра съ правой стороны, 4 бедра безъ мяса, грудь, сердце, печень, легкія кладутся въ котелъ, висящій на трехъ сверху связанныхъ веревками, снизу развѣтленныхъ, жердяхъ. Когда все это сварится, часть бульона наливаютъ въ чашку и начинаютъ молиться, хозяинъ безъ шапки, а послѣ моленія ложки три бульона льетъ въ яму на колѣняхъ, послѣ сего каждый начинаетъ отвѣдывать. Далѣе хозяинъ беретъ голову на особой деревянной тарелкѣ и начинаетъ также молиться и опять послѣ моленія часть мяса отъ головы кладетъ въ яму, это называется по вотяцки *тыли*, значитъ куреніе, и опять самъ отвѣдываетъ и даетъ прочимъ. Этотъ бульонъ и голова моленные больше въ котелъ не кладутся. Потомъ вынимаются мясо и кости, спускается крупа и такимъ образомъ получается каша. Кашу эту, положивши въ особую чашку, опять молятъ и опять ложки три каши кладется хозяиномъ на колѣняхъ въ яму и потомъ каждый отвѣдываетъ. Наѣвшись, хотя не досыта, кладутъ оставшіяся кости опять въ яму, и ее засыпаютъ землей. Оставшіеся мясо, бульонъ и кашу прибираютъ, и съ прочими вещами связываютъ въ скатерть. Потомъ опять молятся на колѣняхъ всѣ и, отступивши на нѣсколько шаговъ назадъ, опять на колѣняхъ молятся и, опять отступивши назадъ, такимъ же образомъ молятся на колѣняхъ, и тѣмъ кончается вся церемонія ихъ. Идя домой, каждый несетъ, что достанется изъ взятыхъ вещей.

13. Моленія посемейныя непостоянныя.

Почему эти моленія называются непостоянными, объ этомъ было сказано при родовыхъ моленіяхъ, почему здѣсь распространяться нѣтъ надобности.

а) Въ стаѣ о стадѣ. Это моленіе совершается весною въ стаѣ о размноженіи скота, причемъ приносится въ жертву пара щукъ: подобно тому, какъ много рыбъ въ водѣ, такъ чтобы и численность скота увеличивалась. Въ стаѣ стелется скатерть, на которую полагается на тарелкѣ хлѣбъ, соль, масло; по возношеніи ихъ и молитвѣ часть ихъ сжигается на огнѣ, затѣмъ чистятъ рыбу и варятъ уху, съ которой снова идутъ въ стаю и также молятъ,—первоначально уху, затѣмъ рыбу, и часть ухи и рыбы опять сжигается въ огнѣ. Потомъ, возвратившись въ избу, садятся за столъ и по вкушеніи кости сжигаются опять въ стаѣ.

б) О стадѣ умершимъ (моленіе) изъ домашнихъ птицъ. Чтобы умершіе охраняли весной выпущенную на волю скотину, чтобы ихъ содѣйствіемъ скотъ не утонулъ въ рѣкѣ, не завязъ въ тинѣ,

въ болотѣ, въ грязи, чтобы хищные звѣри не похищали, чтобы осенью ихъ принять въ цѣлости и благополучіи,—дѣлаютъ *виро* (вир-кровь), т. е. дѣлаютъ кровопролитіе, колютъ гдѣ нибудь во дворѣ курицу [1]). Въ куриный бульонъ крошатъ катышки изъ ржаного тѣста (какъ бы клецки).

При рѣзаніи курицы, хозяинъ, снявъ шапку, говоритъ: «жертвую кровопролитіемъ курицы, клянусь и обѣщаюсь осенью изъ выпущенныхъ весной животныхъ, соблюденныхъ и сохраненныхъ вами, заколоть въ честь вашу». Когда все будетъ приготовлено, вечеромъ семьянинъ готовитъ свѣчи восковыя своей работы, а если есть возможность, покупаетъ изъ церкви. Вноситъ въ избу небольшое корыто, кладетъ у дверей на приступкѣ у печки, надъ нимъ зажигаетъ свѣчи, жена между тѣмъ собираетъ на столъ. Затѣмъ хозяинъ и его жена накидываютъ на себя верхнюю одежду, берутъ по ложкѣ бульону и льютъ по немногу въ корыто, перебирая имена умершихъ родственниковъ, чтобы не сердились на нихъ, не отказались отъ соблюденія животныхъ, но приняли ихъ дары и ѣли все имъ подносимое. Затѣмъ кладетъ изъ ложки же и салму (клецки). При этомъ мужчинѣ необходимо быть въ шапкѣ и поминать покойниковъ. Какъ мужчины такъ и женщины не въ правѣ поминать умершихъ, пока родители живы.

Въ то время, когда крошатъ въ корыто, никто не долженъ входить и выходить. Изъ корыта отдается все собакамъ. При этомъ наблюдается, мирно ли ѣдятъ собаки, не грызутся ли; если грызутся, значитъ и умершіе родственники живутъ не въ согласіи.

О стадѣ умершимъ (моленіе) изъ домашнихъ животныхъ. Согласно вышеозначенному своему обѣщанію, въ благодарность за храненіе и соблюденіе стада, осенью умершимъ обыкновенно закалаютъ въ жертву барана. На этотъ разъ цвѣтъ шерсти не разбирается. Хозяинъ дома по соглашенію со своей хозяйкой назначаетъ день. Моленіе происходитъ во дворѣ. Сперва выносятъ столъ, стелютъ на него бѣлую скатерть, выносятъ хлѣбъ, корыто. Хвои не полагаются на этотъ разъ, и барана не омываютъ. Обрядъ закалапія уже извѣстенъ. Кровь закалаемаго животнаго всегда выпускается въ особую чашку и она употребляется въ пищу въ вареномъ видѣ. Предварительно въ корыто крошится часть хлѣба—въ воспоминаніе умершихъ, потомъ по закланіи барана часть крови изъ чашки выливаютъ въ корыто. Изъ нѣкоторыхъ частей варятъ кашу. Какъ часть каши, такъ и мяса опять должна крошиться въ корыто, когда все это сварится, но уже въ избѣ. Все это, что только есть въ корытѣ, дается собакамъ. Испрашивается благоволеніе умершихъ къ живымъ и чтобы они продолжали охранять животныхъ и послѣ.

---

[1]) *Примѣчаніе*: Курицы считаются у вотяковъ какъ бы достояніемъ умершихъ, посему въ частныхъ случаяхъ очень часто приносятся онѣ въ жертву умершимъ, также и яйца ихъ.

Объ озимыхъ умершимъ. Осенью домохозяинъ въ опредѣленный имъ день беретъ пѣтуха или курицу и ножъ и прямо отправляется на свою ближнюю полосу и колетъ тамъ, поминая своихъ умершихъ стариковъ. Потомъ, пришедши домой, сдаетъ женѣ, она варитъ супъ и крошитъ въ него, какъ выше сказано, клецки или салму изъ ржаного тѣста или какъ, говорятъ вотяки, *чумер* или *ычкем*. Часть супа, мяса и салмы также кропятъ въ корыто, причемъ перебираютъ имена умершихъ и просятъ ихъ, чтобы они постарались о лучшемъ всходѣ посѣянной ржи, или озимоваго хлѣба, не предавали червямъ и разнымъ вреднымъ насѣкомымъ и птицамъ. Что въ корытѣ, отдается собакамъ. Кости и перья относятъ на ту полосу, на которой хозяинъ кололъ пѣтуха или курицу.

О стадѣ, птицахъ и людяхъ моленіе подводному бѣсу. Въ предостереженіе какъ самихъ себя, такъ животныхъ и птицъ, отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ быть на водѣ,—вотяки у рѣки колютъ утку въ честь подводнаго бѣса и варятъ изъ той утки кашу, а когда все это сварится дома, опять отправляются на то мѣсто, гдѣ кололи утку, съ кашей въ чашкѣ, хлѣбомъ и уткой, завязавъ все это въ скатерть, и тамъ хозяинъ молитъ все это въ шапкѣ и проситъ, чтобы тотъ бѣсъ не вредилъ ни ему, ни семейству его, ни скотинѣ, ни птицамъ его. Части приносимой имъ жертвы бросаются въ воду взамѣнь куренія.

Бѣсу вѣтровъ,—хранителю стаи. Это моленіе бываетъ осенью. Для него требуются сучья хвойныя, на которыхъ колютъ бѣлую утку и дома изъ нея готовятъ кашу. Когда все это поспѣетъ, снова отправляются на то мѣсто, гдѣ кололи утку въ стаѣ, тамъ молятъ кашу и утку и часть ихъ съ частью крови и съ хвоями сжигаютъ. Послѣ, когда дома наѣдятся, часть костей также сжигается. Цѣль моленія—умилостивить бѣса, чтобы онъ не вредилъ стаѣ и надворному строенію, а также животнымъ и птицамъ, занимающимъ пристройки.

Воршуду въ шалашѣ. Воршуду приносится весной пара щукъ (*пиналъ чорыт*). Когда рыба готова, въ шалашѣ на столъ стелютъ скатерть, а подъ скатерть кладутъ сучья хвойнаго дерева, затѣмъ домохозяинъ выходитъ съ хлѣбомъ и рыбами въ особой чашкѣ. Сперва онъ молитъ хлѣбъ и часть его крошитъ и сжигаетъ въ огнѣ, разведенномъ для того заблаговременно, потомъ молитъ щукъ, не сжигая ихъ части, и варитъ изъ нихъ уху. Часть ухи по молитвѣ въ шалашѣ, и послѣ ѣды бросается въ огонь чрезъ сучья и сжигается. Какъ рыбы, такъ и уха и кости рыбъ сжигаются, но уже безъ молитвы. Цѣль моленія этихъ рыбъ—умноженіе въ семействѣ счастья въ дѣтяхъ.

Богу-матери солнца. Богу, матери солнца, молятся всегда на югъ, оборачиваясь къ солнцу. Приносятъ ему бѣлую утку. Прежде чѣмъ колоть ее, окатываютъ водой, льютъ изъ ковша воду раза три, чтобы жертвуемая птица встрепенулась въ знаменіе благоволенія божія. Если утка встрепенет-

ся, хозяинъ съ особеннымъ восторгомъ произноситъ молитвенныя слова: «Остэ!» «или Остое!» «киадкутъ!» Господи! пріими въ руки, или Господи благослови, благоволи принять въ руки. Затѣмъ домохозяинъ передастъ живую утку въ руки жены или, если есть, сыну, а самъ беретъ хлѣбъ въ руки вмѣстѣ съ тарелкой и всѣ выходятъ изъ избы во дворъ и молятся такимъ образомъ на югъ, прося милости, жизни отъ матери солнца, причемъ хозяинъ указываетъ на свою жертву—утку, съ нимъ находящуюся. Затѣмъ снова идутъ въ избу; положивъ хлѣбъ на столъ и взявъ изъ рукъ сына или жены утку, хозяинъ беретъ ножъ и отправляется колоть ее во дворъ, къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно колютъ утку, гдѣ не позволяется ходить, посему оно даже огораживается иногда прясломъ или тыномъ. Изъ утки варятъ кашу; ее и мясо, когда сварится, хозяинъ снова молитъ. По моленіи ихъ, часть каши, мяса и крови сжигается въ огнѣ, при этомъ моленіи хвои не полагается, кости послѣ ѣды снова сжигаются, на томъ же мѣстѣ.

14. Моленія посемейныя случайныя.

О т ъ ч е с о т к и, *лыдонъ потамлы*, вотяки всегда колютъ курицу или пѣтуха. Но однако для этого не держатъ лишняго пѣтуха или лишнюю курицу. Посему, если чесотка появилась зимой или весною, ограничиваются вначалѣ обѣщаніемъ. Обѣщаніе это совершается такъ: жена или мать больного, въ крайнемъ случаѣ, отецъ или мужъ больной, беретъ сырое яйцо и съ нимъ отправляется на рѣку и бросаетъ въ воду говоря: «до осени (т. е. до того времени, когда будетъ много домашнихъ птицъ), подожди!» затѣмъ идетъ домой. А осенью свое обѣщаніе обязанъ исполнить, какъ слѣдуетъ.

О т ъ в о д я н к и и л и о п у х о л и м о л е н і е м ы ж у. Мѣсто моленія отъ этой болѣзни разъ навсегда опредѣляется ворожцемъ и всегда вблизи рѣки, напр. въ селѣ Юскахъ назначено мѣсто рѣки Ижа, по вотяцки мѣсто это называется *очъ-вожо*, мѣсто управленія Ижа. Мыжъ—это нечто иное, какъ олицетворенная болѣзнь, требующая себѣ козла. Болѣзнь эта, т. е. водянка, по вотяцки называется *кечь мыжъ*, козлиная болѣзнь. На опредѣленномъ мѣстѣ козла окатываютъ водой, закалаютъ на хвойныхъ сучьяхъ и варятъ въ котлѣ тутъ же кашу, молятъ часть сварившейся каши и мяса, часть каши и крови сжигается въ огнѣ, а мясо возносится въ *вылэ мычонъ*,—на устроенный изъ сучковъ столъ [1]). Втыкаются въ землю четыре сучка,

[1]) На общественныхъ мольбищахъ изъ сучковъ дѣлается два стола: 1 вылэ мычонъ, замѣняющій по мнѣнію вотяковъ престолъ, 2-й для жрецовъ, замѣняющій жертвенникъ.

на нихъ 4 перекладины. На перекладины кладутся мелкіе сучки. Наконецъ и мясо снимается и часть его также сжигается въ огнѣ. При этой болѣзни до жертвоприношенія козла можно ограничиваться, какъ сказано выше, обѣщаніемъ, которое совершается такъ: нѣсколько разъ берутъ щепотью крупы въ лоскутокъ тряпки и, собравъ въ одно мѣсто, связываютъ ниткой и вѣшаютъ куда нибудь на гвоздь или на лучину до поры до времени, а потомъ избираютъ удобное время и относятъ на то мѣсто, куда обѣщали принести въ жертву. Это по вотяцки называется: *съизёнъ*.

Отъ боли живота, пученія или спазмы вѣтренному или воздушному богу-бѣсу.

При этомъ случаѣ молятъ на дворѣ утку. По вотяцки это называется: *тол-ыл булык перилы*. Изъ утки варятъ кашу, часть каши и мяса молятъ во дворѣ, потомъ часть ихъ и часть крови сжигается въ огнѣ. Послѣ ѣды кости тоже сжигаются.

Отъ оспы богу-матери оспы. Это моленіе по вотяцки называется: *пужы начамумылы*. Для этого требуются сучья съ хвоями, чтобы постлать ихъ подъ приносимую бѣлую утку на томъ мѣстѣ, гдѣ ее будутъ колоть. Прежде чѣмъ колоть, окатываютъ утку водой, потомъ хозяинъ передаетъ утку сыну или женѣ, самъ беретъ хлѣбъ и выходятъ такимъ образомъ во дворъ и тамъ хозяинъ молитъ хлѣбъ, а утку выносятъ какъ бы на показъ. Затѣмъ колютъ утку, варятъ изъ нея кашу, кашу и мясо снова молятъ, части ихъ и крови сжигаются, а послѣ ѣды и кости также сжигаются.

Отъ глазной и зубной боли мыдору отъ молодежи. Названіе *мыдор* или *воршуд* молодежи получило это моленіе потому, что вначалѣ это моленіе выдумано было ребятами. Въ селѣ Юскинскомъ первый разъ совершали его въ шутку маленькія дѣвушки; моленіе это происходило на покосѣ, называемомъ Поска, подъ елью, отъ глазной болѣзни, и самыя дѣвушки были изъ рода Поска. Съ тѣхъ поръ моленіе это принято совершать на томъ мѣстѣ. Моленіе это никогда не совершается въ с. Юскинскомъ безъ человѣка изъ рода Поска, въ противномъ случаѣ моленіе можетъ быть неуслышаннымъ. Подобныя моленія бываютъ и въ прочихъ вотскихъ селахъ, въ данномъ какомъ нибудь мѣстѣ. При немъ приносятъ въ жертву дергача, или коростеля (пиналъ). Дергачей этихъ стараются поймать во время покоса. Въ Юскахъ это вотъ какъ дѣлается: одержимый глазной или зубной болѣзнью, или родитель его отправляется на мѣсто моленія, разводитъ огонь изъ щепокъ; потомъ колетъ на щепкѣ дергача, щепку эту съ кровью бросаетъ въ огонь, затѣмъ чиститъ заколотаго дергача, разрѣзавъ пополамъ и посоливъ его, на вилообразномъ сучкѣ печетъ на огнѣ, а когда испечется, кто нибудь изъ рода Поски молитъ мыдору и часть его бросаетъ въ огонь, потомъ остатки тутъ же съѣдаютъ, кости и перья сжигаются. Въ крайнихъ случаяхъ, когда негдѣ достать дергача, ограничиваются

обѣщаніемъ. Обѣщаніе это состоитъ въ приношеніи на то мѣсто крупы съ обѣщаніемъ дергача.

Въ самомъ большомъ употребленіи отъ главной и зубной болѣзней моленіе глухаря въ старшемъ родовомъ шалашѣ. Для этого глухаря покупаютъ гдѣ нибудь. Въ шалашъ обыкновенно съ этою цѣлію ходятъ женщины. Утись или жрецъ шалаша запасается сучьями хвойнаго дерева, стелетъ скатерть, взявъ отъ принесшаго одинъ хлѣбъ, и молятъ глухаря. Затѣмъ утись съ женой варитъ кашу, и молитъ кашу и мясо, когда сварятся, и части ихъ бросаетъ въ огонь, въ горну, потомъ садятся и ѣдятъ кашу и мясо. Принесшій глухаря оставляетъ себѣ и домашнимъ своимъ только нѣкоторую часть, остальное отдаетъ утисю, жрецу.

Въ крайнихъ случаяхъ ограничиваются обѣщаніемъ, которое дѣлается не крупой, какъ сказано выше, но хлѣбомъ, а самый хлѣбъ для этого приносится въ данный родовой шалашъ жрецу, который и молитъ въ шалашѣ.

Отъ чирьевъ и отъ чесотки молятъ пѣтуха или курицу у какой нибудь сердитой рѣки или ключа. Въ Юскахъ, въ Шамардинскомъ логу, такъ называемый *камджо-шурь* признается очень злымъ, сердитымъ, такъ что, если кто тутъ позволитъ себѣ мочиться, тотъ наказывается страшною опухолью. Это многіе испытали на опытѣ, вотъ почему существуетъ и много мѣстъ моленія. Недавно, въ 1888 году, одна вотячка надумала кроить, т. е. крошить хлѣбъ въ караванскую рѣку предъ куреніемъ кумышки, чтобы кумышка была хорошая. Желаніе ея исполнилось, кумышка оказалась хорошею. Въ тоже время у той рѣчки дѣти ея по неосторожности стали мочиться, послѣ чего на тѣлѣ ихъ показалась сыпь. Съ тѣхъ поръ на этой рѣкѣ крошатъ хлѣбъ и яйца отъ чирьевъ, коросты и пр. Затѣмъ каждая вотячка старается умилостивлять воду или водянаго, когда желаетъ, чтобы кумышка была хороша. Въ Юскахъ на вышеозначенной рѣкѣ молятъ пѣтуха или курицу. Въ этомъ случаѣ кровь не берется, но пускается въ логъ; изъ птицы варятъ кашу, хвои при этомъ не полагаются. Кашу и мясо молятъ. Такъ какъ мѣсто это находится въ родѣ, называемомъ Поска, то и моленіе совершаетъ кто либо изъ рода Поска по просьбѣ приносящаго. Часть каши, мяса и костей сжигается. Вообще, въ какихъ бы то ни было случаяхъ, за указаніемъ мѣста моленія отъ чего бы то нибыло ходятъ къ ворожцу, а ворожецъ при этомъ пользуется платой. Это мѣсто называется въ Юскахъ по вотяцки Поска Юрукъ. Это значитъ, что причиной моленія послужило проклятіе, высказанное вотякомъ—фанатикомъ изъ рода Поски на неуважающихъ эту рѣку. Въ крайнихъ случаяхъ можно ограничиваться обѣщаніемъ, а обѣщаніе совершается приношеніемъ крупы на то мѣсто.

Богу земли за новоселіе въ подполье. Это моленіе бываетъ по переходѣ въ новый домъ, или когда перекатываютъ или перетрясаютъ старый домъ, богу земли, т. е. хранителю земли, *Му кылчиньлы*. Время для постройки домовъ, или перестройки старыхъ домовъ опредѣляется

осенью. Обыкновенно по переходѣ въ новый домъ стараются скорѣе дать обѣщаніе—принести чернаго барана. При этомъ обыкновенно печется хлѣбъ изъ яровой муки и верхъ хлѣба мажутъ масломъ. Хлѣбъ этотъ молитъ самъ домохозяинъ во дворѣ. Когда представится возможность исполнить обѣщаніе, т. е. когда будетъ свой баранъ (купленный не употребляется для этого моленія, дожидаются своего и колютъ его осенью, когда скотина поправится), хозяинъ дома по соглашенію съ женой назначаетъ день моленія. Жена въ тотъ день печетъ хлѣбы изъ яровой муки, при этомъ для закваски хлѣба или растворенія въ квашнѣ вода полагается непремѣнно рѣчная. Къ тому времени запасаются водкой или кумышкой, пивомъ, масломъ, пекутъ лепешку изъ яицъ и т. д. Столъ уноситъ хозяинъ въ подполье, накрываетъ сверху скатертью, затѣмъ уноситъ хлѣбъ, на него посыпаетъ немного соли, приноситъ хвойные сучья, кладетъ ихъ подъ скатерть и также на то мѣсто, гдѣ думаетъ колоть барана, чтобы баранъ не лежалъ на голомъ мѣстѣ. Въ то же время вносится и самый баранъ. Приготовивъ такимъ образомъ все потребное въ подполѣ, хозяинъ начинаетъ молить хлѣбъ, при этомъ говоритъ, что обѣщаніе свое исполняетъ и проситъ принять въ руки и ноги. «*кшадъ пыдадъ кутъ*» какъ говорится по вотяцки. Моленіе заключается крошеніемъ части моленнаго хлѣба въ яму, яма эта дѣлается тутъ же въ землѣ топоромъ. Затѣмъ, положивъ хлѣбъ на столъ, хозяинъ колетъ барана, кровь его спускаетъ въ особую деревянную чашку, изъ которой послѣ взявъ одну столовую ложку, капаетъ въ ту же яму, прося «*му кылчиись*» (принять). Для коленія животныхъ у вотяковъ имѣются особенные ножи, которые при другихъ случаяхъ никогда не употребляются. Изъ крови и кишекъ приготовляется родъ колбасы. Послѣ того баранъ выносится изъ подполья въ избу и хозяинъ снимаетъ шкуру. Изъ праваго плеча, ребра, изъ головы, ногъ, легкихъ и печени приготовляется каша, которая обыкновенно варится въ шалашѣ, въ котлѣ, который виситъ на крючкѣ висячаго шеста, прикрѣпленнаго къ брусу шалаша. (Можно, конечно, и въ избѣ, такъ какъ въ избѣ тоже, какъ и въ шалашѣ, у каждаго вотяка имѣется котелъ). Кашу и мясо хозяинъ снова молитъ въ подполѣ, при этомъ опять полагается молить хлѣбъ, но уже не тотъ, а другой; часть его опять бросается изъ ложки въ ту же яму. Заканчиваютъ тѣмъ, что яму эту заваливаютъ сверху землей. Послѣ каждаго крошенія, когда бы то ни было, въ яму ли или огонь, всегда хозяинъ спѣшитъ хлебнуть ложку или двѣ, какъ бы для освященія себя моленнымъ, также даетъ и семейнымъ своимъ. Изъ моленнаго чужимъ ничего не полагается давать, иначе домъ лишится благословенія и счастья. Кромѣ того въ этотъ день изъ дома и въ долгъ ничего не полагается давать никому, если только проситель не оставитъ что либо въ закладъ изъ своихъ вещей. Подобный же обычай существуетъ у вотяковъ при рожденіи жеребенка, ягненка, теленка и пр. Это подпольное моленіе у вотяковъ называется: «*нулбече вандонъ*».

Богу земля за новоселіе во дворѣ. Моленіе это соверша-

ется за землю, занятую дворомъ, а вышесказанное моленіе приносилось собственно за землю, занятую домомъ, посему эти два моленія не должно смѣшивать. Вѣроятно, въ основаніи этого различенія лежитъ мысль, что и землею обладаетъ не одинъ богъ, что и земля раздѣлена между многими богами, зависящими отъ единаго старшаго бога земли. До моленія ограничиваются обѣщаніемъ богу чернаго быка, а обѣщаніе это заключается въ моленіи хлѣба во дворѣ Въ самый же день моленія должны быть испечены хлѣбы изъ яровой муки; для моленія въ этомъ случаѣ потребно три хлѣба, яичница въ видѣ лепешки, немного масла, соли и, если можно, пиво и кумышка. Послѣ моленія хлѣбовъ вмѣстѣ съ яичницей, масломъ и солью, молятъ пиво и кумышку, – все въ три пріема; части ихъ бросаются въ яму, а яма эта копается топоромъ во дворѣ, на такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не ходитъ, чтобы оно не было попираемо ногами. Затѣмъ приводится черный быкъ, котораго окатываютъ трижды холодной водой и затѣмъ стелютъ хвойные сучья на то мѣсто, гдѣ предполагаютъ колоть быка. Затѣмъ надѣваютъ путы (путало) на переднія ноги, а заднія связываютъ веревками и такимъ образомъ быка роняютъ и закалаютъ на томъ мѣстѣ. Кровь собирается въ чашку, изъ которой часть берется хлебальной ложкой и льется въ яму. На дно въ эту яму предварительно кладутъ хвои деревьевъ. Затѣмъ снимается съ быка кожа и нѣкоторыя части, какъ то: ноги, голова, печень, легкія и правый бокъ варятся; изъ бульона готовится каша. Часть каши кладется въ чашку, равнымъ образомъ и мясо, потомъ берется одинъ хлѣбъ, приготовленный для моленія, кладется также въ чашку и начинается его моленіе. потомъ часть каши и мяса полагается въ яму. Затѣмъ хозяинъ, отвѣдавъ часть ихъ, даетъ и другимъ, потомъ отправляются домой. Объѣдки полагаютъ въ яму и закапываютъ ее землей.

Ангелу хранителю или Богу Творцу за новорожденнаго младенца. Въ этомъ случаѣ приносится баранъ. Цвѣтъ шерсти его долженъ быть бѣлый, или по крайней мѣрѣ должно быть сколько нибудь бѣлыхъ пятенъ. Въ самый день рожденія обыкновенно бываетъ каша, моленіемъ которой во дворѣ совершается обрядъ обѣщанія ангелу-хранителю или Богу Творцу. Кашу эту, съ масломъ, можетъ ѣсть каждый, но безъ денегъ вкушать не полагается, иначе будетъ для хозяина безчестіе, признакъ недоброжелательства. При этомъ у хозяина обязательно должна быть кумышка или водка для угощенія гостей. Обѣщанный баранъ ангелу-хранителю приносится въ жертву при первой же возможности. Прежде чѣмъ заколоть барана, запасаются хвойными сучьями, выносятъ столъ во дворъ, одинъ каравай хлѣба, кумышку, пиво и масло. Подъ скатерть на столъ полагаются сучья съ хвоями. Затѣмъ, когда все готово, зовутъ крестнаго отца и крестную мать (кума и куму) въ гости. Хлѣбъ съ масломъ хозяинъ молитъ и проситъ счастья новорожденному, часть хлѣба крошатъ въ приготовленную заблаговременно яму. Хозяинъ, закусивъ часть моленнаго хлѣба, предлагаетъ домашнимъ и званнымъ гостямъ. Самъ тѣмъ временемъ, ока-

тивъ трижды барана холодной водой, сваливаетъ на хвои и колетъ; при этомъ помогаетъ ему жена его; она же беретъ кровь въ посуду; часть крови также полагается ложкой въ яму. Снявъ кожу, хозяинъ раздробляетъ барана на части, при этомъ правый бокъ, ноги, голова, печень и легкія назначаются на варево, изъ котораго варятъ кашу. Каша, мясо, хлѣбъ также и кумышка должны быть молимы и часть ихъ полагаемы въ яму, взамѣнъ сжиганія огнемъ, послѣ чего яма засыпается землей. Кости и хвою послѣ ѣды, собравъ въ лукошко, увозятъ на телѣгѣ, или, если зимою, на саняхъ, въ поле и бросаютъ у прясла, съ восклицаніемъ «Остэ!», при этомъ берутъ съ собой вино, или кумышку, которая выпивается на мѣстѣ.

15. Брачныя моленія.

Вотяки избѣгаютъ всячески бездѣтства, посему стараются преимущественно брать снохъ изъ беременныхъ дѣвушекъ, что служитъ доказательствомъ способности къ чадородію. Блудная жизнь дочерей не унижаетъ родителей, напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, родители еще гордятся тѣмъ, что молодые парни начинаютъ любить и дарить ихъ дочь. Отступленіе отъ чистоты нравственности христіанской у вотяковъ повсюду развито, потому и случаевъ незаконнорожденности у вотяковъ не мало. Униженіемъ для вотяка служитъ, когда пренебрегаютъ его дѣтьми.

Бракъ, законный ли онъ или незаконный— для вотяковъ все равно—налагаетъ на семейство множество обязанностей по отношенію къ божествамъ. Бракъ обязываетъ умилостивлять женихового и невѣстинаго боговъ-покровителей. Неисполненіе же брачныхъ моленій навлекаетъ, по ихъ понятію, множество семейныхъ несчастій. Обязанности эти состоятъ въ моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ божествамъ, чтобы такимъ образомъ вымолить счастье новобрачнымъ въ отношеніи семейной жизни, главнымъ же образомъ въ томъ, чтобы боги благословили новобрачныхъ видѣніемъ сыновъ и дочерей. Между враждующими главное проклятіе состоитъ въ томъ, чтобы богъ не давалъ дѣтей, или же чтобы рождались мертвыя. Когда приходится прибѣгнуть къ клятвѣ, особенно оправдываясь отъ обвиненій въ клеветѣ, вотяки и особенно вотячки клянутся именемъ своего ребенка, существующаго или же имѣющаго родиться. Клянутся такъ: если я говорю ложь, то пусть дитя, которое имѣетъ родиться отъ меня, родится мертвымъ[1]). Точно также проклинаютъ другихъ въ ихъ дѣтяхъ. По-вотяцки выражаются такъ: «нылдэ пидэ убиръ сіонъ», т. е. чтобы съѣлъ твоихъ дѣтей діаволъ. Или еще: «нылыд піед той медло», т. е. чтобы дѣти твои рождались мертвыя.

Богу творцу (или свѣтлому бѣлому богу) о дѣтяхъ. Это моленіе, называемое по вотяцки «југытъ тодьы кылчинь Инмарлы азба-

[1]) При клятвѣ иногда ѣдятъ хлѣбъ или просто берутъ хлѣбъ.

ре тӧдьы така ныл-пи шуд-бур курыса», совершается во дворѣ дома. Для этого предварительно за день, или въ тотъ-же день, готовятъ хлѣбы изъ ярѣвой муки, которые обыкновенно мажутся сверху масломъ, лепешки изъ яицъ, масло, соль. Все это вмѣстѣ хозяинъ дома молитъ во дворѣ. Затѣмъ часть припасовъ сжигаетъ въ огнѣ, разведенномъ къ тому времени. Послѣ того *бѣлый баранъ*, назначенный къ закланію, окатывается трижды водой, связывается веревками и закалается, причемъ кровь обязательно берется въ чашку и часть ея (одна хлебальная, т. е. столовая, ложка) сжигается тогда же въ огнѣ. Потомъ снимается кожа; туша рубится на части, и нѣкоторыя изъ нихъ варятся. Когда сварится каша, то кашу вмѣстѣ съ мясомъ снова молятъ и часть ихъ также сожигается въ огнѣ. Прочія части ихъ, какъ освященныя молитвою, даются каждому присутствующему тутъ семьянину. Потомъ идутъ въ избу и садятся за столъ обѣдать. Само собою разумѣется, что рѣзать барана нужно осенью, потому что кормить барана до зимы собственно для жертвоприношенія нѣтъ расчета. Покупать же барана для этой жертвы не рекомендуется. Каша варится въ шалашѣ, если осенью, а если же зимою—въ избѣ; впрочемъ это по усмотрѣнію домохозяина. Ѣсть эту жертву постороннимъ не дозволяется, иначе это значило бы подѣлиться счастьемъ съ чужими, а это не принято у вотяковъ. За неимѣніемъ барана ограничиваются обѣщаніемъ богу молить въ жертву при первой же возможности. Обрядъ же обѣщанія состоитъ въ моленіи въ куалѣ хлѣбовъ съ яичницей, масломъ и солью, причемъ послѣ моленія часть ихъ сжигается также въ куалѣ. Цѣль этого моленія испросить дѣтей у бога.

Моленіе бѣлой овечки въ куалѣ подъ березой въ благодарность богу за ребятъ (кызь-пу улэ ыжъ). Моленіе это собственно посвящается богу-творцу, чтобы онъ дѣтей, которыхъ имѣютъ молодые, избавлялъ отъ болѣзней. Для этого предварительно достаютъ изъ лѣсу хвои деревъ и срубаютъ верхушку березы, которую въ куалѣ ставятъ въ передній уголъ на нарѣ, а хвои кладутся на столъ подъ скатерть и подъ голову овечки при ея закланіи. При этомъ моленіи нужны четыре хлѣба, яичная лепешка и соль. Столъ, какъ въ куалѣ, такъ и въ избѣ, накрывается скатертью. Предъ березой же кладется сюлыкъ, головной уборъ, или покрывало жены, а подъ сюлыкъ кладутся сучья хвойнаго дерева; требуется и кумышка (двѣ бутылки). Къ моленію домохозяинъ приглашаетъ своего любимаго родственника вмѣстѣ съ женой. Два хлѣба возносятся въ куалѣ воршуду и два для моленія отъ имени мужа и жены, но часто ограничиваются моленіемъ одного хлѣба, а сжигаются части отъ двухъ. Хлѣбы съ яичницей, масломъ и солью домохозяинъ молитъ заразъ, а часть кумышки изъ двухъ бутылокъ, посвященныхъ молодымъ—мужу и женѣ, вливается въ маленькую деревянную чашку, которую во время моленія хлѣба держитъ приглашенный мужчина-родственникъ. Часть же ихъ сжигается въ огнѣ. Затѣмъ по обычаю закалается овечка. Часть крови также сжигается. Кожа должна быть предъ березой. Внутренности, ноги, голова варятся и когда сварится

каша, то часть каши и мяса снова молятъ, часть мяса кладется предъ березой, части мяса и каши опять сжигаются въ огнѣ. При этомъ моленіи предъ березой полагается въ маленькой деревянной чашечкѣ толокнянная мука. Затѣмъ уходятъ въ избу и садятся ѣсть. Чужимъ не позволяется ѣсть. При моленіяхъ произносятся имена дѣтей. Вотяки воображаютъ, что творецъ-богъ играетъ на березѣ. Послѣ же всего кости съѣденныхъ частицъ жертвеннаго животнаго собираются и кладутся въ лукошко и увозятся на извѣстное мѣсто (зимою съ колоколами) и тамъ бросаются подъ березу всѣ кости и самое лукошко. При этомъ участвуютъ и мужчины и женщины, пируютъ и поютъ пѣсни, потомъ ѣдутъ домой съ пѣснями.

Моленіе въ куалѣ саврасаго жеребчика за брачный союзъ. По-вотяцки моленіе это называется: «куала курбон уж чуни вачеяськем понна», т. е. жертва въ куалѣ жеребенка за брачный союзъ. Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, вначалѣ молятъ четыре хлѣба съ яичницей, масломъ и солью и часть сжигается въ огнѣ, а для участія приглашается кто нибудь изъ родственниковъ. Вмѣсто березы въ углу ставится вершина хвойнаго дерева, предъ которой стелется бѣлая скатерть. Столъ въ куалѣ накрывается бѣлою же скатертью. Подъ скатерть кладутся хвои. Затѣмъ закалается жеребенокъ, кожа полагается предъ елкой. Извѣстныя части варятся, бульонъ молятъ въ деревянной чашкѣ и часть сжигается въ огнѣ, потомъ изъ бульона варятъ кашу, которую опять молятъ, при этомъ сжигается въ огнѣ часть мяса и кумышки. Предъ елкой кладутся хлѣбы и мясо. Кумышка должна быть въ двухъ бутылкахъ—одна хозяйская, другая званнаго родственника. Потомъ идутъ въ избу и садятся ѣсть. Кости собираются въ лукошко, которыя такъ же, какъ выше, провожаются на мѣсто назначенія съ колоколами. Тамъ пьютъ кумышку и идутъ домой съ пѣснями, только при этомъ моленіи женщины не участвуютъ. Слѣдствіемъ, или заключеніемъ этого моленія является моленіе гуся, который долженъ принестись въ жертву не теперь, но послѣ, когда нибудь при первой возможности. Этотъ гусь называется серметъ, т. е. спутникъ.

Моленіе въ куалѣ телки и бычка за брачный союзъ. Моленіе это по-вотяцки называется «выл-вось» При немъ избѣгаютъ жертвеннаго животнаго черной шерсти. Если есть налицо телка и бычокъ, то молятъ ихъ заразъ, а если нѣтъ, ограничиваются кѣмъ-нибудь однимъ изъ нихъ или, въ крайнемъ случаѣ, даже обрядомъ обѣщанія. Обрядъ этотъ совершается въ куалѣ домохозяиномъ слѣдующимъ образомъ: мужъ беретъ испеченный на тотъ предметъ яровой хлѣбъ въ деревянной чашкѣ и, завязавъ въ скатерть, отправляется въ куалу. Здѣсь онъ молится, обѣщая богу принести въ жертву телку и быка при первой же возможности. Часть моленнаго хлѣба кладется предъ моленіемъ въ яму въ куалѣ и засыпается землей; это—вамѣнъ куренія, или сжиганія въ огнѣ. Самое же моленіе телки и бычка совершается слѣдующимъ образомъ. Жена въ назначенный день печетъ ярушники и яичницу, хозяинъ приноситъ въ это время въ шалашъ

верхушку хвойнаго дерева, которую ставитъ въ передній уголъ въ куалѣ, а предъ нимъ кладетъ головной уборъ молодушки, называемый по вотяцки *сюлыкъ*, также муки въ маленькой чашкѣ, медовое и толокно, приготовленное особеннымъ образомъ. Столъ въ куалѣ накрывается бѣлою скатертью. Потомъ хозяинъ созываетъ своихъ родственниковъ съ женами. Затѣмъ взявъ одинъ хлѣбъ, на немъ яичницу, а на яичницѣ соль, кладетъ въ деревянную чашку и, завязавъ въ скатерть, отправляется въ куалу, беретъ еще двѣ бутылки кумышки отъ имени мужа и жены, также и пиво въ чемъ нибудь. Все это мужъ (домохозяинъ) молитъ, сначала хлѣбъ съ яичницей, солью и масломъ. А кумышка изъ двухъ бутылокъ льется въ одну маленькую деревянную чашку, также и пиво въ одну маленькую чашку и то и другое молится отдѣльно и часть ихъ сжигаетъ въ огнѣ, разведенномъ хозяйкой или кѣмъ нибудь другимъ. Затѣмъ совершается обрядъ омовенія животнаго и закланіе его. Кожа кладется предъ елкой. Обрядъ же варенія и моленія совершается такъ же, какъ сказано было выше. Извѣстныя внутреннія части варятся, бульонъ также молится и часть его сжигается; потомъ варятъ кашу, которую вмѣстѣ съ мясомъ опять молятъ и часть ихъ опять сжигаютъ. Затѣмъ отправляются въ избу и тамъ ѣдятъ и пьютъ. Кости собираются въ лукошко и провожаются на опредѣленное на такой случай мѣсто, обыкновенно подъ ёлку въ полѣ, на саняхъ съ колоколами; туда бросаютъ и елку. Попировавъ тамъ, ѣдутъ домой съ пѣснями; навстрѣчу выходятъ обыкновенно двѣ женщины и потчуютъ ихъ во дворѣ. При проводахъ костей женщины не участвуютъ.

Примѣчаніе. Если женившійся вдовый, то онъ до соблюденія брачнаго обряда обязанъ выполнить сперва всѣ обычаи, не исполненные за первый бракъ.

Моленіе въ лудѣ жеребенка за брачный союзъ. Значеніи луда, о дѣйствующихъ лицахъ въ лудѣ и также о правахъ ихъ, сказано было уже на мѣстѣ. За неимѣніемъ жертвеннаго животнаго ограничиваются однимъ обѣщаніемъ. Обрядъ обѣщанія совершается извѣстнымъ порядкомъ, только обѣщаніе это совершается у лудъ-утися въ куалѣ моленіемъ блиновъ съ масломъ. Самое же моленіе совершается лудъ-утисемъ съ обращеннымъ къ луду лицомъ, причемъ часть блиновъ сжигается. А когда представится возможность молить жеребенка, предварительно пекутъ блины, яичницу и, взявъ потребное число блиновъ и яичницу, хозяйка мажетъ ихъ масломъ и кладетъ ихъ въ деревянную тарелку, а на нихъ комокъ масла и немного соли. Завязавъ ихъ въ такомъ видѣ въ бѣлую скатерть, хозяинъ отправляется къ лудъ-утисю и, взявъ его съ помощникомъ, отправляется въ лудъ. Тамъ сперва молятъ блины съ яичницей, масломъ и солью, часть ихъ сжигаютъ, также поступаютъ и съ кумышкой. Затѣмъ начинается моленіе самого жеребчика. Цвѣтъ шерсти жеребчика на этотъ разъ не разбирается. Сперва обливаютъ жеребчика трижды водой, потомъ, связавъ ему ноги, сваливаютъ и закалаютъ. Кровь при этомъ, какъ и всегда, берутъ въ чашку.

Внутренности, а также лопатки, ноги и немного мяса варятъ въ котлѣ. Сперва готовятъ бульонъ; часть его, когда сварится, лудъ-утись (иначе луд асаба, или же луд мурт) наливаетъ въ чашку и молитъ по обычаю, затѣмъ часть его сжигаетъ. Предъ этимъ зажигаются свѣчи на полицѣ. Свѣчи обыкновенно бываютъ восковыя. Потомъ лудъ-утись беретъ на блюдѣ блины, и часть мяса, кои также молитъ и часть ихъ сжигаетъ. Затѣмъ спускается крупа и варится каша, а бульонъ и также мясо ставятся предъ свѣчами,—бульонъ въ деревянной чашкѣ, а мясо въ деревянной тарелкѣ. Наконецъ утись кладетъ и кашу въ чашку, молитъ и часть ея сжигаетъ въ огнѣ. Потомъ достаютъ бульонъ и мясо съ полицы и садятся ѣсть за столъ, послѣ чего всѣ кости сжигаются.

Примѣчаніе. При моленіяхъ въ лудѣ женщинамъ не позволяется участвовать и самый входъ въ лудъ имъ строго воспрещается, даже и мужчины безъ цѣли никогда не рѣшаются заходить туда. Мужчинамъ во все время моленія не разрѣшается надѣвать шапку. Моленіе и молитвенные обряды всегда совершаетъ самъ утись и самое варенiе производится подъ его строгимъ наблюденіемъ. Образъ же моленія всегда одинаковъ—на колѣняхъ. Заключительнымъ же моментомъ сего моленія или, какъ говорятъ вотяки, *сермет-узда*, должно быть моленіе гуся.

Моленіе одной пары дергачей (коростелей) на лугу за брачный союзъ.

Это моленіе по вотяцки называется «Іыръ-понна», т. е. за голову, цѣна головы, цѣна дѣвства, или еще разставаніе съ образомъ жизни холостяцкой. Моленіе это часто совершается при болѣзняхъ. Должно полагать, что вотяки переходъ холостой жизни къ семейной считаютъ переходомъ изъ-подъ управленія одного бога подъ управленіе другого бога, посему цѣлью этого моленія служитъ умилостивленіе прежняго-холостяцкаго бога. Болѣзни признаются вотяками «мыжемъ». «Мыжъ»—болѣзнь, хворость, это въ родѣ того, что называлось по древне-славянскому языческому вѣрованію чеморъ-спазмы въ желудкѣ, олицетворенная болѣзнь въ образѣ стихійнаго демона. И у вотяковъ по сіе время болѣзни олицетворяются, какъ у славянъ. Но «мыжъ» обыкновенно приписывается дѣйствіемъ покойниковъ. При «мыжѣ» ограничиваются моленіемъ одного дергача, а до нахожденія его довольствуются однимъ обѣщаніемъ. (О самомъ моленіи дергача см. выше, въ отдѣлѣ Случайныхъ посемейныхъ моленій). Послѣдствію или заключеніемъ сего моленія служитъ моленіе утки, *сермет* (тамъ же). Здѣсь холостая жизнь, какъ видно, уподоблена почему то жизни дергачей.

Моленіе за брачный союзъ одной пары глухарей въ родовомъ шалашѣ.

Моленіе это совершается при болѣзняхъ, по указанію ворожцовъ. За неимѣніемъ птицъ ограничиваются однимъ обѣщаніемъ, самое обѣщаніе совер-

шается въ родовомъ шалашѣ моленіемъ хлѣбовъ у *будзым-куалл-утися* (см въ главѣ о случайныхъ посемейныхъ моленіяхъ).

Моленіе пѣтуха на лугу за брачный союзъ.

Заключительнымъ актомъ этого моленія служитъ моленіе барана, а за неимѣніемъ его ограничиваются обѣщаніемъ во время моленія пѣтуха (см. въ главѣ о случайныхъ посемейныхъ моленіяхъ).

Моленіе молодушкою за брачный союзъ утки въ отцовомъ куалѣ.

Для совершенія этого моленія молодушка съ родственникомъ съ мужниной стороны или одна отправляется къ отцу, взявъ съ собой живую утку и также хлѣбы изъ яровой муки. Предъ моленіемъ отецъ молодушки или братъ долженъ сходить въ ближайшій лѣсъ, нарубить хвойныхъ сучьевъ и принести домой, какъ необходимый предметъ для моленія. Изъ хлѣбовъ, привезенныхъ молодушкой, одинъ должно молить, а другіе молодушка должна поднести въ даръ родителямъ и родственникамъ, а одинъ имѣть при себѣ, чтобы, поравнявшись съ кладбищемъ, помянуть покойныхъ крошеніемъ кусковъ хлѣба; это можно дѣлать и за полевыми воротами, если не приходится ѣхать домой мимо кладбища. Впрочемъ, крошить хлѣбъ въ честь покойныхъ полагается, когда уже умерли родители, а пока они живы, крошить нѣтъ нужды. Поднесенный въ даръ хлѣбъ называется по вотяцки «саламъ». Слово «саламъ», по-татарски салямъ, значитъ еще поклонъ, почтеніе. Въ письмахъ пишутъ по татарски: «бикъ кюбъ салямъ айтъ», а по-вотяцки: «туж трос салам вера»,—«скажи премногій поклонъ». Никакое жертвенное животное не закалается на голой землѣ, а всегда стелютъ подъ него сучья хвойнаго или лиственнаго лѣса (обыкновенно березы); послѣднее—если лѣтомъ послѣ Троицы; кромѣ того хвоя стелется на столъ подъ скатерть въ куалѣ, таже на полицѣ куалы, въ переднемъ углу, гдѣ дѣлается «вылэ мичён», возношеніе (см. моленіе въ куалѣ). Сперва хозяинъ куалы молитъ хлѣбъ съ солью и часть ихъ сжигаетъ, а хлѣбъ кладетъ на полицу, какъ возношеніе; потомъ поливаетъ водой утку изъ ковша трижды и рѣжетъ гдѣ нибудь ножемъ; затѣмъ ощипавъ утку, варитъ кашу съ мясомъ и опять молитъ и части сжигаетъ въ огнѣ, а голову, какъ возношеніе, также кладетъ на полицу. Наконецъ садятся ѣсть, если лѣтомъ, въ шалашѣ, а зимой въ избѣ. Тогда снимаютъ возношеніе, хлѣбъ и голову. Кости сжигаютъ въ шалашѣ. Заключительнаго моленія не положено. Изъ моленнаго ничего не позволяется вкушать жениху.

Моленіе за брачный союзъ бѣлой утки въ родовомъ шалашѣ.

Для этого молодушка, какъ выше сказано, отправляется въ домъ родителей безъ мужа съ хлѣбами. Здѣсь моленіе совершаетъ будзым-куалутись и на полицу въ возношеніи кладетъ кромѣ хлѣба и головы еще

внутренности утки; часть ихъ и кости сжигаются въ огнѣ. Утка вся отдается утисю, ему же остаются остатки каши послѣ ѣды. Образъ моленія такой же, какъ говорилось выше. Части хлѣба, головы и внутренностей утки, которыя клали для возношенія, позволяется ѣсть только женщинамъ того рода по куалѣ и утисю. Заключительнаго моленія сему моленію нѣтъ.

Моленіе за брачный союзъ чернаго барана въ лудѣ.

Образъ моленія такой же, какъ было сказано выше (см. моленіе въ лудѣ жеребчика).

При моленіяхъ, какъ въ куалѣ, такъ и въ лудѣ, когда оно совершается частнымъ образомъ, т. е. однимъ какимъ либо лицомъ, необходимо жертвовать монету; обыкновенно даютъ мелкія монеты. Также полагается дѣлать и невѣстѣ, когда она выходитъ замужъ: прощаясь съ куалой, она должна положить мѣдную монету—въ знакъ чувства уваженія въ куалѣ. Особенно же это строго соблюдается тогда, когда въ отцовскомъ куалѣ некому исправлять надлежащіе обряды. Монеты эти называются по вотяцки «Югез» (Казанскіе вотяки зовутъ «Люгезь»). Югезь считатся священнымъ предметомъ и употребленію на домашнія нужды не подлежатъ, почему онѣ или хранятся дома, или отдаются въ церковную казну. Для этого моленія серметъ не полагается.

Приношеніе жертвы замужней дочерью покойнымъ родителямъ (Тыр-пыда).

Тыр-пыд значитъ голова и ноги, потому что покойнымъ жертвуются отъ жертвеннаго животнаго голова и ноги Собственно поминаются умершіе. Жертвенное животное посвящается въ память родителей. Закалаютъ обыкновенно дойную корову. За неимѣніемъ своей коровы можно купить голову и ноги на базарѣ Самое моленіе бываетъ въ домѣ родителей молодушки, а обрядъ закаланія должно совершать въ домѣ родителей мужа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда посвящаются купленныя части коровы, рѣзанныя мясникомъ, для исполненія обряда закаланія, кровопролитія, взамѣнъ коровы рѣжутъ курицу, только кровь отъ жертвуемыхъ птицъ никогда не берется. Закалаемыхъ курицъ никогда не поливаютъ водой, кромѣ гусей и утокъ. Обрядовъ же моленія никакихъ не полагается дѣлать въ домѣ мужа. Въ домъ родителей отправляется молодушка вмѣстѣ съ мужемъ своимъ. Въ самый день поминовенія въ шалашѣ розводятъ огонь и тамъ голову и ноги палятъ въ огнѣ самъ мужъ или жена его. Затѣмъ промываютъ водой и варятъ. Наливаютъ въ чашку бульона, сколько нужно, потомъ спускаютъ крупу и варятъ кашу. Потомъ вечеромъ извѣщаютъ родственниковъ, чтобы собирались поминать родителей. По-вотяцки это называется «атайез, анайез бурместыны», т. е. въ упокоеніе родителей-отца и матери. Извѣщеніе въ Казанской губерніи производится вечеромъ молодыми парнями слѣдующимъ образомъ: мальчиковъ съ десять садятся верхомъ и выѣзжаютъ на улицу, съѣзжаются въ одно мѣсто и проѣзжаютъ по улицѣ съ одного конца до

другого съ крикомъ: «къ NN собирайтесь ѣсть Іыр-пыд». Тогда желающіе являются въ назначенный домъ—кто идетъ со всѣмъ семействомъ, кто вдвоемъ, мужъ съ женой. Обыкновенно же собираются не одни сродники, но и знакомые и сосѣди. Хозяйки—женщины берутъ съ собой по бутылкѣ кумышки. Сосѣди и близкіе называются «бöляк», а родственники «иська-выи», по выговору вотяковъ Казанской губерніи—«ськавын».—Въ домѣ, въ которомъ должно совершаться поминовеніе, покрываются скатертью два стола—въ переднемъ углу и у печки. Первый для мужчинъ, второй для женщинъ. При этомъ хвои не нужно. Хотя и говорятъ, что посвящаютъ голову и ноги, но однако полагается и мясо. На каждый столъ ставится большая деревянная чашка каши. Въ кашѣ въ серединѣ выдѣлываютъ ложкой, ямку, куда кладется растопленное масло и при ѣдѣ каждую ложку каши обмакиваютъ въ масло. У вотяковъ нѣтъ обыкновенія мѣшать масло въ кашѣ. Мясо и кости кладутъ въ начевки (сѣяльницы) и ставятъ на столъ. Ставится также часть кумышки, налитая изъ бутылокъ въ одну не большую деревянную чашечку, называемую по вотяцки чарка (или еще сюмыкъ), и пиво, если есть. На столъ кладутъ ножъ и ярушники. Въ то же время одинъ изъ опытныхъ у дверей на приступкѣ печи полагаетъ небольшое корыто, а по краямъ корыта ставитъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ, купленныхъ или самодѣльныхъ изъ своего неочищеннаго воска. Зажигаютъ ихъ и начинаютъ поминать. Обрядъ поминовенія совершается слѣдующимъ образомъ: каждый изъ мужчинъ накидываетъ на себя верхнюю будничную одежду, надѣваетъ шапку; также дѣлаютъ и женщины—старухи. Въ такомъ видѣ каждый поочередно подходитъ къ столу, беретъ часть хлѣба, подходитъ къ корыту (можно попарно и по три человѣка) и крошитъ хлѣбъ, перебирая поименно умершихъ, кто кого вспомнитъ, потомъ беретъ ложкой бульонъ и также льетъ по каплямъ, потомъ кашу и мясо, затѣмъ льетъ изъ чарки кумышку и пиво. И послѣ крошенія или пролитія каждый говоритъ: пусть дойдетъ наша жертва до васъ, покойтесь, живите мирно (голодомъ не живите), Іыр-пыдъ даемъ. Это повотяцки говорится такъ: чеке, пересьёс! буместо, азяды медъ усез, Іыр-пыд сетъиськом. При поминовеніи полагается отвѣдывать часть всего предложеннаго [1]).

По исполненіи обряда поминовенія садятся за столъ ѣсть и пить. Каждая женщина изъ своей бутылки долгомъ считаетъ угощать другихъ женщинъ и мужчинъ. Мужчины въ это дѣло не вмѣшиваются. Свѣчи тѣмъ временемъ догораютъ и гаснутъ. Кости послѣ ѣды собираются въ лукошко, которое до времени стоитъ на полу. Послѣ ѣды никогда не крестятся, а если и молятся, ограничиваются поклонами Богу безъ крестнаго знаменія, а вмѣсто крестнаго знаменія гладятъ рукой голову при поклоненіи, и бла-

---

[1]) *Прим.* Мужчины и женщины, имѣющіе живыхъ родителей, не участвуютъ въ крошеніи, также холостые парни, дѣвки и беременныя женщины.

годарятъ Бога словами: «тау, Инмаре», что значитъ: благодарю Тебя, Боже мой. Молодушка, которая приноситъ въ жертву, стелетъ на полъ, подлѣ лукошка, холстинку, стоя на колѣняхъ и при этомъ цѣлуетъ холстъ свой, а мужъ кладетъ монету на холстъ такимъ же образомъ, стоя на колѣняхъ. Такъ поступаетъ каждая женщина со своимъ мужемъ. При этомъ говорятъ по вотяцки: «кіадъ пыдадъ кутъ». Это значитъ по русски: пріими въ руки и ноги. Затѣмъ, сдѣлавъ поклонъ, каждый отходитъ. Дѣти, конечно, не участвуютъ при исполненіи сего обряда. Однако соблюдаютъ тишину и благовѣніе, принаравливаясь къ настроенію духа старшихъ. Затѣмъ запрягаютъ сколько есть лошадей съ колоколами и мужики провожаютъ кости, холстинки и монеты, собравъ все въ одно лукошко, на извѣстное мѣсто. Мѣсто это называется по-вотяцки лӧ-куянъ, или куръ-куянъ, т. е. мѣсто, куда бросаютъ кости и лубки. Подъ этимъ названіемъ еще можно подразумѣвать мѣсто, куда бросаются остатки послѣ покойниковъ: лубокъ, на которомъ онъ лежалъ, стружки отъ гроба, рубашка, штаны, въ которыхъ онъ померъ, вѣникъ, которымъ обтирали его при обмываніи, также туяски и чашки, въ которыя дѣлали возліянія. Мѣсто это обыкновенно бываетъ при кладбищенской дорогѣ подъ елью, или въ лѣсочкѣ, и мѣсто это становится какимъ то страшилищемъ: мимо его по ночамъ рѣдко кто проходитъ хладнокровно, потому что вотяки люди очень суевѣрные. Проводы костей, холстинокъ и монетъ бываютъ съ пѣснями, приноровленными къ обстоятельству. Съ собой берутъ штофъ кумышки. Кабацкая водка при молельныхъ церемоніяхъ не употребляется; если нельзя достать кумышки, то въ такомъ случаѣ обходятся и безъ кумышки, довольствуясь однимъ пивомъ. Кумышка должна быть отъ той женщины, которая поминаетъ своихъ родителей. Кабацкое вино можно допустить только внѣ исполненія священныхъ обрядовъ. Обрядъ выкладыванія изъ лукошка исполняется слѣдующимъ образомъ: сперва стелютъ солому по возможности потолще, потомъ вынимаютъ лукошко и корыто. При этомъ зять умершаго встаетъ на колѣни, кладетъ монету, предварительно поцѣловавъ ее, и дѣлаетъ поклонъ. Потомъ начинаютъ выпивать кумышку, взятую съ собой.

Примѣчаніе. Если есть у этой женщины братья, то довольно одному изъ нихъ принести въ жертву умершимъ родителямъ: отцу лошадь, а матери корову, а сестры ихъ ограничиваются приношеніемъ одной коровы отцу и мятери.

Молснія бабъ вотячекъ. По вотяцки они называются: ныл-кышно-вӧсьес. Частыя неудачи выкуриванія кумышки вызываютъ иногда вотячекъ доискиваться причины неудачи, посему для точнѣйшаго разъясненія дѣла отправляются къ ворожцу (усто-туно), который отличается какъ бы прозорливостью. Ворожцы обыкновенно приказываютъ одно изъ двухъ, именно: принести въ жертву черному бѣсу черную овцу, когда они признаютъ, что причина неудачи отъ козней діавола, или же черную курицу покойникамъ, когда найдутъ, что причина неудачи лежитъ въ умершихъ.

Моленіе бабами черному бѣсу черной овечки. (Сьӧд перилы сьӧдъ ыжъ). Причина этой жертвы, какъ уже сказано было выше, неудачное выкуриваніе кумышки: она имѣетъ цѣлью умилостивить того чернаго бѣса, который вредитъ по мнѣнію ворожца въ выкуриваніи кумышки. Для моленія этой овечки обыкновенно сходятся нѣсколько сосѣднихъ бабъ, у которыхъ кумышка не удается, въ одинъ изъ своихъ шалашей и воровски рѣжутъ украденную чью нибудь чужую овечку чернаго цвѣта. Внутренности овечки, какъ то: голову и ноги варятъ, изъ полученнаго бульона часть берется, сколько нужно, въ чашку, потомъ изъ оставшагося въ котлѣ бульона варятъ кашу. Часть каши опять берется въ другую чашку и начинаютъ молиться на колѣняхъ. При этомъ молитвенницей должна быть одна которая нибудь изъ нихъ. Она должна молить сперва бульонъ въ чашкѣ и по молитвѣ часть бульона льется изъ ложки въ огонь. Потомъ должна также поступить и съ кашей, и мясомъ, и кумышкой. Хлѣба онѣ не молятъ. Часть каши и мясо въ особой чашкѣ должно возносить, посвятить въ вылэ мычонъ т. е. на полицу, въ передній уголъ. Женщины не должны возносить, или поднимать жертву на ту полицу, которая устравается мужчинами; онѣ дѣлаютъ для себя особую полицу въ переднемъ же углу ниже мужской. Затѣмъ садятся ѣсть, часть жертвы несутъ домой. Все это дѣлается тайно отъ людей и отъ семейныхъ въ отсутствіи мужиковъ своихъ. Узнаютъ же семейные объ этомъ моленіи при видѣ остатковъ отъ жертвы.

Моленіе бабъ черной курицы усопшимъ. Это моленіе по вотяцки называется «кулэмъёслы сьӧдъ курег восянъ». Каждая вотячка, у которой кумышка не удается, колетъ сама курицу въ своемъ шалашѣ за котломъ. Изъ курицы сперва варятъ бульонъ, потомъ кашу. Молятъ бульонъ, кашу съ мясомъ и часть ихъ сжигаютъ въ огнѣ. Затѣмъ всэносятъ, какъ уже сказано выше, а оставшіяся части послѣ ѣды несутъ домой.

16. Свадьбы, роды, похороны.

Моленія при свадебныхъ обрядахъ.

Свадебную церемонію вотяковъ можно подраздѣлить на пять періодовъ: 1-е сватаніе, 2-е сговоръ, 3-е увозъ невѣсты въ домъ жениха, 4-е яратопъ, 5-е сюанъ При первомъ собственно испрашивается согласіе родителей или родственниковъ невѣсты выдать за даннаго жениха. При второмъ совершается ряда выкупа невѣсты и приданнаго (калым и Іыр-дун). При третьемъ одѣваніе и проводы невѣсты въ домъ жениха. При четвертомъ (яратонъ) увозъ невѣсты, или возвращеніе въ домъ ея родителей для исправленія дома недоконченной работы; увозятъ родители и родственники ея. При пятомъ окончательное представленіе невѣсты въ домъ жениха; пріѣзжаютъ за ней родители или родственники жениха. Всѣ эти обряды совершаются довольно

чинно. Соблюдается во всемъ сдержанность, только послѣдніе два періода—яратонъ и сюанъ выражаютъ свободу воли и то при строгомъ исполненіи прямыхъ обязанностей поѣзжанъ. При яратонѣ гостями являются родители и родственники невѣсты въ домѣ жениха, а при сюанѣ родители и родственники жениха въ домѣ молодушки. Гости эти состоятъ изъ поѣзжанъ съ женами, молодыхъ парней и дѣвокъ. Поѣздъ въ томъ и въ другомъ случаѣ совершается торжественно, чинно и дружно. Каждый ѣдетъ со своимъ семействомъ на парѣ и съ колоколами. Предводителемъ или распорядителемъ пира является крестный отецъ со своей женой; онъ носитъ названіе *тӧре*, что значитъ предсѣдатель. При яратонѣ невѣстинъ крёстный, а при сюанѣ жениховъ. У каждаго долженъ быть свой тӧре. Самые обряды и церемоніи, какъ то: даренія, пѣніе пѣсенъ довольно сложны. Пѣніе пѣсенъ поѣзжанами должно сопровождаться при входѣ въ домъ новаго родственника и предъ уходомъ. Молчаніе или разговоръ бываетъ за столомъ во время выпивки и закуски (ѣды); въ это время и также послѣ ѣды потчуютъ гостей пивомъ и кумышкой. Пѣсни всѣ поются благодарственнаго и хвалебнаго содержанія. Болѣе же выдающимся обрядомъ въ религіозномъ смыслѣ является дѣйствіе тӧре. При посѣщеніи дома новыхъ родственниковъ, также въ домѣ жениха и невѣсты тӧре предъ вкушеніемъ пищи, сидя за столомъ въ переднемъ углу въ шапкѣ, произноситъ молитву, въ которой проситъ Бога ниспослать молодой четѣ множество земныхъ благъ и счастія. Это дѣлается тогда, когда все подано на столъ. На столѣ, накрытомъ бѣлою скатертью, должны быть: ярушники (хлѣбы изъ яровой муки), каша, предъ тӧре полагается пиво въ деревянной чашкѣ, равнымъ образомъ и кумышка, по моленіи которыхъ часть пива и кумышки самъ пьетъ сколько нибудь, потомъ передаетъ свекру молодушки, если это во время яратона, а если во время сюана—отцу молодушки; по возвращеніи чашки тӧре опять передаетъ свекрови или матери невѣсты и т. д по старшинству и по чину. Выпивъ съ благовѣніемъ часть пива или кумышки, каждый изъ присутствующихъ желаетъ всѣхъ благъ молодой четѣ. Потомъ садятся обѣдать. Слѣдовательно, торе, или иначе сказать тӧр-пукись, какъ выражаются Казанскіе вотяки, есть не только распорядитель пира, но и молитвенникъ, или священное лицо на свадьбѣ. Онъ всегда старается достойно исполнить свою обязанность со тщаніемъ и благоговѣніемъ, иначе не будетъ порядка и чинности въ пиру на срамъ поѣзжанамъ, изъ которыхъ нѣкоторые часто напиваются чрезмѣрно и въ такомъ случаѣ онъ долженъ отстать отъ артели, какъ говорятъ вотяки. Нужно замѣтить, что яратонъ и сюанъ бываетъ только у богатыхъ, а у бѣдныхъ обходятся безъ яратона и сюана, и въ такомъ случаѣ невѣста черезъ нѣсколько времени возвращается въ домъ родителей и опять увозится окончательно. По привозѣ въ первый разъ невѣсту вводятъ въ шалашъ для поклоненія воршуду, потомъ оттуда въ клѣть, гдѣ ее забавляютъ игрой на гусляхъ и пляской молодые парни и дѣвушки, которые чередуются въ танцахъ. Замѣчательно, когда вводятъ молодыхъ на подклѣть, торе и старшіе остаются въ избѣ за

столомъ, а молодчихъ отправляютъ въ клѣть. Здѣсь ее раздѣваютъ и она остается въ одной рубашкѣ; къ тому времени въ шалашѣ готовятъ для молодыхъ и молодежи пельмени, которые должны быть иные съ мукой, иные съ солью, иные съ овсомъ, иные съ ячменемъ, иные съ хвоями, а иные съ мясомъ. По нимъ примѣчаютъ, насколько счастливы имѣютъ быть молодые. Если попадетъ ячмень, то значитъ будутъ жить шероховато: если соль или мука попадетъ, то значитъ будутъ счастливы; пельмени эти ѣдятъ и прочіе кто желаетъ, при этомъ норовятъ, чтобы попали говяжьи пельмени, хотя рѣдко удается Потомъ одинъ кто нибудь изъ бойкихъ товарищей жениха беретъ хлѣбъ съ масломъ или пельмени въ тарелкѣ, и начинаетъ молить, высказывая свои пожеланія молодымъ относительно похотѣнія плоти, перебирая для примѣровъ образъ жизни самыхъ похотливыхъ животныхъ и птицъ, какъ то: свиней, воробьевъ и пр., а о выраженіяхъ срамно и говорить. При этомъ бываетъ страшный хохотъ. Затѣмъ невѣсту передаютъ жениху, который долженъ въ то же время при всѣхъ свалить ее на приготовленную постель, но это не всегда удается жениху, сильная невѣста часто сопротивляется, такъ что, если женихъ малъ, слабъ и безсиленъ, доводится помогать другимъ парнямъ. Затѣмъ гасятъ огонь въ клѣти, и идутъ въ избу, оставивъ тамъ молодыхъ, къ тоpе съ докладомъ, что дѣвку, невѣсту, обабили, при этомъ даютъ тоpе пельмени ѣсть. За это тоpе подаетъ имъ кумышку, говоря: ладно, если съумѣли. Поданную кумышку молодежь пьетъ, стоя на колѣняхъ; чарку передаютъ другъ другу и наконецъ возвращаютъ тоpе. Остатокъ кумышки послѣ ихъ допиваетъ самъ тоpе и говоритъ: ну те, и я попробую... На другой день опять созываютъ сосѣдей и тоpе, который по обыкновенію молитъ хлѣбъ, высказывая добрыя пожеланія молодой четѣ и, взявъ одинъ изъ яровыхъ хлѣбовъ, даетъ дѣвушкамъ, собравшимся къ тому времени, а онѣ, взявъ этотъ хлѣбъ, коромысло съ ведрами и молодушку, идутъ на рѣчку. Здѣсь, почерпнувъ въ ведра воды, кто нибудь изъ присутствующихъ дѣвицъ подноситъ молодушкѣ, а она жертвуетъ серебряную монету, которую беретъ кто нибудь изъ присутствующихъ дѣвицъ. Затѣмъ той водой начинаютъ окатывать или купать всѣхъ присутствующихъ, также и молодушку. Этотъ обрядъ купанія по вотяцки называется «кен платон». Потомъ, снова почерпнувъ въ ведра воды, передаютъ съ коромысломъ молодушкѣ, а она несетъ на себѣ домой первый разъ, а дома передаетъ свекровкѣ, также передаютъ ей и хлѣбъ, взятый съ собой, а свекровка передаетъ хлѣбъ тоpе. Засимъ окатываютъ водой прежде всего тоpе изъ ковша и прочихъ присутствующихъ. Возвращенный хлѣбъ тоpе по молитвѣ рѣжетъ и говоритъ: пусть до старости носитъ воду и печетъ хлѣбъ. Затѣмъ молодушка потчуетъ тоpе кумышкой, а сама встаетъ на колѣни; по возвращеніи кумышки, потчуетъ и другихъ, но уже стоя на ногахъ. Въ кумышку полагаются для невѣсты монеты. Это обрядъ поздравленія.

Моленіе по рожденіи младенца. По-вотяцки это моленіе называется «нуны шыдъ», т. е. ребячій супъ или каша. Обыкновенно варятъ какое нибудь прилучившееся мясо: гуся, утку или баранину, а когда сварится, мясо достаютъ и спускаютъ крупу, такимъ образомъ получается каша. Потомъ накрываютъ столъ бѣлою скатертью, кладутъ хлѣбъ, если есть изъ яровой муки, а яровые хлѣбы, какъ уже сказано было выше, мажутся масломъ сверху, только ржаной хлѣбъ никогда не мажется имъ. На хлѣбъ, назначенный для моленія, сверху полагается часть чухонскаго масла, затѣмъ достается изъ котла сварившаяся каша въ деревянной чашкѣ. Хлѣбъ съ масломъ молятъ до крещенія, тотчасъ же, какъ родится младенецъ, а кашу послѣ крещенія. Мѣстомъ для моленія во дворѣ служитъ у нѣкоторыхъ набожныхъ вотяковъ особо устроенный палисадникъ, который огораживается тынникомъ или прясломъ, и это мѣсто почитается священнымъ, какъ кереметь или куала. Нужно полагать, что въ древнія времена вотяки обоготворяли самый лѣсъ, а чтобы приблизить къ себѣ божество, садили деревья во дворѣ, а впослѣдствіи стали вѣрить, что Богъ обитаетъ на деревьяхъ, какъ и теперь вѣрятъ. По моленіи хлѣба съ масломъ входитъ въ избу отецъ младенца и извѣщаетъ своихъ родственниковъ и близко знакомыхъ друзей, чтобы и они приняли участіе въ радости его. Для нихъ рѣжется хлѣбъ и масло на тарелкѣ. Гости сидятъ за столомъ чинно и тихо говорятъ между собою, при этомъ не полагается много ѣсть. Такого человѣка, кто въ гостяхъ ѣстъ много, осуждаютъ, какъ безстыднаго. Описываемое моленіе называется «вой сіон», т. е. яденіе масла. При немъ бываетъ обязательно кумышка, нарочно приготовленная къ тому времени роженицей. На счастье новорожденному гости кладутъ на масло монеты мѣдныя или серебряныя, кто сколько хочетъ, только не голой рукой, а положивъ на рукавъ кафтана или зипуна; точно также и отецъ младенца долженъ получить деньги рукавомъ. Это называется «созы кутыса саес ыылын». По крещеніи же младенца отецъ молитъ кашу во дворѣ же; по возвращеніи со двора въ избу, всѣ должны отвѣдывать кашу, какъ освященную, а сжигать часть каши или мяса и хлѣба не полагается. Потомъ, снова взявъ часть каши, выходитъ другой разъ молить и при этомъ обѣщаетъ «кылчинь тока» (см. выше о брачныхъ моленіяхъ) ангелу хранителю младенца. По входѣ въ избу выноситъ кумышку, которую молитъ въ избѣ. Обращаясь къ Богу, проситъ, чтобы новорожденный выросъ большой, былъ славенъ и долголѣтенъ, чтобы число лѣтъ его достигало до числа крупы въ кашѣ, чтобы былъ плательщикъ подати, а если новорожденный второй уже сынъ,—чтобы служилъ царю коломъ въ прялѣ (кенер маик мед ло), т. е. пригодился въ солдаты, а если родилась дочь, то говорится, чтобы пригодилась для добрыхъ людей.—Рождать дѣтей бабы вотяцкія обыкновенно ходятъ въ баню и приглашаютъ бабку вотячку. По рожденіи бабка нарекаетъ банное имя новорожденному, сообразуясь съ временемъ года,—такъ, напримѣръ, если ребенокъ родится во время жатвы, имя младенцу дается *культокъ*, отъ слова культо, что значитъ снопъ (во время жатвы овса родившійся называется

сезяй); если родится вскорѣ послѣ прилета пиголецъ, дается имя *кездык*, или *сядык*, т. е. пиголица; если послѣ прилета жаворонка, то новорожденный называется *бодьоно*, т. е. жаворонокъ. Иногда и не сообразуются съ этимъ: младенца женскаго пола называютъ иногда *мардзянь*, т. е. коралловыя бусы. Есть еще имена отглагольныя, напр.: *тухтай*, я остановился (татарское слово съ вотскимъ окончаніемъ). Имя съ такимъ значеніемъ дается съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣти остановились, перестали умирать, если они раньше умирали. Иногда имена даются чисто-татарскія: Петашъ, Раимъ, Абдолло, Искендеръ, Эшматъ, Исэмбай. Могутъ быть и женскія имена съ татарскимъ значеніемъ, напр.: Тутыкышъ (Павлинъ), Туктабей и пр. Съ этими именами часто остаются дѣвушки до замужества, но зовутся также и христіанскими именами. Замужемъ собственное имя дѣвицы остается только большею частью для мужа, но и онъ часто зоветъ ее мѣстоименіемъ ты (это называется по вотяцки нимъ-ватонъ, т. е. скрываніе имени). Для семейныхъ имя ея сюхакэнъ, а для посторонних, кромѣ подругъ, имя ея совсѣмъ теряется, ее тогда зовутъ по имени родоначальницы ея, а величаютъ по мужу,—напр. *Педоръ Имъесъ*, что значитъ: Ѳеодорова Имъесъ, т. е. она изъ рода Имъесъ, по родоначальницѣ. Такимъ образомъ нарицательное ея имя становится собственнымъ именемъ ея. А мужчины носятъ всегда почти то имя, которое дается при крещеніи, но однако бываютъ и такіе случаи, что и у мужчинъ иногда остаются данныя имена, или другія какія нибудь самими выдуманныя, христіанскія или языческія. Это бываетъ вотъ въ такихъ случаяхъ. Представимъ себѣ, что новорожденный обмеръ, тогда мать начинаетъ кликать по имени, какое дано при крещеніи. Положимъ, что имя младенцу Григорій—она и кричитъ: «Григорей! кытсы кошкидъ, Григореедъ татынъ?!» Это значитъ: «Григорій! куда ушелъ,—Григорій твой здѣсь?!»— Если ребенокъ не оживаетъ отъ того, тогда она вмѣсто Григорія начинаетъ перебирать другія разныя имена. И при какомъ имени ребенокъ оживаетъ, съ тѣмъ именемъ и остается навсегда. Это называется по вотяцки «Нимъ кушконъ», или еще «лулъ утчянъ», т. е. исканіе имени, или искъ души. Это иначе зовется *урт потэм* (по нарѣчію вотяковъ казанской губерніи), что значитъ: душа вышла.

Примѣчаніе. Вотяки представляютъ, что отходящую душу младенца такимъ образомъ можно остановить. Также думаютъ вотяки, что душа отходитъ при испугѣ. При испугѣ плюютъ на голую грудь, говоря: «Лулмэ сётъ», что значитъ: «дай мою душу». Это для того, чтобы душа болѣе утвердилась внутри того человѣка. По совѣту ворожцовъ, носятъ на шеѣ привѣски, наговоренныя ворожцомъ. Привѣски дѣлаются изъ разныхъ предметовъ, но большею частью изъ вересу (можжевельника), воску или же литого олова. Эти же привѣски назначаются ворожцами и отъ уроковъ и отъ порчи. Изъ нихъ же дѣлаются привѣски и скотинѣ отъ уроковъ, порчи и козней діавола. Отъ прикосновеній и козней діавольскихъ употребляются главнымъ образомъ таволожка (по вотяцки тубылги) и желѣзо. Поэтому

и принято въ люлькѣ младенца подъ подушкой или надъ подушкой класть ножницы. Ушибётъ ли вотякъ себѣ палецъ или глазъ, обязательно кусаетъ тотъ предметъ, которымъ онъ ушибся, при этомъ проситъ его, чтобы онъ (предметъ тотъ) возвратилъ ему глазъ или палецъ или руку, говоря: кимэ сёт, пыдме сёт, синмэ сёт, т. е, дай мою руку; дай мою ногу; дай мой глазъ. Упадетъ ли вотякъ куда нибудь, также плюетъ на то мѣсто, куда онъ упалъ, говоря: Остэ! т. е. Господи помилуй. Если кто нечаянно ткнетъ пальцемъ кому либо въ глазъ, первый обязательно долженъ дать послѣднему свой палецъ куснуть, конечно легонько, при кусаніи говоритъ: «синме сёт», т. е. дай, мой глазъ. Такимъ образомъ вотяки и съ предметами неодушевленными обращаются, какъ съ одушевленными, могущими возвратить отнятое ими что либо.

Въ самый день рожденія младенца изъ того дома никому и ничего не дается, ни въ долгъ, ни взаймы и ни въ даръ, развѣ только за деньги, и еще, если оставитъ проситель что либо взамѣнъ просимаго предмета. Точно также дѣлается и при рожденіи жеребятъ, телятъ, козлятъ и ягнятъ. Въ предостереженіе отъ «уроковъ» ихъ покрываютъ чѣмъ нибудь изъ одежды или же опоясываютъ поясомъ, окуриваютъ можжевельникомъ. Рожаницѣ вотячки—бабы приносятъ кашу или щей, при этомъ отъ рожаницы полагается кумышка для приносящихъ: рожаницу поятъ горячей кумышкой.

Моленіе при похоронахъ. По смерти кого либо въ семействѣ извѣщаютъ близкихъ родственниковъ, чтобы пріѣхали или пришли на похороны. А сами тѣмъ временемъ омываютъ усопшаго комнатной водой. Одинъ держитъ надъ усопшимъ вѣникъ, а другой поливаетъ воды изъ ковша на вѣникъ и такимъ образомъ обтираютъ сырымъ вѣникомъ все тѣло. При обмываніи женщины мужчины не участвуютъ и также при обмываніи мужчины женщины не участвуютъ. Затѣмъ начинаютъ одѣвать. При этомъ держатъ покойника или на ногахъ или въ сидячемъ положеніи. Потомъ кладутъ на постланную соломой нару до положенія во гробъ. По положеніи во гробъ остается покойникъ тутъ же на нарѣ. Къ тому времени готовятъ мужчины свѣчи восковыя (свѣчи эти бываютъ самодѣльныя или берутъ изъ церкви готовыя), а бабы изъ свѣжеколотой курицы (если умершая женщина, а если мужчина—то пѣтуха); можетъ быть и толокно на водѣ, или же, наконецъ, простое мясо. Въ бульонѣ полагается родъ клецокъ (ычкемъ). У дверей на приступкѣ печки ставится корыто, предъ которымъ ставятся нѣсколько мелкихъ восковыхъ свѣчъ, также и въ головахъ покойнаго. Затѣмъ въ корыто кладется частицами мясо, или толокно, обмакнутое въ масло, также льется по каплямъ и бульонъ съ ычкемъ изъ ложки. при этомъ перебираютъ имена умершихъ, чтобы они приняли возліяніе сіе и ѣли и пили всѣ вмѣстѣ и насладились и никто чтобы не остался недовольнымъ, также чтобы приняли новопреставленнаго. Если умеръ неженатый парень, просятъ стариковъ, чтобы они женили его, а покойнику говорятъ, чтобы онъ тамъ не тосковалъ, потому что тамъ есть близкіе родственники, ко-

торые могутъ любить его, и чтобы тамъ женился. Если умерла дѣвушка—тоже совѣтуютъ выйти замужъ и вести дружбу съ родственниками. Прощаясь съ покойникомъ, цѣлуютъ его и старшіе говорятъ: «Земля, которая падетъ на тебя, пусть будетъ серебро и золото (ымъ ныръ выладъ усемъ сюедъ зарни но азвесь медло). Тоже говорятъ, когда бросаютъ землю въ могилу. Выносятъ покойника черезъ снятую дверь, чтобы онъ не нашелъ домой дороги, т. е. чтобы онъ безъ дѣла, когда не нужно, не ходилъ домой. Провожаютъ за ворота и говорятъ: хорошо живи въ томъ мірѣ (зечь улъ со дуннеядъ).

На могилѣ въ концѣ концовъ послѣ похоронъ и крошенія говорятъ: эмэш татынъ кезытъ угъ. это значитъ: ой, здѣсь холодно! т. е. нехорошо, непріятно. Такъ провожаютъ въ церковь для отпѣванія, если онъ крещенъ. Вѣникъ, стружки, грязные штаны и рубашки также увозятъ съ собой и бросаютъ на особо назначенное для того мѣсто недалеко отъ деревни (см. куркуянъ). Впрочемъ стружки и вѣникъ могутъ быть разостланы въ гробъ. На мужчину лѣтомъ надѣваютъ шляпу, а зимой шапку и рукавицы, а также трубку съ кошелемъ, если онъ курилъ, или кодочикъ, которымъ плелъ лапти. Родственники, вышедшіе на встрѣчу, также пришедшіе на похороны, приносятъ кумышку и льютъ ему въ гробъ, какъ бы въ ротъ. На могилу послѣ похоронъ крошатъ яица вареныя, горбушу отъ коровая, приговаривая. «земля, падшая на твое лице, пусть будетъ золото и серебро». Придя домой, отправляются прямо въ баню, здѣсь предъ баней окуриваются, потомъ входятъ въ баню и моются. Изъ своихъ семенныхъ пару никто не долженъ поддавать, потому что усопшій можетъ осердиться, да покойному можетъ обжечь лицо паромъ. А когда чужой накидываетъ паръ, то долженъ говорить покойнику: «береги лицо».

Въ Казанской губерніи пришедшіе послѣ похоронъ, если не топили баню, прямо идутъ въ избу. Въ такомъ случаѣ хозяйка дома бросаетъ на нихъ спереди горячую золу въ знакъ очищенія. Для умершихъ маленькихъ дѣтей не топятъ баню. Въ домѣ доѣдаютъ щи, приготовленные для поминовенія. Подобное же моленіе бываетъ въ 3-й день, 40-й и въ годъ, если усопшій былъ большой. Приносятъ въ домъ кумышку, хлѣба и мяса.

Примѣчаніе. Если солдатъ вотякъ умретъ на войнѣ, или на службѣ, то около кладбища ставятся памятники, столбики, въ родѣ деревенской скворешницы вышиною въ $^1/_2$ аршина. При поминкахъ, когда бываютъ на могилѣ для крошенія и оплакиванія, поминаютъ и солдатъ у памятниковъ. Памятники эти называются *корось*, или *кросъ*. Впрочемъ прежде на могилахъ каждаго дѣлались памятники, только не такого вида, а въ родѣ крыши дома. Поминаютъ, т. е. крошатъ вотяки, когда ѣдутъ въ гости или ѣдутъ изъ гостей. Крошеніе это производится дорогой, когда поровняются съ кладбищемъ. Въ гости ѣдутъ-поминаютъ своихъ родственниковъ, а изъ гостей ѣдутъ, поминаютъ родственниковъ того человѣка, у кого они гостили. О крошеніи нужно думать, что оно перешло въ древности къ вотякамъ

отъ славянъ, которые покланялись роду и рожаницамъ, судьбѣ. «Аже се и рожаницѣ краютъ хлѣбы и сиры и медъ»... *Краютъ* отъ *край* (горбушка хлѣба), кроить—отрѣзывать, приносить части. И пили въ честь ихъ. Ломятъ коровai, ставятъ кумиры и трапезы. (См. Исторія Россіи Соловьева, томъ I, стр. 343).

17. Другіе обряды.

Обрядъ на выходъ мертвецовъ изъ могилы (Великій четвертокъ).

Канунъ Великаго четверга у вотяковъ называется кулэмъ потонъ уй, это значитъ: ночь выхода мертвецовъ. Днемъ топятъ баню, къ вечеру приносятъ свѣжія ломанныя вѣтки пихты или вереса или можжевельника и муравейникъ съ муравьями въ мѣшкѣ. Первыми окуриваются сами со всѣмъ семействомъ и перешагиваютъ черезъ зажженный вересникъ и пихту, также окуриваютъ и въ стаѣ, скотномъ дворѣ, а муравейникъ изъ мѣшка разбрасываютъ по стаю, говоря: подобно муравьямъ пусть размножится скотъ въ стаѣ. Домъ и дворъ очерчиваютъ желѣзной лопаткой, впрочемъ это не вездѣ принято. Въ щеляхъ дома кладутъ (втыкаютъ) сучья отъ вересу или пихты, также на хлѣбы, на ульи и т. п., потому что эти предметы считаются средствами для изгнанія бѣсовъ. Все это дѣлается съ произнесеніемъ слова «Остэ». Пихта, вересъ и желѣзо считаются орудіями противъ бѣсовъ, злыхъ духовъ. Въ эту ночь по вѣрованію вотяковъ выходятъ собственно изъ мертвецовъ знающіеся съ бѣсами, т. е. вѣдьмы, вѣдуны, которые выходятъ въ эту ночь для порчи людей и скота въ удовлетвореніе своей злобы. Они летаютъ въ видѣ огненныхъ шаровъ или огненныхъ змѣй. Чтобы преградить имъ путь, слѣдуетъ только надѣть на себя хомутъ: отъ этого они падаютъ на землю и принимаютъ видъ человѣка. Тогда можно узнать, кто и откуда они, и поступать съ ними какъ угодно, потому что они тогда теряютъ свою силу и могущество. Предлагается еще порвать завязки, замѣняющія верхнія пуговицы на прорѣхѣ рубашки. Впрочемъ вѣдьмы ходятъ и въ другія времена года. Такъ будто бы видали много разъ одного крестьянина Барановскаго прихода дер. Водьиной послѣ его смерти въ обыкновенномъ видѣ. По этому случаю въ 1889 году лѣтомъ Водьинскіе мужики, собравшись всей деревней, ходили на кладбище, розыскали могилу его и вколотили осиновый колъ такъ, чтобы угодить ему прямо въ грудь. Чтобы вѣдуну или вѣдьмѣ не ходить послѣ смерти домой, имъ должно, по мнѣнію вотяковъ, предъ смертью передавать свое искусство преемнику или преемницѣ, которыхъ они имѣли въ виду кандидатами на это званіе. Впрочемъ по временамъ они и при жизни мучатся, такъ что съ ними бываютъ сильные припадки въ родѣ родимца. Въ такомъ случаѣ подъ голову имъ подкладываютъ голикъ (вѣникъ), чтобы успокоить ихъ и привести въ нор-

му. Вѣникъ или голикъ и также вересъ считаются имѣющими силу противъ вѣдуновъ (колдуновъ).

Обрядъ изгнанія бѣсовъ и болѣзней въ субботу, наканунѣ вербнаго воскресенія, посидѣнки и семикъ.

По понятію вотяковъ, болѣзни суть живыя существа. Олицетворяемыя человѣческія болѣзни ходятъ въ видѣ человѣка, какъ это представляютъ и русскіе (напр., лихорадки въ видѣ косматыхъ и пологрудыхъ бабъ. Скотскія же болѣзни ходятъ въ видѣ собакъ, которыя наводятъ эпидемію своимъ присутствіемъ и прикосновеніемъ. Всѣ эти болѣзни приписываются дѣйствію бѣсовъ. Наканунѣ Вербнаго воскресенья, вечеромъ, молодые парни, вооружившись ивовыми или таловыми вицами или же чѣмъ попало, ходятъ по избамъ и бьютъ ими полати, стѣны и брусья, при этомъ неистово кричатъ, приговаривая: «кылезъ-дэйезъ ульляськомъ», что значитъ: «гоняемъ хвори и болѣзни». Бьютъ также и людей, особенно кого застанутъ спящими на постели. Но парней большею частью въ избы не пускаютъ, чтобы они не затоптали молодыхъ ягнятъ. Въ такомъ случаѣ они бьютъ съ улицы дома и также кричатъ. Ходятъ же обыкновенно съ огнемъ, зажигаютъ смолистые сучья. Это начинается съ одного конца деревни и оканчивается на другомъ концѣ послѣднимъ домомъ; потомъ всѣ палки и вицы бросаютъ въ поле. Въ этотъ день понастоящему слѣдуетъ очертить домъ, чтобы бѣсы не могли перейти за черту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ вечеръ молодежь собирается въ баню, парни и дѣвки. Въ Казанской губерніи молодые парни, а иногда и женатые идутъ туда съ моченымъ горохомъ въ кошелѣ. Собравшись всѣ въ одну топленую баню, выбираютъ изъ своей среды десятниковъ, сотниковъ, судей, выборныхъ, старшину, засѣдателя, пристава и урядника и начинаютъ собирать подати. Деньгами служитъ горохъ. Нѣкоторые для виду сопротивляются и такихъ бьютъ довольно больно. Бываетъ шумъ, крикъ, смѣхъ, ругань и брань сквернымъ словами. Особенно же ревностно дѣйствуютъ приставъ, урядникъ и старшина. Если есть возможность, надѣваютъ знаки отличія; бываютъ розги, которыми неплательщиковъ стегаютъ. Дѣвки не участвуютъ въ этой игрѣ, а только служатъ зрителями.

Посидѣнки бываютъ обыкновенно въ домахъ бѣдныхъ людей: тѣмъ, которые пускаютъ посидѣнки, молодые парни платятъ за помѣщеніе деньгами или кто чѣмъ можетъ. Это обыкновенно бываетъ рождественскимъ постомъ. Въ назначенный день парни и дѣвки собираются вечеромъ каждый со своей работой. Парни большею частью плетутъ лапти, вяжутъ чулки или рукавицы, а дѣвки шьютъ что нибудь или тоже вяжутъ. При исполненіи работы загадываютъ загадки и отгадываютъ, играютъ въ жмурки, поютъ пѣсни, разсказываютъ сказки. Бываетъ, что иногда собираются и въ баню, но это только тогда, когда какая нибудь женщина или дѣвка варитъ кумышку, такъ чтобы ей не скучно было. Случается, что на посидѣнкахъ спятъ попарно, парни съ дѣвками, и не безъ погрѣшностей въ отношеніи

чистоты нравственности. Иногда мечутъ жребій, кому съ кѣмъ спать. Это дѣлается такъ: берется по числу паръ молодежи нѣсколько нитокъ или мочалинокъ и каждый изъ присутствующихъ берется за нихъ—парни съ одного конца, дѣвки съ другого, потомъ нитки или мочалки разъединяются и тѣмъ объясняется, кому съ кѣмъ спать. Но этотъ способъ выбора, не всѣхъ удовлетворяющій, считается неудобнымъ. Къ утру каждый изъ нихъ долженъ быть дома: утромъ рано родители ревизуютъ работы своихъ дѣтей и если кто не исполнилъ урокъ, то получаетъ строгій выговоръ. Случается, когда насидятся вдоволь, ночевать идутъ домой.

Игрище у вотяковъ главнымъ образомъ бываютъ у качели. Обыкновенно качели строятся внѣ деревни и тутъ по вечерамъ собирается молодежь и дурятъ здѣсь до безобразія, поютъ и качаются и расходятся, кто куда желаетъ. Въ семикъ, въ четвертокъ предъ Троицой, ходятъ также въ лѣса и на луга. Въ самый семикъ нарядные парни и дѣвки собираются съ вечера и до полночи играютъ, гуляютъ въ лѣсу или на лугахъ. Женщины и нѣкоторые мужчины ходятъ въ этотъ день на кладбище, съ собой берутъ вина и закуски, часть которыхъ льется и крошится на могилы родственниковъ, и оплакиваютъ близкихъ сердцу, какъ это дѣлалось у славянъ въ Троицкую субботу (см. Стоглавъ 23 вопр.) Въ установленные же праздники молодежь ходитъ другъ къ дружкѣ и потчуется съ товарищами. При этомъ подъ звуки гуслей, скрипки или же гармоники, пляшутъ и поютъ, обыкновенно какія нибудь скверныя пѣсни. Участвовать могутъ и женатые. Иногда и при посидѣнкахъ бываетъ музыка.

Обрядъ изгнанія бѣсовъ въ чистый понедѣльникъ.

Это совершается на другой день, *вой келянъ*, т. е. послѣ проводовъ масленицы. Проводы масленицы совершаются въ воскресеніе. Въ этотъ день мужики и бабы пируютъ, ходятъ угощаться другъ къ другу, съ ними бываетъ музыка,—пляшутъ, поютъ. Молодежь также ходитъ только со своими сверстниками. Изгнаніе же бѣсовъ совершается вечеромъ на другой день. Ребята на этотъ разъ запасаются трещоткой, вѣниками и сучьями хвойныхъ деревъ. Трещатъ трещоткой, жгутъ вѣники и сучья, искры съ трескомъ издаютъ на землю, а сами кричатъ и бѣгаютъ по улицѣ. Изъ нихъ кто нибудь носитъ на поясѣ измученную ими собаку. Если кто пускаетъ ихъ въ избу, то собаку эту бросаютъ на спящихъ, потомъ опять ловятъ ее. Кромѣ того у нихъ бываютъ палки расколотыя до половины и ими ударяютъ о брусъ дома. На концѣ деревни жгутъ всѣ свои вещи, какими они вооружались. Собаку же убиваютъ палками и жгутъ въ огнѣ. На томъ мѣстѣ заблаговременно приготовляется столъ и на него ставятся пиво и кумышка, которыя ими выпиваются, при чемъ сарбу (буракъ или туесъ изъ бересты) рвется на куски, а бутылка разбивается. Собака служитъ символомъ бѣса и болѣзней, поэтому при эпидемическихъ болѣзняхъ вотяки хоронятъ живую собаку. Впрочемъ собака служитъ также жертвою въ удовлетвореніе мору, чтобы онъ пересталъ трогать людей. Нужно еще замѣтить,

что утромъ въ самый день изгнанія производится сборъ крупы и соли и назначается жрецъ, который по приготовленіи каши за деревней молитъ, чтобы бѣсы не могли остаться съ ними, гоняютъ же бѣсовъ по теченію мѣстной рѣки.

Маскарадный обрядъ. Въ Казанской губерніи онъ дѣлается такъ: молодымъ для игрища дается новый домъ, въ который еще не вошли жить; бываетъ иногда, что отдаютъ и жилой домъ, только тогда, впрочемъ, когда замѣчаютъ нѣкоторыя ненормальности или неестественности въ домѣ, когда бываетъ необыкновенный трескъ въ домѣ безъ всякихъ видимыхъ причинъ, или воображаютъ какую нибудь кикимору. Это называется *нардуганъ*. Въ назначенный для игрища день, вечеромъ, или ночью, молодые парни по улицамъ кричатъ, чтобы шли въ нардуганъ въ такой то домъ: впрочемъ молодежь и безъ того знаетъ, когда и гдѣ будетъ игрище. Это бываетъ на святкахъ. Тутъ представляютъ медвѣдя, котораго мещеряки водили прежде по домамъ. Надѣваютъ на кого-нибудь вывороченный тулупъ, а подъ тулупъ на спину вкладываютъ подушку. Мнимымъ медвѣдемъ управляетъ главнымъ образомъ кто нибудь одинъ, который на шею ему надѣваетъ цѣпь, за которую водитъ, заставляетъ плясать по медвѣжьему, даетъ ему въ руки палку, а когда не слушается, бьетъ палкой по спинѣ, впрочемъ безъ боли, ибо подъ тулупомъ у медвѣдя кроется подушка. Медвѣдь срывается и бросается на людей или на хозяина и совершаетъ множество другихъ тому подобныхъ представленій; бываютъ и кощунственные маскарады. Послѣ всего командируются одинъ изъ лучшихъ парней и также двѣ дѣвицы на гаданіе. Берутъ съ собой покрывало и на разстаніи (на перекресткахъ, гдѣ расходятся двѣ или три дороги) очерчиваютъ по снѣгу кругъ на занятомъ мѣстѣ. Присѣвъ въ кругъ, всѣ трое покрываются покрываломъ, при этомъ говорятъ: јечь мед кыломы, т. е. чтобы слышать доброе. И слушаютъ, что только представится, при этомъ не полагается благословляться и произносить имя Божіе, иначе ничего не услышится. Бывали случаи, когда произносили имя Божіе, то будто невидимая сила разбрасывала ихъ. При этомъ наблюдаютъ: если услышатъ, что кто то ѣдетъ съ возомъ, это предвѣщаетъ урожай, а если кто строгается, предвѣщаетъ смертность. И послѣ гаданія приходятъ опять въ домъ игрища, гдѣ ихъ ждутъ, и объявляютъ, кто что слышалъ; потомъ расходятся, такъ же какъ на игрищахъ, обыкновеннымъ порядкомъ.

Маскарадъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи не совершается, а его замѣняютъ посидѣнки, откуда тоже командируются подобнымъ образомъ на гаданіе. Слушаютъ иногда подъ окошкомъ, въ стаѣ или у конюшни. Подъ окошкомъ, если услышатъ хорошее выраженіе, то предвѣщаетъ доброе, а дурное выраженіе предвѣщаетъ дурное. У конюшни или въ стаѣ услышатъ вздохъ скотины—это предвѣщаетъ горе и печаль Тоже дѣлается на гумнахъ и на разстаняхъ. На посидѣнкахъ молодежь печетъ блины изъ сборной для общей пользы муки, особенно въ новомъ домѣ; дрова также собираютъ.

Обрядъ встрѣчи Пасхи. Въ Пасху на разсвѣтѣ мужчины женатые и холостые, также дѣвки (но не женщины), одѣваются въ праздничный нарядъ и у кого есть сѣдла, сѣдлаютъ лошадей, садятся верхомъ и отправляются къ кому нибудь во дворъ за старшими. Обыкновенно стараются принять въ каждый домъ и только несостоятельные отказываются принимать. Во дворъ ставится столъ, накрытый бѣлой скатертью, на столъ выносятъ хлѣбы, яица, пиво и кумышку для моленія. Молитъ же ихъ особо избранный человѣкъ изъ пожилыхъ людей; ему полагается помощникъ и оба они ходятъ пѣшкомъ со двора во дворъ. Помощникъ надѣваетъ себѣ на шею лукошко, изображающее барабанъ, объ который бьетъ палочками. Это дѣлается послѣ моленія отъ бездѣлья. Хозяинъ и хозяйка, равно дочь, если есть, или сынъ, потчуютъ своихъ друзей и знакомыхъ пивомъ и кумышкой. Случается, что дѣвки дарятъ своихъ возлюбленныхъ кушакомъ (поясомъ самотканымъ) или, если не дарятъ, то по крайней мѣрѣ даютъ для ношенія на время. Впрочемъ это дѣлается такъ, что со стороны можно думать, какъ будто молодой парень отнимаетъ рукавицы или опояску у дѣвки. Такимъ образомъ ѣздятъ со двора во дворъ съ пѣснями, установленными на этотъ случай. Во время шествія поютъ пѣсни: акашка лыктозъ гужласа сьорку пасьёсса дъисяса, т. е. акашка (праздникъ Пасха) идетъ съ шумомъ, одѣвшись въ кунью шубу. И каждый бываетъ вооруженъ нагайкой или прутикомъ, а иной и палкой, которыми въ концѣ пѣсни ударяютъ объ крышу, общимъ крикомъ: вера, вера, уръ. Только во время моленія наступаетъ тишина, а потомъ опять всѣ поютъ, и такъ продолжаютъ по всей деревнѣ, а на концѣ бросаютъ свои прутики и палочки. Въ это время многіе упиваются допьяна. Впрочемъ въ Вятской губерніи не вездѣ исполняютъ этотъ обрядъ, а въ Казанской губерніи вездѣ.

Вскорѣ послѣ Пасхи, какъ только просохнетъ земля, дѣлаютъ всей деревней *гуждоръ джукъ*, т. е. кашу въ честь лужка. Назначается на сходкѣ день и сборъ по домамъ крупы, соли, мяса, изъ коихъ варятъ кашу въ лѣсочкѣ на лужкѣ. Молятъ *шыдъ* (бульонъ) и кашу, берутъ туда кумышку и пиво, если есть въ остаткѣ отъ Пасхи. Во время молитвы всѣ встаютъ на колѣни. А послѣ дѣлежа ѣдятъ, кто гдѣ попало. Остатки несутъ домашнимъ. Обрядъ моленія какъ при общихъ моленіяхъ. Въ Вятской губерніи этого моленія не дѣлаютъ, а замѣняютъ обрядомъ обѣщанія.

Потомъ вскорѣ бываетъ *кизьыны потонъ*, выходъ на посѣвъ яроваго жита около 15 мая. Или еще это называется *горы шыдъ* или *горы поттонъ*, т. е. вывозъ сохи. Въ назначенный сходкой день мужики выѣзжаютъ съ сохой въ поле, берутъ съ собой лукошко (сѣтиво) на плечахъ и немного овса въ мѣшкѣ, который взваливается на лошадь, и каждый на своей ближайшей полосѣ начинаетъ пахать. Начало пашни долженъ дѣлать одинъ только изъ сельчанъ, пользующійся довѣріемъ отъ общества, у котораго, какъ говорятъ, легкая рука. Бабы остаются до времени дома достряпывать разную пищу, какъ то яровые хлѣбы, мясо, яичницу въ видѣ лепешки, или

блиновъ, ватрушки, вареныя яица крашеныя. Къ обѣду являются и домашніе, сложивъ все приготовленное въ одну большую тарелку и завернувъ въ бѣлую скатерть. Берутъ съ собой также пиво и кумышку. Хозяинъ молитъ ихъ по обыкновенію. Затѣмъ вставъ наколѣни, (снявъ шапку, онъ роетъ на полосѣ небольшую яму, въ которую стелетъ сучья со свѣжими хвоями какого либо стоячаго сырого дерева. Послѣ молитвы части отъ каждаго кушанья кладетъ въ яму въ честь Бога, также три яйца печеныя, очищенные отъ скорлупы. Яичницу же и яица хозяинъ молитъ особо, на яичницу полагаются очищенные и разрѣзанные пополамъ яица, при этомъ встаетъ на колѣни и снимаетъ шапку. Молятся же вотяки всегда на югъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Яма засыпается землей. Затѣмъ пьютъ и ѣдятъ части жертвъ во освященіе себя съ особеннымъ благоговѣніемъ. Послѣ сего начинаютъ сѣять, въ сѣтиво сыплютъ овесъ и кладутъ нѣсколько печеныхъ яицъ, и бросаютъ ихъ вмѣстѣ съ овсомъ. Яица затѣмъ собираютъ дѣти, и рѣдко обходится безъ ссоры, потому что каждому хочется побольше насобирать яицъ. Послѣ всего одному изъ дѣтей закрываютъ глаза, а хозяинъ тѣмъ временемъ прячетъ одинъ коровай хлѣба и три яйца въ землю, и заставляютъ искать того парня; если найдетъ—его счастье, а если не найдетъ, такъ и остается. Послѣ этого ходятъ другъ къ другу на полосу и угощаются кумышкой, пивомъ и закуской. Это происходитъ очень оживленно. При молитвѣ говорятъ: пусть зерна будутъ полны, крупны такъ же, какъ яица. Къ вечеру назначаются скачки и бѣга на премію. Лошади выбираются бойкія, болѣе способныя къ бѣгу, разстояніе обыкновенно назначается три и четыре версты. Первая лошадь получаетъ въ награду полотенце, вторая—платокъ, остальнымъ не полагается [1]). Также бѣгаютъ и пѣшіе. Послѣднее дѣлается въ Казанской губерніи вездѣ, а въ Вятской губерніи, кажется не вездѣ дѣлается, но ѣздятъ смотрѣть къ татарамъ, у которыхъ тоже бываетъ во время «сабанъ туя», т. е праздника въ честь пашни.

18. Разсказы вотяковъ изъ мнимыхъ чудесъ язычества.

Разсказы крестьянина села Буранова Сарапульскаго уѣзда Моисея Степанова.

Разъ я поѣхалъ на яратонъ въ Ожмосъ Пургу, за польскими воротами и какъ то позабылъ помянуть стариковъ умершихъ и крошить хлѣбъ, да и прочіе изъ поѣзжанъ какъ то забыли; пусть они забыли, но мнѣ на этотъ разъ проступокъ мой не простителенъ былъ, такъ какъ я

[1]) Скачки на лошадяхъ бываютъ послѣ яровой пашни и называется валъ воротонъ. Этотъ обрядъ сложный.

назначенъ былъ состоять тоpe, т. е. начальникомъ поѣзда. По пріѣздѣ, какъ только начали пѣть пѣсни, у меня въ животѣ сдѣлалась сильная рѣзь, сдѣлался позывъ къ испражненію, но попытка оказалась тщетною. Тогда отъ досады я заплакалъ, присѣлъ, хотѣлъ встать, но не стало силы, и въ такомъ безвыходномъ положеніи пришла мнѣ мысль помянуть умершихъ, и какъ только кончилъ перебирать ихъ имена, такъ и поправился. Другой разъ я, говорилъ онъ же, на полѣ, когда мы жали овесъ, во время обѣда вспомнилъ, что при переходѣ изъ отцовскаго дома въ свой новый домъ, послѣ раздѣла, я не зарѣзалъ пѣтуха въ честь умершихъ, и сталъ о томъ сокрушаться. При этомъ такъ заболѣла спина, что нельзя стало шевелиться; кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ, со слезами кончилъ свою часть жатвы, потомъ, на другой полосѣ заставилъ жену крошить хлѣбъ и помянуть усопшихъ, а самъ при этомъ обѣщался заколоть имъ пѣтуха, и тутъ же не стало боли, и я поправился.

Однажды, когда я мололъ на мельницѣ, лошадь свою отпустилъ на волю, около мельницы, на примѣтное мѣсто, чтобы послѣ была возможность отыскать ее. Оставалось уже молоть всего не больше, какъ 10 ф., а самъ тѣмъ временемъ пошелъ посмотрѣть лошадь, но когда увидалъ, раздумалъ: поймать, думаю себѣ, успѣю, послѣ поймаю. Потомъ пошелъ ловить ее, но не нашелъ, есть лошади, но чужія, встрѣтилась дѣвушка, спрашиваю ее, не видала ли она мою лошадь, она показала мнѣ ее и я не могу никакъ признать своей. Долго искалъ, однако не нашелъ, пришелъ домой, разсказываю бабушкѣ, она рѣшилась сама помянуть умершихъ, покрошила сколько то круто варенныхъ яицъ. Потомъ я снова пошелъ искать лошадь и оказалась, что та лошадь, на которую дѣвушка указывала, дѣйствительно моя.

Разъ осенью мы искали лошадей, но двухъ не могли найти; дѣти также искали, и не видали. Чужіе люди видятъ, своимъ не кажется. Тогда я велѣлъ заколоть пѣтуха,—не колютъ, жалѣютъ, наконецъ то кое-какъ рѣшились.—закололи, и нашли лошадь на такомъ болотистомъ мѣстѣ, куда никакая скотина не ходитъ. А поминать умершихъ до ѣды что то не надумали, а ограничились тѣмъ, что закололи пѣтуха въ честь умершихъ, думая, что тѣмъ будутъ довольны умершіе. И чтоже оказалось—лошадь пропала, а остался одинъ только жеребенокъ въ живыхъ.

Однажды у насъ съ сосѣдомъ лошади потерялись, люди видятъ, а наши не видятъ, пошли къ усто-туно (ворожцу), усто туно сказалъ сосѣду: лошадь твоя съ чужой лошадью ходитъ, самъ ты не найдешь, но товарищъ твой найдетъ, поэтому ты самъ и не ищи; если у тебя пѣтуха нѣтъ, заколи курицу въ честь умершихъ. Сосѣдъ такъ и сдѣлалъ, закололъ курицу, но лошади не нашелъ. Я закололъ и нашелъ ему его лошадь, я же привелъ и отдалъ ему. Такъ и сдѣлалось, какъ говорилъ усто-туно.

Ворожца (усто-туно) ворожить и наговаривать ангелъ учитъ, по словамъ этого вотяка, на дубѣ (такъ они сами не рѣдко говорятъ въ пьяномъ видѣ) дубъ этотъ гдѣ-то далеко и очень великъ. Яганскій ворожецъ бывало

говорилъ: «напрасно вы ко мнѣ ходите: вотъ явится у васъ свой ворожецъ, и объявитъ себя». И дѣйствительно явился уже у насъ свой ворожецъ и ворожитъ. Но семейные его унижаются имъ, потому что ворожцы обыкновенно являются въ убогихъ домахъ, а у нихъ недостатка не бываетъ. Онъ говоритъ, что учители вынуждаютъ его исполнять эту обязанность, такъ что онъ теперь безъ того терпѣть не можетъ. Приходящіе къ нему во множествѣ люди и не смѣютъ зайти къ нему во дворъ—говорятъ, что ворожцы должны бы быть, судя по обыкновенію, изъ бѣднаго дома, а здѣсь наоборотъ. Ходятъ къ нему очень дальніе люди и подолгу живутъ, ожидая очереди. За ворожбу беретъ отъ 5 до 10 к. Ворожецъ говоритъ, что ангелъ не дозволяетъ брать по многу денегъ. За наговоры беретъ до 50 коп. При немъ, выжидая очередь, постоянно пребываютъ отъ 10 до 15 человѣкъ. Ворожцы говорятъ, что опять кто то изъ нашихъ же учится ворожить, но изъ дѣтей добрыхъ людей едва ли только обнаружитъ свое знаніе. Однако, если будетъ скрывать, не можетъ цѣлъ быть, захвораетъ и будетъ дурачиться. Обыкновенно же не обнаруживаютъ только тѣ изъ нихъ, которые оказались неспособными. Я слышалъ, говоритъ онъ, какъ нашъ ворожецъ смѣялся надъ однимъ изъ такихъ въ одинъ праздникъ: Какъ ты оказался не способнымъ? Тотъ отвѣчаетъ: не знаю. А нашъ ворожецъ ему говоритъ: тебя солдатъ обманулъ. Выбирать по его мнѣнію на должность жрецовъ вправѣ только ворожцы до девяти разъ, а главный ворожецъ до двѣнадцати разъ, а что сверхъ того, то необязательно, добровольно же могутъ сколько угодно.

Ворожецъ изъ Туймы, когда наши у него были, сказалъ имъ: одинъ изъ васъ отецъ и мать,—одинъ изъ васъ пришелъ ко мнѣ съ сильнымъ желаніемъ получить обязанность жреца, а одинъ совсѣмъ было собрался ѣхать ко мнѣ и уже одѣлся совсѣмъ, но раздумалъ; у одного изъ васъ въ семействѣ, оказывается, есть Степанъ, Козьма, Петръ и Максимъ. Такъ и есть, только они всѣ умерли. А что касается до сказаннаго «одинъ изъ васъ отецъ и мать», то это значило, что у одного изъ нихъ умретъ дочь, дѣйствительно такъ и случилось—у одного изъ нихъ умерла дочь по достиженіи совершеннолѣтія, т. е. не будучи матерью, умерла въ домѣ отца.

Въ должность жреца могутъ поступить вдовые, а женатый на второй женѣ (двоеженецъ) не поступаетъ. Дочь утися будзымъ куа (родового шалаша) не должна быть замужемъ у лудъ-утися, или жреца въ керемети. Жрецъ и два помощника его имѣютъ посуду для употребленія при моленіяхъ: у жреца, или какъ они говорятъ, у попа, посуды больше, чѣмъ у прочихъ. Въ керемети при моленіяхъ лѣтомъ употребляются лиственные сучья, обыкновенно же березовые, а зимою эти же сучья, только безъ листьевъ, къ вѣтвямъ сучьевъ втыкаются внутренности жертвуемаго животнаго, какъ то: часть печени, легкихъ, сердца и мяса. Лѣтомъ полагается баранъ безъ разбора цвѣта шерсти. Сучекъ тотъ называется шачь мньэр, къ нему привязывается часть мочала, на одинъ конецъ ко-

тораго прикрѣпляется серебряный перстень или кольцо. Шач ыньэръ держитъ лудъ асоба. начальникъ керемети, а мочало держитъ торе. Богъ керемети сердитъ, потому страшно и боязно мимо керемети ходить. Еще страшнѣе—срубить кереметь. Когда то діаконъ рубилъ кереметь, и отрубилъ свой палецъ. Также одинъ солдатъ, познавшій суету язычества, рубилъ кереметь, зато померъ отъ корчи. Одинъ молодой парень застрѣлилъ въ керемети бѣлку, и вскорѣ послѣ того померъ: можетъ быть, въ образѣ бѣлки былъ Богъ керемети.

Однажды нужно было перемѣнить лудъ (кереметь). позвали ворожца, онъ пріѣхалъ верхомъ на недержанной лошади и безъ узды, лошадь пошла конечно не по дорогѣ, такъ что въ одномъ мѣстѣ привелось разгородить прясло, и на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась лошадь, сдѣлали кереметь. Изъ этого заключается то, что кереметь дѣлается на указанномъ Богомъ мѣстѣ.

Однажды нашъ Василій, въ тотъ годъ, въ который онъ долженъ былъ призываться въ солдаты, мочился на ключѣ (источникѣ) нами почитаемомъ, вслѣдствіе чего онъ весь распухъ, его какъ больного не приняли въ солдаты, такъ и остался, а послѣ того, чтобы исцѣлится отъ своей болѣзни, онъ зарѣзалъ пѣтуха и молилъ на ключѣ, и исцѣлился. Вскорѣ послѣ того призывался братъ того же Василія и чтобы такимъ же образомъ избавиться отъ солдатчины, пошелъ разъ ночью къ тому ключу, но какая то невидимая сила удерживала его, какіе то небывалые овраги препятствовали ему, такъ и не удалось сходить, но однако его не взяли въ солдаты.

Есть еще у насъ подобный же другой ключъ. Однажды я самъ проходилъ, говоритъ М. С., мимо этого ключа, ходилъ было въ поле лошадь, искать, но мною овладѣлъ какой то особый страхъ и смущеніе отъ того ключа. На другой день оказался у меня надъ колѣнкомъ чирей, нарывъ. Отецъ пошелъ крошить хлѣбъ въ то мѣсто, а я пошелъ жать въ поле и дорогой исцѣлился.

При переходѣ въ новый домъ на новоселье должно быть моленіе, по крайней мѣрѣ съ хлѣбомъ и кашей, крупа должна спускаться въ мясной бульёнъ, въ честь домового, при этомъ моленіи просятъ Бога, чтобы Онъ далъ счастье въ новомъ домѣ, чтобы добрые люди ходили въ новый домъ. Кто то не исполнилъ этотъ обрядъ моленія, не ходилъ съ хлѣбомъ и солью въ старый домъ звать домоваго, поэтому въ томъ старомъ домѣ видѣли человѣка плачущаго. Очевидецъ думая, что обыкновенный человѣкъ плачетъ, спросилъ его: зачѣмъ ты плачешь? Отвѣтъ послѣдовалъ такой: не позвали меня въ новый домъ. Богъ керемети (лудъ-кузё) являлся людямъ въ видѣ солдата, въ бѣлой одеждѣ; а во снѣ его видятъ въ видѣ татарина. Въ керемети дается честь, «Актаму» (см. моленіе въ лудѣ). Полночь говорится «шузьы дыръ» или еще «Акшанъ дыръ»,—не нормальное время, или страшное и опасное время, посему до пѣнія пѣтуховъ вотяки никуда не выѣзжаютъ.

19. Пѣсни.

Дядяе лэзиз жилье гондыръ кадь, анае лэзиз бурчинь бугоръ кадь, нюняе лэзизъ мыскалэн мертамъ кадь, ягетъи потъи ягъ варижъ кадь, сурдэтъи потъи туй югытъя, нюретъи потъи выжъ куарая, кыретъи мынъи вал пыдъ куарая, бусые пыри ю сюрел югытъя, гуртэ пыри инпетъ югытъя Каметъи потъи камыж бодъиен Чукна султъи но лыс вуэнъ мисьтаськи чушконъ кышетэ бадяр куар валъ, базаре туби но дуно лавкаез (кебитез) чыжыса усьтъи, вузэз лыз вылэмзэ буръи, нонойлы дядяйлы келишозъ мэдамъ, нылъёсъ јыръ, лемта дунъ воргоромъ зыръ пуйылыкъ. Нюлэсъ шорынъ чеберъ возь, чеберъ возь вылынъ лабрес сирпу, сирпуынъ тутыкыш пуке, шаліенъ сіэзи но выжіясъ уськытъи, коньдонэнъ сіэзи но ки улам уськытъи.

2) Кудое пуктэмъ тыръ бадъянъ, со бадъянъ тöреенъ даллашыса пуке, джок вылаз пуктэмъ дасъ кыкъ штопъ, со милимынъ даллашыса пуке, джöкъ вылазъ вöлдэмъ тöдьы джöкъ кышет каб лымы кадь, джöкъ вылазъ пуктэмъ вой шундъиенъ даллашыса пуке, джöк вылаз пуртэзъ азвесь со чьорыго нянь возьма азвесь вилка джöкъ вылазъ тöдьы чьорыгез возьма.

3) Пыдамъ, кутъяи кечь ку сапегъ, азвесь кöтьырмаенъ, со посьтытось текчяло шуса лыктэм вал, квиньмой лэсяна кöлытыны уг одъяло, јырамъ изьяй мидзь изьы јырсіе ачьке изьы пыртъимъ, киамъ понъи замшевой перчатка, выламъ дъисяй коньы ку шуба, дарали кыскемъ тулыпъ, кускамъ кертъи бурчинь кушакъ.

4) Кузонэ мынъи китай вузлы, дядяе возьма баришме, анае возьма зырме, сьодъ апаен пумичьки, басьтода апай вузме? басьто шуизъ, сьод апайлэнъ гуръ ултъизъ мардзянъ весь, кудоямъ мынъи, кудолэнъ торе укно улозъ кедра пу, кедра сяськазэ тодмаса пырнъ кудое потъизъ чужъ шубаенъ, бачькисезъ вылэмъ позыресъ, ми позыръяськыса тубимъ, корка ос куспазъ вылэмъ тодьыкамъ, монъ пыри тодьы чожъ сяенъ зумчькыса, корка полэзъ чужъ пужымъ, пырыкымъ чöженъ сюдъизъ сектазъ, потыськымъ курегенъ сюдъизъ сектазъ.

5) Тыпы мули кадь валъ мыгоры, музынъ костаськись кадь карид-угъ, базаръ колпакъ нулдоно кадь нуніе валъ, кокошникенъ воштъидугъ, јырсіе валъ чужъ бабылес, ваё пунэтъ вылэ уськытъидъ, чорыгъ свёмъ кадь валъ азвесь уксес, чьорыгъ мызь кадь валъ мардзянъ весе, тöлтэкъ толась валъ шоддэреме, сарафанэнъ воштъид—угъ, бубыли бурдъкадь валъ сюлыке кышетэнъ воштъидъ угъ. Камъ тупалъ писе јуало дядяе, мынаш а умъ а? Тыпымули кадь валъ мыгоры ву вылъ силё луозъ вылды, чужъ бабылесъ јырсіе ву вылъ шашы луозъ вылды, чьорыгъ свомъ кадь азвесь уксёе ву вылъ шукы луозъ вылды, чьорыг мызь кадь мардзян весе, чьорыгъ мызь луозъ вылды, јырсьы пунэтэ толаса улозъ вылды, тонъ анай чукна султы но вöлдэтэдъ шоре учькы.

Переводъ пѣсенъ.

1) Отецъ мой отпустилъ меня, какъ медвѣдя, прикованнаго къ цѣпи, мать моя отпустила меня, одѣвъ меня, какъ шелковый клубъ, братъ же мой отпустилъ меня, какъ взвѣшанаго въ золотники. По бору прошелъ на подобіе лѣсного ястреба, по лѣсу прошелъ по свѣту бересты, по оврагу прошелъ по шуму мостовому, степью прошелъ по лошадиному топоту, въ поле вошелъ по свѣту ржаного цвѣта, въ деревню зашелъ по свѣту крышъ, по камѣ прошелъ съ камышевою тростью, утромъ всталъ и умылся росовой водой, полотенцемъ послужилъ кленовый листъ. Поднялся на базарь, пнулъ ногой въ дверь богатой лавки и отворилъ, изъ товара выбралъ синяго цвѣта,—понравится ли отцу и матери? Цѣна дѣвицы равна цѣнѣ ленты, цѣна мужчины равняется мѣшку (съ деньгами). Въ срединѣ лѣса красивый лугъ (покосъ), на красивомъ лугу развѣсистый вязъ, на томъ вязѣ сидитъ павлинъ, бросилъ въ него галькой и уронилъ на корень, бросилъ въ него деньгой-полушкой, уронилъ на руки.

2) Поставлена (на столъ) полная чаша, чашка эта споритъ съ тобе: на столъ поставлены двѣнадцать штофовъ (вина)—съ нами спорятъ, стоятъ; на столѣ постлана бѣлая скатерть, бѣла какъ снѣгъ; поставлено на столъ растопленное масло, споритъ съ солнцемъ: на столѣ серебряный ножъ, рыбный пирогъ ждетъ, серебряная вилка на столѣ, бѣлую рыбу ждетъ.

3) На ноги надѣлъ сапоги козловые съ серебряными подковами, чтобы скакать до тѣхъ поръ, пока ихъ не изношу; но вогъ насъ не желаютъ принимать болѣе трехъ ночей. На голову надѣлъ такую шапку, что волосы видно сквозь шапку, на руки надѣлъ замшевыя перчатки, на себя надѣлъ бѣличій тулупъ, окаймленный (общитый) блистящей шелковой матеріей, опоясался шелковымъ кушакомъ.

4) Въ Казань поѣхалъ за товаромъ китайки, отецъ ждетъ барыша, а мать ждетъ мою голову. Встрѣтился съ черной теткой. «Купишь, тетка, мои товаръ»? сказала: «куплю». У той черной тетки на шеѣ карлаловые бусы. Пошелъ къ свату, у свата подъ окномъ кедровое дерево, вошелъ къ нему узналъ его по цвѣтамъ кедра; сватъ вышелъ навстрѣчу въ желтой (дубленой) шубѣ; лѣстница его сѣней оказалась устроенной въ кругъ, мы вертѣлись, поднимались, между дверями дома (и сѣнями) оказалась бѣлая кама (рѣка). Я вошелъ, какъ бѣлая утка вынырнулъ; полъ въ его домѣ изъ желтой сосны; когда вошелъ въ домъ, угощалъ меня уткой, а когда уходилъ—курицей угощалъ.

5) Тѣло мое было какъ дубовый жолудь, ты сдѣлалъ его таскающимся по землѣ; головное украшеніе мое было, какъ базарный колпакъ, ты промѣнялъ его на кокошникъ; волосы мои были желтые, кудрявые, ты продалъ на двѣ косы; серебряныя монеты мои были, какъ рыбій пузырь, коралловыя мои бусы были, какъ рыбья икра, безъ вѣтра колебался мой халатъ, ты промѣнялъ на сарафанъ; какъ мотыльковое крылышко было мой

головной уборъ (сюлыкъ), ты промѣнялъ на кокошническій платокъ. Закамскіе мужчины сватаютъ меня, отецъ, идти или нѣтъ? Какъ дубовый желудь, былъ мой станъ (тѣло), надводнымъ кустомъ должно быть будетъ. Желтые кудрявые мои волосы должно быть надводными камышевыми листьями будутъ; серебряныя мои монеты, похожія на рыбій пузырь, должно быть, будутъ пѣной на водѣ; коралловые мои бусы, похожіе на рыбью икру, въ икру обратятся; косоплетка моя (лента) вѣтромъ будетъ колебаться. Ты, мать, встань по утру и смотри на потолокъ.

Изъ пѣсенъ первыя четыре употребляются на свадьбахъ (ярашонахъ и сюлнахъ), а пятая—во всякое время. Относительно пятой пѣсни вотское преданіе говоритъ, что отецъ упоминаемой дѣвушки, по наущенію мачихи, принуждалъ выходить замужъ за русскаго парня [1]), поэтому она не разъ умоляла, чтобы отецъ ее выдалъ за закамскаго любимаго парня, но было тщетно. Наконецъ она во избѣжаніе насилія рѣшилась нарядиться въ лучшую свою одежду и утопиться, ея же примѣру послѣдовалъ и любимый ею молодой парень, утопился онъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ любовница его утопилась, только у противоположнаго берега. На этихъ берегахъ выросли двѣ ивы, служащія символомъ ихъ любви: онѣ сошлись вмѣстѣ верхушками и сплелись даже, какъ бы обнялись.

Есть еще пѣсня бѣглаго разбойника, вотяка, который жилъ, по преданію ихъ, по берегамъ рѣки Ижа. Когда его поймали, онъ пѣлъ пѣсню, въ которой между прочимъ изображается краса природы, гдѣ онъ жилъ, и его дѣятельность по разбою, какъ онъ «двѣнадцать барановъ зарѣзалъ» было, только у двухъ нашелъ сала, т. е. двѣнадцать человѣкъ онъ зарѣзалъ, и только у двухъ нашелъ денегъ. Вотъ вотскій текстъ этой пѣсни: «Дасъ кыкъ такезъ монъ вандэмъ валъ, одыкъ гынэ кыкезлэнъ койызъ сюризъ». Поется эта пѣсня довольно жалобно. Пишутъ въ нѣкоторыхъ книгахъ, что у вотяковъ пѣтъ сложенныхъ пѣсенъ, что они только поютъ то, что придетъ на умъ. Это дѣйствительно бываетъ такъ, но есть и пѣсни сложенныя и поются приноровительно къ обстоятельствамъ мѣста и времени, а въ Казанской губерніи всегда поютъ хорошо сложенныя и риѳмованныя пѣсни.

20. Наговоры отъ болѣзней.

Вотъ образецъ наговора отъ пученія въ животѣ у лошади (по вотски «валлы тэлоу јетемлэсь»).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Я не видалъ, чтобы вотячка выходила замужъ за русака, а русскія, знающія вотскій языкъ, выходятъ за вотяковъ и одѣваются повотски и исполняютъ языческія обряды и моленія. Вотячки всегда плетутъ волосы въ одну косу, а плести въ двѣ косы для нихъ низость.

Сизьымдонъ—но сизьымъ портэмъ турымлэнъ куарлэнъ дъиньтъизъ пырыса, јылтъизъ потыны толъ быгатъизъ же, сокы та баллы тэлоу медъ јетозъ. Сизьымдонъ—но сизьымъ пӧртэмъ пислэнъ пулэнъ дъиньтизъ пырыса, јылтъизъ тӧлке потъизке, сокы тэлоу медъ јетозъ. Сизьымдонъ но сизьымъ пӧртэмъ кіонлэнъ гондырлэнъ ымтъизъ пырыса пыртъизъ потыны быгать изъ—ке сокы тэлоу медъ јетозъ. Сизьымдонъ но сизьымъ портэмъ лудъ—кечьлэнъ пыртъизъ потыны быгатъидке сокы тэлоу медъ јетозъ. Сизьымдонъ но сизьымъ портэмъ текчасьлэнъ пыртъизъ потыны быгатъидке сокы тэлоу медъ јетозъ. Сизьымдонъ но сизьымъ пӧртэмъ кыйлэнъ пыртъизъ потыны быгатъидке сокы тэлоу медъ јетозъ. Сизьымдонъ но сизьымъ пӧртэмъ чьорыклэнъ пыртъизъ потыны быгатъидке, сокы тэлоу медъ јетозъ.

Переводъ наговора.

Когда вѣтеръ (пученіе) сможетъ войти въ разнородныхъ травъ и листьевъ съ корня и выйти изъ вершины; тогда пусть будетъ пученіе у лошади. Когда вѣтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ деревъ съ корня и выйти изъ вершины, тогда пусть будетъ пученіе у лошади. Когда вѣтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ волковъ и медвѣдей сорта (спереди) и выйти изъ зада, тогда пусть будетъ пученіе у лошади Когда вѣтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ зайцевъ и выйти чрезъ внутренность его, тогда пусть будетъ пученіе у лошади. Когда вѣтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ лягушекъ сквозь ихъ, тогда пусть будетъ пученіе лошади. Когда вѣтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ змѣи и выйти сквозъ ихъ, тогда пусть будетъ поученіе лошади. Когда вѣтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ рыбъ и выйти сквозь ихъ, тогда пусть будетъ пученіе лошади.

Вотъ обычныя у вотяковъ болѣзни, при которыхъ употребляются наговоры.

1) Булыкъ (спазмы), 2) злокачественныя золотушныя чирья на головѣ (чьучьы). 3) порча (вейнамъ), 4) сюлэмъ висемъ (болѣзнь сердца, 5) Пинальес вир съитясь, кыкы (диссентерія, или кровавый поносъ), 6) валъ пери шорэ јетъ (параличъ лошади). 7) искаллы, ыжлы тӧлоу луэ (пученіе у коровъ и овецъ), 8) кос висенъ, (ревматизмъ), 9) кузьыртонь (худая болѣзнь), 10) кыземъ ым потос (кашель или жаба), 11) чужектонъ (желтуха), 12) сьодъ кыль (горячка, тифъ), 13) кезекъ (лихорадка), 14) дой (грыжа), 15) кый синь (чиреи злокачественный, который долго не назрѣваетъ), 16) ки сюемъ или ки пыктэмъ (опухоль руки во время жатвы), 17) кечь кыль (грипъ), 18) чячяпоськы (оспа).

Желтуху вотяки различаютъ желтую, черную и бѣлую. А про кровавый поносъ говорятъ. что кылчинь убиръ ѣстъ младенца,—кылчинь убиръ

(ангелъ бѣсъ), т. е. бѣсъ, который находится при человѣкѣ. Вотяки вѣруютъ, что при человѣкѣ всегда находится ангелъ и бѣсъ. Этотъ самый бѣсъ должно быть и называется кылчинь убиръ. Всѣ эти болѣзни вотяками наговариваются, только лихорадку и горячку не наговариваютъ. Оспу до 12 дней нельзя наговаривать, потому что эта болѣзнь отъ Бога, послѣ 12 дней можно наговаривать отъ уроковъ (синъ усемлэсь). Въ наговорахъ употребляются очень часто срамныя слова.

Эмъясь (лѣкарь) долженъ быть въ тоже время пельлясь (наговорщикъ). При первомъ случаѣ употребляются средства для лѣченія, а при второмъ случаѣ одни наговоры, но большею частію дѣлается совмѣстно. Числа 7, 77, 9, 99 считаются священными числами и имѣютъ особенную силу, посему эти числа часто употребляются въ пѣсняхъ, наговорахъ и молитвахъ.

21. Молитвы.

Мукылчинъю. Остэ Инмаре кладъ кутъ, така сётъиськомукылчынь Инмаре, киземъ јуме няньме, коньы бизьымонъ, серъ бызьымонъ потты, зарни тъисьемъ азвесь шепенъ Тон ке карысалыдъ. Культо вӧзэ культо пуктымонъ шуддэ бурдэ сётъ, чюмолё вӧзэ чюмолё пуктымонъ шуддэ бурдэ сётъ сикись сике кабанъ пуктыны шуддэ бурдэ сётъ Инмаре. Таюнэным няненымъ будзымъ эксэйлы вытъ тырыны кужымъ сётъ, сины, јуны берекеттэ дэлеттэ сётъ ськавынэнъ бӧлякенъ дзечь родняенъ шудса серектяса дзечь пудоенъ животэнъ, дзечь нылынъ пиен улны вылны медъ кылдозъ.

На гумнё по вывозкё хлёба. Остэ Инмаре берекетдэ сётъ ини люкамъ октэмъ калтэмъ јулы няньлы берекеттэ сётъ, југытъ тӧдыт кылдчинь Инмаре, пудо животлы но берекеттэ сётъ, шырлы комаклы энъ сётъ, лэс вылэ пуктэмъ бере.

Въ шалашё въ каждый праздникъ. Остэ козма воршудъ армись лыктэмъ праздникедъ понна, Тонэ буре вантэкъ умъ сіиське умъ юиське вождэ энъ вай вордшудэ. Кайта вуоно ардэ тазьы—икъ дзечькынъ возьматы, нылынъ піенъ пудоенъ животэнъ дзечъ улыны вылыны дзечь аръёстэ возьматы, милемызъ но, родняёсмесъ но тушмонлы энъ сетъ тушмонъ малпасьёссэ чябы сьӧртъи, дзечь малпасьёссэ корка.

На озими весною около Троицы. Остэ Инмаре кылдчине киземъ палькемъ јуэзъ, ожо сяенъ ожматсалыдке бадьпу сяенъ пушъмытсалке, кызьпу сяенъ тӧлэдзьытсалке, коньы бызьымонъ, сьоръ бызьымонъ нюпырчькыса сетсалке, октонъ калтонъ дырья культо вӧзэ культо ке пуктысалъ, чюмолё вӧзэ чюмолеке пуктысалъ, пыртэме ваенъ дырья 12 јыло кабанке люкаськысалъ, обинись ваёнъ дырья коскиенъ влйса быронтэм тыръ дэлеттэ, берекеттэ Тон ке сётсалъ, сусекъёсъ улласянь пуньырдзы-

монъ, валласянь тудзьымонъ, будзымъ экесэйлы вытъ кôрс тырымонъ ваны, бурдэ Тонкэ сётсалъ, сюмысо урысёзлэсь утьса вордысалке, жильё кортэзиэсь утьсалке, бызенъ потонъ дырья борись уиськисьлэсь пумить пыкисьлэсь утьсалке, пыдынъ чектэмлэсь, кылынъ јангшемемлэсь утьсалке.

Тулысъ вапумэнъ пудодэ животтэ бусъи поттонъ дырья выджылэсь нюкъ гопъ дэрилэсь, сьôсьлэсь каплэсь, лулке посььлэсь, чьерлэсь, чюрлэсь лыктэмъ кыльлэсь—дэилэсь утьсалке, гидтыръ, лудъ тыръ карысалке. Гужемъ нуналынъ шуныдъ леськытъ нуналъестэке сетсалъ, небытъ зоръестэ сётсалке, сильтöл лекъ зоръёсыдлэсь утьсалке, оло азьло вераноэз сюризъ, оле берло вераноезъ сюризъ, милесьтымъ мулятэмътэмесъ Ачьыдъ чошкаты.

Переводъ молитвъ.

а) Господи Боже мой, пріими въ твои руки и ноги, даю барана. Ангеле Боже, повели, чтобы посѣянное мною жито и хлѣбъ взошелъ, чтобъ можно было бѣгать по нему бѣлкамъ и куницамъ. О! еслибы ты сдѣлалъ такъ, что зерна бы были золотыя, а колосья серебрянные! Дай намъ, Боже, благодать твою такую, чтобы снопы ставились къ снопамъ; также, чтобы копны къ коппамъ ставить. Дай благодать твою такую, чтобы изъ лѣсочка въ лѣсочекъ ставить клади, чтобы симъ житомъ и хлѣбомъ великому Царю платить подать, дай помощь. Пошли блигодать твою неоскудѣвающую, ѣсть и пить съ сосѣдями и добрыми родственниками, шутя и смѣясь, съ добрыми скотами, дѣтьми (сыновьями и дочерями).

б) Господи Боже нашъ, дай же ужъ благодать твою: своженному, собранному житу и хлѣбу дай благодать. Свѣтлый, бѣлый Ангеле Боже мой, скотинѣ дай благодать, не дай ѣсть мышамъ и хомякамъ, когда поставимъ на стойки.

в) Спаси и помилуй, Боже—счастья (Воршудэ), ради праздника твоего, прошедшаго въ годъ разъ; не пьемъ и не ѣдимъ безъ прославленія твоего имени, не прогнѣвайся ты, мой Боже—счастья. И впредь будущій годъ твои также въ добрѣ покажи, съ сыновьями и дочерями (дѣтьми), со скотомъ, чтобы жить и быть въ добрѣ. Хорошіе годы покажи, насъ и нашихъ родственниковъ не дай лукавому; враждующихъ мимо двора, доброжелающихъ въ домъ направи.

г) О, Господи Боже, Ангеле мой, посѣянное, брошенное (въ землю) жито ты бы какъ лужокъ сдернулъ, какъ ивнякъ развѣтвилъ, какъ березникъ распустилъ. Такъ дай, Боже, чтобы по нему (по соломѣ) можно было бы бѣгать бѣлкамъ и куницамъ, чтобы солома отъ тяжести зеренъ согнулась, а когда буду собирать и грудить, чтобы поставить снопы къ снопамъ, груды къ грудамъ, а когда буду возить (на гумно), чтобы двѣнадцать кладей было, а когда буду носить изъ овина начевкой, дай ты такую благо-

дать, чтобы носить-не переносить. Изъ сусѣковъ, чтобы снизу придавляло, чтобы сверху довершалось. Дай Ты благодать твою, чтобы великому Царю уплатить подать. Отъ ременной нагайки Ты бы охранялъ, отъ желѣзной цѣпи Ты бы сохранялъ. Во время входа и выхода Ты бы сохранилъ отъ погони и встрѣчныхъ упорныхъ, отъ преткновенія и отъ ошибочныхъ выраженій языкомъ избави. Въ весеннее время, когда будемъ отпускать скотину въ поле, отъ ямъ и овраговъ, отъ топи, отъ хищныхъ звѣрей, отъ солнечнаго удара, отъ болѣзней и хворостей, отъ эпидеміи избави, умножи ихъ такъ, чтобы ими полны были хлѣвы и стаи, чтобы полно было ихъ поле. Въ лѣтнее время дай Ты теплыхъ благорастворенныхъ дней, дай теплыхъ и добрыхъ дождей, отъ вредныхъ дождей съ сильными вѣтрами громомъ и молніей Ты сохрани. Можетъ быть, что слѣдовало въ началѣ сказать, то выразилось мною на концѣ, а то и на оборотъ, но ты Самъ уравняй.

Обращеніе къ Богу въ полѣ—Остэ Инмаре, а въ лудѣ- «оминь козма султонъ дзечь асаба». При моленіи въ лудѣ дѣлается оговорка богу луда (керемети): «прости насъ (султонъ дзечь асаба), можетъ быть позволительная и непозволительная трава попадется косить. Уже благослови насъ косить самъ, не смѣемъ безъ твоего благословенія приступить. Богу «му кылчинь» полагается молиться на колѣняхъ и безъ шапки, а богу «Инмарлы» стоя съ шапкой. При моленіи въ родовомъ шалашѣ торе [1]) не молится, а сидитъ въ переднемъ углу съ женой и въ шапкѣ, онъ не встаетъ и шапку не снимаетъ во время молитвы. (см. моленіе въ родовомъ шалашѣ)

Молитва умершимъ.

Чеке пересьёсъ, тъиледызъ буре ваиськом та праздникъ понна, сурлэсь виналэсь энъ вожъяске, сіемды јуэмды потыса энъ улэлэ, шыдэзъ нянезъ удалтытэ, нянезъ турымесь куаресь энъ карелэ, энъ тугалэ, пудоезъ животэзъ нюке гопэ энъ донгелэ, сьосьлы каплы эн сетэ, пересезъ но пиналэзно огдэсъ огды обидъ энъ каре, огазьынъ сіе јуэ, энъ чьертэ энъ мыжтэ, со дуннеяды дзечь улэ.

Русскій переводъ молитвы.

Вотъ, старики, васъ поминаемъ ради сего праздника, не жаждите и не алкайте пива, или вина и пищи, пищу нашу уродите, хлѣбовъ не дѣ-

---

[1]) Торе въ частномъ шалашѣ бываетъ самъ хозяинъ, жена угощаетъ его тогда.

лайте сорными, не путайте, животныхъ или скотину въ ямы и овраги не толкайте, хищнымъ звѣрямъ не давайте и старые и малые другъ друга не обижайте, ѣшьте и пейте всѣ вмѣстѣ, не наводите въ болѣзнь, на томъ свѣтѣ живите въ мирѣ

Поминки повотски называются кисьтонъ. Кисьтонъ (моленіе въ память умершихъ, или поминовеніе усопшихъ) бываетъ два раза въ годъ, осенью и весною, кромѣ того представляется много случаевъ поминовенія умершихъ: при потерѣ чего либо или кого либо изъ животныхъ и птицъ и при всякихъ болѣзняхъ, какъ то: нарывахъ и чирьяхъ, исключая болѣе серьезныхъ болѣзней. Болѣзни, наводимыя умершими, какъ уже говорено было на своемъ мѣстѣ, называется «кулэмъ муртъ мыжъ». Мыжей, впрочемъ, много; кечь мыжъ, кулэмъ муртъ мыжъ, куажы мыжъ, дукъя мыжъ и пр. Слово мыжъ или кыль означаетъ болѣзнь. Кечь мыжъ-заячья или козья болѣзнь, кулэмъ муртъ мыжъ—болѣзнь умершихъ, куажы мыж—коростельная болѣзнь, дукъя мыжъ—болѣзнь глухаря и т. д. Для опредѣленія этихъ болѣзней ходятъ къ шаману, или ворожцу (усто-туно).

При поминкахъ умершихъ и встрѣчаютъ, т. е. принимаютъ въ домъ, потомъ кормятъ, угощаютъ чтобы они не сердились, но были милостивы и не вредили имъ никакъ. Хлѣбъ въ полѣ чтобы не путали, болѣзней не напускали, скотину и птицъ охраняли.

Священная пѣсня въ родовомъ шалашѣ.

Будзымъ инэ вуэ тонэ буре ваиськомъ, куриськиськомъ, восяськиськомъ, јубыртъиськомъ тонъ понна, вождэ энъ вай.

Переводъ

Великая небесная роса, тебя поминаемъ, умоляемъ тебя, молимся тебѣ и покланяемся ради тебя, не прогнѣвайся.

Примѣчаніе. Подъ именемъ небесной росы, или по вотски будзымъ инъ-ву, можно разумѣть особенную благодатную силу небесную. Когда шаманъ исполняетъ обрядъ опредѣленія или выбора на должности Лудъ-утися или будзымъ куа утися, т. е. жрецовъ въ керемети или въ родовомъ шалашѣ, полагается игра на гусляхъ для танца шаману, и мотивъ той игры на гусляхъ называется Инъ-ву утчянъ гуръ, т. е. напѣвъ или мотивъ исканія небесной росы или дара пророчества. А въ родовомъ шалашѣ божество называется небесная роса (будзымъ инъ-ву), и напѣвъ пѣсни, которая поется въ родовомъ шалашѣ, называется напѣвъ небесной росы (будзымъ инъ ву гуръ). Божество будзымъ инъ ву (небесная роса) даетъ всему роду счастье и благосостояніе. Пѣніе этой пѣсни совершается по окончаніи моленія и

ются всѣми, только начало полагаетъ первенствующій. Потомъ говорятъ: пиазъ медъ мимозъ, это значитъ пусть дойдетъ до мѣста. При моленіи въ молитвѣ, между прочимъ, говорится: налегли онъ кары,—это значитъ: не предавай (нашъ родъ) эпидеміи. При моленіи соблюдается крайнее благоговѣніе. При этомъ единство духа и любовь другъ къ другу выражается въ полной силѣ.

22. Взглядъ закоренѣлыхъ въ язычествѣ вотяковъ на христіанство.

Крестьянинъ с. Буранова Моисей Степановъ, защищая язычество, такъ говорилъ мнѣ: вѣдь наше моленіе Богъ принимаетъ. Посмотри, какъ только вотяки замолятся въ полѣ, такъ и дожди бываютъ; это извѣстно всѣмъ. Даже нѣкоторые русскіе ждутъ и не дождутся нашего моленія, чтобы скорѣе пошелъ дождь. А что съ хлѣбомъ у васъ молятся, вѣдь и у васъ въ церкви при богослуженіи употребляются просфоры, въ томъ разница, что мы молимъ черный хлѣбъ, вѣдь это все равно. У васъ кажденіе, а у насъ вмѣсто того куреніе: часть жертвеннаго животнаго сжигается, и дымъ съ поля или изъ лѣса прямо поднимается къ Богу. А что, если вы говорите, что у насъ много боговъ, то и у васъ много святыхъ, а въ сущности и у насъ одинъ главный Богъ. Нашихъ жрецовъ тоже Богъ ставитъ чрезъ шамановъ, которыхъ учатъ сами ангелы Божіе.—При такихъ представленіяхъ вотяка заставить его отстать отъ язычества, очень трудно. Замѣчено мною, что вотяку, отставшему отъ язычества, жутко приходится со стороны своихъ единоплеменниковъ: или какой житейской невзгодѣ, или семейному неудовольствію, или несчастному случаю, ему прямо съ какимъ то злорадствомъ указываютъ на нихъ, какъ на послѣдствія его отпаденія отъ язычества. На него и глядятъ, какъ на отщепенца, и не сообщаются съ нимъ. Вотяки гнушаются такими людьми. У одного вотяка въ моемъ приходѣ предъ самою нашей въ тотъ самый годъ, въ который онъ бросилъ язычество, подражая своимъ братьямъ, пропала лошадь и еще случились кое какія непріятности, какъ то: болѣзни, падежъ скота и проч. Понятно, что говорили вотяки. Хорошо, какъ есть кому поддерживать его, но если нѣтъ, то ему одному не устоять, особенно, если онъ не обладаетъ силою воли. Вотяки въ подобныхъ случаяхъ вотъ что говорятъ: сколько ни предпринимай мѣръ, русскимъ не быть, а все будешь вотякомъ. А некрещенные вотяки говорятъ: креститься да не исполнять гораздо хуже, чѣмъ не креститься, да исполнять. Крещеный да добра не дѣлаетъ, а не крещеный да добра много дѣлаетъ. Вѣдь Богъ видитъ, кто что дѣлаетъ.

Относительно дождя, дѣйствительно, мнѣ доводилось слышать отъ нѣкоторыхъ русскихъ бабъ, довольно развитыхъ въ нравственномъ отношеніи, даже между старинными просфорницами, такого рода фразы: Хоть-

бы вотяки то скорѣе молились, можетъ быть Богъ послалъ бы дождя. Нужно замѣтить и то, что напольные молебны по христіанскому обряду уже были совершены тогда, когда это говорилось. То, что послѣ моленія вотяковъ бываютъ дожди, это часто бываетъ правдоподобно, потому что жрецы зимою еще замѣчаютъ за погодой такъ, что они приблизительно и зимою могутъ сказать про лѣто, какое оно будетъ. Они хорошо умѣютъ сопоставлять зимніе мѣсяца съ лѣтними, поэтому время сѣнокоса вотякъ опредѣляетъ еще зимой, и большею частью удачно. Это дѣлается такъ: Если въ началѣ ноября снѣгъ, то въ началѣ мая дождь, или во второй половинѣ декабря снѣгъ, то во второй половинѣ іюня дождь, значитъ косить надо въ началѣ іюля. Ноябрю соотвѣтствуетъ май, декабрю іюнь, январю іюль.

А что касается до трудности обращенія вотяковъ въ православіе, или рѣшимости, отстать отъ язычества особенно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ руссицизмъ не имѣютъ никакого вліянія на нихъ, то это еще объясняется слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что бросаетъ язычество «будзумъ куа утись», т. е. жрецъ родоваго шалаша, то онъ чтобы не опасаться изгнанія правды ради, долженъ объявить своему бэляку о своемъ намѣреніи заблаговременно, а бэляку обществу родовому представляется необходимымъ командировать избранныхъ лицъ за шаманомъ и привезти его для избранія новаго жреца или вотскаго попа, какъ выражаются вотяки, устроить по этому случаю празднество всѣмъ обществомъ, а жрецъ отставшій при этомъ не долженъ уже принимать участіе въ томъ, тогда то и посыплются на него проклятія со стороны бэляка и уронитъ онъ этимъ себя сразу предъ глазами общества. Вотъ причина трудности отставанія отъ язычества.

23. Изъ народно-бытового вотскаго мѣсяцеслова.

Январь,—просинецъ—толшоръ (середина зимы).

1. Новый годъ—вильаръ.

6 Крещеніе jöвылэ султонъ (вставаніе на лёдъ) или jö вылэ потонъ, выхожденіе на ледъ (Моленіе въ посемейномъ шалашѣ).

Въ этомъ мѣсяцѣ не полагается молотить, потому что не будетъ спорины хлѣбу, цѣлый годъ будешь нуждаться въ хлѣбѣ. Мужчины плетутъ лапти, а женщины прядутъ.

Февраль, сѣчень-куака толэзь. (вороній мѣсяцъ).

Въ этомъ мѣсяцѣ идетъ снѣгъ, такъ называемая крупа, похожая на градъ (по вотски—куака кеньыръ, воронья крупа).

2. Срѣтеніе Господне—гондыръ султонъ пуналъ (вставаніе медвѣдя изъ берлоги).

Масляница вöй дыръ, масляное время. Масляница у русскихъ начинается съ понедѣльника, а у вотяковъ съ четверга, и называется вöй келянъ,—проводы масляницы.

Мартъ сухій,—ожъ толэзь. (появленіе лужка)

17. Алексіевъ день (также зовется и по вотски). Сборное воскресеніе —кирень. арня, кирень базаръ арня (хрѣнное воскресеніе, воскресеніе хрѣннаго базара).

25, Благовѣщеніе,—дӧдьы куштонъ,—бросаніе саней.

Великій четвертокъ—кулэмъ потонъ уй (вставаніе мертвецовъ). Очерчиваютъ кругомъ дома и строенія литовкой, чтобы не ходили мертвецы и не вредили имъ, потому что въ эту ночь вѣдьмы и колдуньи выходятъ колдовать. Ньӧръ васьтыръ—овечекъ бьютъ вербой, чтобы плодливы были.

Вербное воскресеніе—пучьы арня (тоже). Возятъ снѣгъ въ погребъ, а съ крышъ бросаютъ.

Апрѣль—березолъ,—кызь моча, кызель, кызьпу—береза. Въ семъ мѣсяцѣ берутъ березовицу, сурсы—ву, а къ концу мѣсяца начинаетъ рости сѣвериха, кызолгы—по Казански, а по Вятски—кызоузы.

23. Георгіевъ день, также и по вотски; другое названіе—поськы васьконъ, т. е. сошествіе стрижей (родъ ласточекъ)

Пасха—акашка, будзым нунал.

Куала пыронъ,—входъ въ шалашъ (для моленія).

Радоница, поминовеніе усопшихъ И вотяки около этого же времени поминаютъ усопшихъ въ видѣ провожанія Пасхи.

Послѣ Пасхи мужчины ходятъ рубить дрова для осени, а женщины начинаютъ ткать. Холостые парни и дѣвки выходятъ спать въ шалашъ и въ клѣть.

Май травень, турымъ потонъ, растеніе травы. Турымъ—трава, гуждоръ—лужокъ, ожо—дернъ.

9. Николинъ день весенній. (Тулысъ Микола нуналъ).

Тулысъ гыронъ,—весенняя пашня; гырыны потонъ, выходъ для пашни.

Троица также, или еще—музъемъ кылдонъ нуналъ, день созданія земли (моленіе въ шалашѣ). Въ Троицу не дозволяется копать землю.

Въ маѣ мужчины снимаютъ лубья для мочалъ съ липы и лыко. Пашутъ, а женщины колотятъ, бѣлятъ вытканное, потомъ шьютъ рубахи и вышиваютъ,

Іюнь,—изокъ, лек или вожо толэзь (управленіе бога, дающаго цвѣтъ и урожай ржи, хлѣба), т. е. солнца.

29. Петровъ день (также) Геры беръ—посемейный праздникъ, ради окончанія пашни

Вӧсяськонъ—моленіе на ржаномъ полѣ.

Лудэ пыронъ—моленіе въ керемети, чтобы не осужденно косить траву (см. молитву и моленіе въ керемети).

До моленія въ лудѣ (керемети) не позволяется косить. Мужчины возятъ наземъ на паровое поле, а женщины продолжаютъ начатое въ маѣ.

Въ этомъ мѣсяцѣ слѣдуетъ быть осторожнымъ, чтобы не прогнѣвить бога (См. Вожо).

Вожо еще значитъ метеоръ, комета, летающіе огненные змѣй, вѣдьма, злой духъ, а еще есть ин—вожо—растеніе, къ которому опасно и прикоснуться до 20 іюля). Онъ же служитъ символомъ красоты.

Въ Петровскій постъ, послѣ пашни, у вотяковъ бываютъ скачки и борьба; побѣдителямъ даются платки.

Іюль—червень, турнанъ (кошеніе).

20. Ильинъ день—виль (новь, новый хлѣбъ).

Араны потонъ, начало жатвы.—Мужчины и женщины косятъ, гребутъ сѣно, потомъ начинаютъ жать, а мужчины пахать пары.

Августъ, заренъ, заревъ, дзегкызёнъ, сѣвъ ржи.

Первый Спасъ, Середній Спасъ и Послѣдній Спасъ—Нырись Спасъ, Шоръ Спасъ, Беръ Спасъ.

18. Флоровъ день (также)

Дзегъ кизенъ—сѣвъ ржи.

Въ семъ мѣсяцѣ пашутъ, молотятъ рожь и сѣютъ, жнутъ овесъ и возятъ рожь на гумно.

Сентябрь, рюинъ, јрюнъ,—ју пыртонъ (свозка хлѣба—овса.)

14. Воздвиженіе—гондыръ изёнъ (спячка медвѣдя).

Іу пыртонъ—свозка хлѣбовъ.

(Моленіе посемейное на гумнѣ).

Пышанъ—рваніе конопля.

Сярчіянъ—рвать, или рѣзать рѣпу.

Кӧжіянъ—крюченіе, сниманіе гороха.

Бунъ джутонъ—вынимание мочальника изъ воды [1]).

Вӧсяськонъ—моленіе на озими.

Гозы пунонъ—витье веревокъ.

Октябрь, листопадъ,—виль джукъ (новая каша).

1. Покровъ—пукроу.

Пышъ чьӧлтонъ—моченіе конопли.

Пышъ джутонъ—вынйманіе конопли изъ воды.

Сэстъиськонъ—мятье конопли или льна.

Согъяськонъ—чесаніе льна йли конопли.

Въ октябрѣ убираютъ овощи съ огородовъ, молотятъ и мелютъ хлѣбъ на мельницѣ и грудятъ дрова.

---

[1]) По настоящему доставаніе мочальника полагается по мнѣнію вотяковъ до Флора, 18 августа.

VII-7676

Ноябрь, грудень—јокынтонъ (застываніе воды въ ледъ).

1. Косьма—Даміанъ (также).
8. Михайловъ день (также).
14. Филипповъ день (никакъ).
21. Введеніе во храмъ. (никакъ).

Въ этомъ мѣсяцѣ начинаютъ возить дрова и наземъ на яровое поле помочью. А на посидѣнкахъ загадываютъ загадки и продолжаютъ до солноворота, до 12 декабря. Впрочемъ это не вездѣ соблюдается. А съ солноворота временемъ начинаетъ править вожо, поэтому это время называется вожо дыръ.

Декабрь, студенъ—толмонъ, толдзёнъ (установка зимы).

6. Николинъ день (Микола нуналъ).
25. Рождество—ымусьтонъ, розговѣніе.

На посидѣнкахъ прядутъ или вяжутъ, а мужчины плетутъ лапти. Усиливаютъ уходъ за скотиной.

Названіе мѣсяцевъ у вотяковъ не одинаково, напр.: январь можно назвать виль ар толэзь, т. е. мѣсяцъ новаго года; февраль вӧй толэзь, или гондыръ султонъ толэзь,—масляничный мѣсяцъ, или мѣсяцъ вставанія медвѣдя; мартъ—кирень базаръ толэзъ, мѣсяцъ хрѣннаго базара, или дӧдьы куштонъ толэзь, т. е. мѣсяцъ бросанія саней, и т. д. Названіе мѣсяцевъ показано согласно вырянскому Пасъ Святцы (см. Зырянскій край Г. С. Лыткина, стр. 21).

2007096148